

АЛЕКСАНДРА НЮРЕНБЕРГ

Планета в клетке

Александра Нюренберг

Планета в клетке

«Издательские решения»

Нюренберг А.

Планета в клетке / А. Нюренберг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939888-8

Вселенная это глобус-гигант, состоящий из бесчисленного множества дисков. Прошлые и настоящее записаны вперемежку. Каждые семь поколений рождается кунштюк, Семёрка, копия своих предшественников. Первопредки, изрядно напроказившие в своей лаборатории «Эдин», сумели выстроить вокруг мироздания клетку. Потерянный в день катастрофы осколок нужен двум противоборствующим сторонам.

ISBN 978-5-44-939888-8

© Нюренберг А.
© Издательские решения

Содержание

История джуни	6
История джентри	67
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Планета в клетке

Александра Нюренберг

Дизайнер обложки bluebudgie Davie Bicker

Корректор Эстер

© Александра Нюренберг, 2018

© bluebudgie Davie Bicker, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-9888-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История джуни

*Чем меньше на тебя ставят, тем больше
у тебя шансов выиграть.*

Говорят на скачках

Рассказывает человек в военной форме.

Лето, тот самый месяц, когда жутковатого вида стрекозы (у вторженцев были такие аппараты) охотятся за кровью заката. Век семьдесят пятый, номер диска в Слойке с кучей нолей и палочек, материк Дария, пятый крестовый поход. Докладывает (военизированному ангелу-хранителю с антирадарными крыльями, нечто вроде внутреннего бронированного алтер-эго) офицер типа простой парень с улыбкой Джоконды – то есть, я любимый. Я имею в виду внутренний диалог, если вы понимаете.

– Следует доложить гуну города. – Вяло сказал я затем вслух, чтобы что-то сказать и вслух. Не раскочеривать же сокровенное. – Он обязан оказать помощь ополченцам.

Мне показалось, что меня кто-то подслушивает. Наверное, это у меня профессиональные издержки. Я даже обернулся через левое плечо, и, конечно, никого не увидел.

– Гун? – Переспросил меня новый знакомец, выпрямился, заслонив половину солнечного круга, и спрятал, поиграв, свой штычок. – Что ты хочешь от парня, у которого предков втрое меньше, чем полагается обычному человечешке?

Я поразмыслил.

– То есть, аристократа.

Я сел в траву, любуясь своими тощими коленями в пострадавших штанах с клеймом гвардии Его Подблаженства – не спрашивайте, где. Головоотяп, которому угораздило сделать меня вечным должником, сообразил что-то и по-домашнему показал мне большие жемчужные резцы в лезущей на скулы бороде.

– А. – Высказался он и вроде как поклонился бородой. – Я перешёл на «ты». Прститите-звините. Нет, я, и правда, извиняюсь. – Добавил он, видя, что я нахмурился.

Он уселся рядом – я вообще-то не ценю такие близкие контакты между представителями грозной части человеческого вида.

– Ты, чаю, не из этих?

Я уставился нешуточно, но на таком расстоянии было смешно пытаться поджечь его глупую бороду и красивое смешное лицо – я понял внезапно, что он хороший человек. Ну, прямо сердцем почуял, как девушка на выданье.

– Именно? – Переспросил я, показывая ему свои волчьи скулы и бритый острый подбородок, этак строго, чтобы всё же новая дружба не показалась ему мёдом.

– Ты не али... аре... аристократ? – Побарахтался он с впервые обрётшим для него плоть словом. – Ты такой какой-то строгий, что ли.

Он спросил это почти робко, вдвигая своё оружишко окончательно туда, где оно пребывало с десятков минут назад.

Я помолчал насчёт строгости, радуясь, что в свалке, где моё целомудренное гвардейское тело предстало ему не с самой выразительной точки, показался ему не окончательно пупсиком, затем выдал ему негромкое бу-га-га, чем утешил его нехитрую душу окончательно.

Улицы города под низкими лиловыми облаками, лиловое вино в двух замызганных стаканах ростом с королевского карлика. Мы шли себе, меряли улицу ой какой поступью, и люди поглядывали на мои невразумительные погоны и его бородатую статью гражданскими хмуроватыми глазами. Я заметил, что он покосился на меня вразбег взглядцем, раз-другой.

– Что? – Говорю. (Не люблю, когда косятся – ибо у меня на холке тогда какие-то волоски дыбом встают. Неловко как-то.)

– Походочка. – Ответил он. – У тебя.

Солнце пальнуло тут в него и навсегда припуталось к бороде, подожгло и умерло там блаженно.

– Это у всех у вас такая, да?

А я-то решил, он мои шнурованные ботинки рассматривает. Ну, вот. А говорят люди, мужская психика простая вещь.

– У солдат-то раззуди его подблаженства? – Грю. – Похоже.

Он остановился, большой такой. Его тянуло на откровенность и ко мне тоже – у нас явно намечалась дружба навек на две жизни вперёд, даже если он родится бурундучком. Но он им не родится.

– Да нет. – Он умерил своё профундо, так ему показалось, во всяком случае. – Волк, да?

Я тоже призадержался – напротив, в глубине магазинчика над бутылками девичья головка печально смотрела, не видя нас.

– Чего?

– Ты не переживай, и глазами по подолу не шарь. – Посоветовал он. – И зубами не лязгай, вредно.

Я затих.

– Вредно?

– Ага. Для эмали.

– Вот оно как.

– Эге.

Мы молчали. Он молвил проникновенно и тихо:

– Больно было?

– Сроду зубов не лечил. – Отшутился я.

Снова пошли с нарушенным молчанием в сердцах.

– Ты из тех, кому переделку делали при жизни?

Я рассмеялся, он поправился:

– В смысле... ну, ты понял.

– Я понял. Нет.

(Он решил, что я из тех, кому меняли решётку при вербовке.)

– Урождённый?

Я кивнул. Он присвистнул. Мне понравилось. Я ответил:

– Я помесь.

Разоткровенничавшись, обычно чувствуешь себя не в своей, скажем, тарелке. Но сейчас было не так.

– Это хорошо. – Изрёк он на ходу, очевидно, обдумав. – Не люблю я этих-то...

Сразу засмутился.

– Ну, не то, что не люблю. Дрожь у меня от них.

– Я понял. – Заверил я.

Потом, не удержавшись, попросил показать, как он дрожит. Он показал мне кулак.

Да, я был урождённым, я был помесь. Он подумал, что я волкодрак. Не стал я ему уточнять, что есть и кой-что ещё. Не потому, что не доверял, просто, зачем столько интима сразу? У нас впереди будут встречи спина к спине. Забудем будущее, господа. Хотя бы на время.

– Ни в жисть не видал волкодрака вблизи. – Признался он, вдохновенно потягивая носом так, что я забоялся за кусок заката в конце улицы. Я уж знал, что меня сейчас вознаградят простодушной биографией в стиле заявления в военкомат и – не ошибся. Я такой.

– А я тоже непрост. – Многозначительно глянул он. – Я из бурых. Я практически не человек.

Мог бы и не рисковать военкоматом, но я сделал вид, что заценил откровенность.

– Ага.

(Это я сказал).

Он закивал в профиль. Ну, борода, вот борода. А парень молодой.

Он продолжил фаршировать меня изделием изустного жанра «мужские истории про гречневую кашу», вариант два, ибо вариант один предназначен для девиц исключительно, делая глобальные лирические отступления и бесплодно увязая в них – не книжник он был. Заодно он мне, как я растроганно заметил, пересказывает, что знает об устройстве этого мира. И про то, что мы живём в потерянном Первопричиной мире...

(– Да, угораздило нас, этаких славных... – Не удержавшись, вставился я. Он яростно кивнул, я понял, что он не узнал цитаты из Древних, и ещё сильнее умилился).

– ... и эти подлюки-первопредки, испортили, говорят, нас.

Я не мог не согласиться, но тут его поток иссяк, как в хорошем смесителе при нажиме.

Их было две – обе прелесть несказанная. Для нас с медведем (я уж так его окрестил про себя, зацепив ругательное словцо купчика, из-за которого и состоялась драка в пригороде), с двумя кострами под двумя кольчугами – просто погибель, иначе не скажешь.

Одна была яркая, точно её нарисовал парень, макавший кисть только в неразбавленные краски. Та, что держалась на шажок в стороне – будто подвыцвела чудная картинка на подоконнике, где Ярра трудолюбив в полдень.

Медведь весь засветился, без разбора смотрел на девушек, пожирал глазами их глаза и губы. Впрочем, он помнил о пристойности, и взгляд его был вроде воспитанного курсора. Толкнул меня локтем, кашлянул, не сводя угольного взгляда с парного портрета.

Я-то рядом с ним не выигрывал. Так – нервный рыжеватый крысёныш... Что тельце моё стянуто из узлов покрепче бельевых веревок через моё военное вервие не разглядишь, а мордашка – я представлял, какое кривое выражение застыло на моём средневозвышенном личике, стёртом плохим бритъём (кусок зеркала неважно подчищает преступную щетину солдат его подблаженства).

Но заодно я знал, что как ни странно – когда дамы посовещаются – нас отошлют посмотреть на корабли в Гавани – на меня предъявит право красавица, а та, что помягче, посветлее, захочет испробовать медвежьей крови. Пожалуй, это было досадно, так как мне не то чтобы больше глянулась, но затянула как-то эта вторая.

Вовсе она не была такая уж нежная. Тонкие руки ивовыми ветками свисали вдоль того, вдоль чего положено, и мне померещилось в бездвижии их что-то хищное, вольное. Вдох, коснувшийся изнутри её корсажа, потом шевельнул крылышки маленького злого носа.

И вот наступил момент истины – так этот провал в безвременье после трёх бутылочек приличного вина на четверых называют мудрецы нашей планеты. Будьте осторожны с глаголами, о летописцы, ибо он наступил в буквальном смысле. Штатский сапог моего нового друга мягко придавил нос моего военного ботинка (тройная шнуровка, как у девушки вот тут, ежели девушка честная, кожа механически выращена в лаборатории «Ложь», стелька пропитана веществом, напрочь отбивающем скорбные запахи войны).

Таким простодушным манёвром он привлёк моё внимание к неожиданному молчанию по ту сторону стола.

– Я, – уже говорила младшая, так я окрестил про себя беленькую девчушку, хотя обе были ровесницы, – советую вам, господа, посмотреть на корабли в Гавани. Такого случая может больше не выпасть. Мир, вероятно, изменится, обстановка так напряжена.

От откровенного огня в её низко прикрытых ресницами-иголками детских глазах нас с медведем покорило. Не то, чтобы мы жаждали гражданской стыдливости, война уже при-

учила наши кроткие мужские души к быстроразвивающимся романам в стиле новой литературной звезды, чьи тоненькие книжки в гнущихся блестящих переплётах многим в ожидании боевого вылета заменяли в последние два года всё, – но... мы смутились. Уж больно красивы и интеллигентны были эти молодые женщины. Словом, мы плохо себя ценили, наши самооценки, видать, заметно остыли, как термометры симулянтов при виде главного психоредактора.

Старшая рассмеялась – она ощутила наше беспокойство – и смех вышел из уст подбадривающим мелодичным звуком.

– Просто нам нужно рассмотреть наши носики в маленькие зеркала. – Она поднялась, шурша бесконечной юбкой. В складках тускло-оранжевого шёлка, растекаясь, отразились огни свечей.

Светлая тоже медленно вытянула из-за стола серый шлейф и с ним выросла над мерцающими ломтями жёлтого сыра и опустевшими фиолетовыми бутылками вся – небольшая, но длинная, и ручки повисли, выпустив ткань.

Нас выставили. За похожим на полурастаявший кусок масла порогом праздничный дух ночи и перемирия вогнал в наши лёгкие веселье. Набережная и сплочённые группки прохожих увлекли нас прочь от закуской, к кораблям.

Корабли действительно того стоили.

Гавань, приподнятая над штилевым сизым океаном, загнанным в бухту с узкой горловиной, как дух в амфору, ласково укачивала их с полдюжины. Округлые в виде семейного торта, опоясанные галереей жирного сливового крема преобразовательных грозových секций каждый, с увенчанными опознавательным штандартом верхушечками, они так и светились в ночном небе, осевшем под тяжестью огромных, в кулак моего товарища, звёздами и хвостами наглых комет.

– Хороши. – С необъяснимой тоской высказался медведь.

Я смолчал, не пытаясь выяснить, говорит ли он о предметах неодушевлённых. Когда мы вернулись, знакомых наших след простыл, а кельнер, чей вид напомнил мне, что хомяки не должны носить смокинги, пояснил довольно хмуро, что дамы уже расплатились по счёту наполовину.

– Ах, ну вот ещё. – Расстроился медведь и попытался всучить кельнеру такие чаевые, что их хватило бы на весь чай в южном полушарии, если пить умеренно.

Я успокоил его чувствительную душу, как мог, и мы разошлись по комнатам, прихватив по бутылке. Я постоял перед своей дверью и, кивнув собственным мыслям – они у меня случаются – водворился в апартаменте.

Угнездившись на краешке кровати и не спеша избавляться от шнуровки, я ждал. Бутылка, как пёс, грелась у моей щиколотки. Свеча была помещена мною так, чтобы осветить дверь, ибо ведь и глаза кошки освещают норку мыши.

Огонёк жил в бутылке, как первый зажжённый огонь из корабельной иллюминации, и мерещился мне кораблик в этой бутылке.

Я смотрел на молчаливую дверь, и с тоской почему-то ждал, что вот она приоткроется. Ждал, вероятно, долго. Обычно я легко определяю время во время первого облёта чужого орбитального аэродрома, скажем. Когда из простецкой вековой тьмы, убаюкивающей нервы лётчика, выглядывают глаза нового мира – вступаешь на сцену, и рампа у ног обещает, что всё будет по правилам, чего, конечно, никогда ещё не было.

Дверь... ну, что она сделала? Приоткрылась – верно, полоска темноты легла в комнату – тень. Я по тени угадал и не удивился.

Это была та, нежная.

Тень сужалась в талии. (Её тёмная сущность обладала теми же габаритами, что и материальная проекция.) У тени было всё, как подобает – и развившийся вечным символом бытия

локон покачивался над плечом. Плечо – приоткрыто, оба восходят вместе со стволом шеи и головой в высокой причёске, как та штука над айсбергом, на которую, вестимо, положено смотреть дураку-капитану.

Свеча в её ручке была большая, толстая, и воск стёк уже изрядно в лодочку шандала.

Сделав мне знак свечою, отчего закономерно в углах засуетились притихшие чудовища и страшные полуночные сны, глазами показала вдобавок разрешение не вскакивать. (Я, конечно, бац, вскочил.)

– Я знаю, что вы устали. – Слышу я. – Но я просто в благодарность за ужин и общество зашла. Перекинуться парой слов и пожелать вам самой доброй ночи, добрый вы человек.

Так и сказала – слово в слово.

Я, даже труда себе не давая усмехнуться, доложил:

– Вы правы. Я устал. Увы...

– Война. – Говорит она и вопреки преамбуле, сделав два шажка, усаживается на кровать, да так по-хозяйски, запросто, будто не хрупкая дама, а целый солдат.

Я вернулся в своё уютное седло и, как подобает Всаднику, овладел ситуацией. У меня было ощущение, что я с первой минуты знакомства репетировал перед тем осколком, которому известны мои слабые стороны и нежная кожа (генетический пробел). Ответил продуманно:

– Вы достойны самого изысканного разговора, сударыня, а уж кому-кому, но не солдату Блаженной гвардии хотелось бы вас разочаровать.

Вижу её лицо, губы более яркие, чем мне показалось, а может, тот огонёк разогрел их, разомкнулись:

– Довольно будет и самого простого разговора, гвардеец. Я ценю блестящее общество и простоту, которая свойственна устам, привыкшим отдавать безошибочные приказы.

Так – придётся соревноваться в составлении фраз, предупредил я самого себя, и – увял. Пробормотав что-то, – вроде маленькой птички во сне на ветке, – я увидел, как она с усилием не улыбнуться, понимающе повела пёрышками тоненьких бровей.

Она отставила свечу вниз, дощатый пол высветился, нарисованный лучшим художником, любящим изображать стереоскопически всякие щербинки и те маленькие глаза, которые остаются от стёсанных сучочков. Притом, непременно сделается множество ликов и поз, существ, вытщенных художником из своей памяти, вышедшей замуж за воображение.

Туфелька из-под подола глянула – вот она, мышка, – и свесилась до полу вязаная из белых ниток накидка, кое-как накинутая на локотки наши. Остренькие и гладкие, они наводили на всякие умозаключения не только относительно приверженности косметическим средствам на ночь.

– Вам не... – Спросил я, повторив её жест.

Она тоже тратить слова, очевидно, не была расположена. Подхватила накидку и уютненько закуталась – в самом деле, продуло бедолажку.

– Который час? – Спросила она после молчания, которое ей далось без малейшей неловкости.

Ну, вот, теперь понятно – зашла в тёмное время суток красавица к доброму гвардейцу, чтоб узнать точное время. А я-то думал.

Она, видать, прочитала в моих нехитрых глазках эту симпатичную иронию, потому как сказала:

– Часы у вас красивые...

Я медленно подымаю взгляд – ибо ведь я сей секунд потупился, чтобы ответить на вопрос гостыи – и, подумав... (подумав!), отвечаю так:

– Так приятно это слышать. Эта вот штука – мой старый друг. Можно сказать, частица моей плоти.

– Потрескалось стекло... Потемнело.

– Верно.

Я посмотрел туда же, куда и она. Потом уткнулся в её милые серые глазки, раскосые, большие – точно день хмуренький проглянул в два оконца, и такой пейзаж там открылся странный, что ли... в общем, хочется подойти, приблизиться... да, приблизиться и заглянуть, а то и... ещё ближе...

– Ближе!

Показалось ли мне, что это слово прозвучало, – ну, прошептал кто-то из угла? Губы её остались неподвижны – если не считать выжидательной и немного притворной улыбки.

Я уже снова сидел ровнёхонько. Мы – она и я, и те, кто там в серых окошках наблюдали за нами – сделали вид, что ничего не сделалось. Может, гвардеец устал. Может, он спать хочет? А? Логично, ночь же.

Но соврать самому себе я не мог. Да, я сунулся к ней... придвинулся, вот даже постель, гостиничное покрывало, утомлённое страстями большой дороги, может свидетельствовать против меня.

Причём... Сунулся не из каких-то, знаете, побуждений. Вообще – оставим эту тему. Да и темы нет. Я-то помню, кто – я.

Сунулся, потому что меня потащило в эти серые окна и вот... вот! Уже увидел краем сознания чего-то там, и ещё мгновение, как говорят порядочные доктора, и... и? был бы там, вероятно.

Знаете, что это такое, когда в остекление Рау заглядывает вражеский лётчик, подлетевший на безмолвно проскрежетавшем по воздуху своём Рау?

Вдруг чужие глаза открывают неправильность войны, глупость происходящего и пр.

Прр... гау-рау! Вжик! Трах-тарарах.

Нехорошо.

Ну, ладно. Ладно!

Посмотрели мы с нею на моё правое запястье, на рукав мундира, помнившего своё детство у портного также плохо, как я себя до того, как мне в башку вдвинули много чего. Из-под рукава моего на внутренней стороне запястья высовывалось стеклянное в серебре полукружье. И стрелка видна – маленькая.

– И, тем не менее, – продолжил я беседу, – я дорожу ими сильнее, чем даже куском метеоритного стекла, которым бреюсь... виноват-т.

Она улыбнулась еле-еле, и у меня морозцем прихватило за воротом, как бедного медведя, когда он видит Переделанных. Впрочем, чего его жалеть? Его жалеть нечего. Да, в точку. Я, не отрываясь, смотрел на её рот, поплёскивающие от влажности губы и эту улыбку с чуть выступающими кончиками клыков. Ничего такого – они у всех выступают чуточек. Просто они у неё были на неизмеримую величину длиннее. Ну, да это пустяк.

– Вот бы посмотреть на такую редкость.

Я сглотнул и покосился на бутылку вина. Она перехватила взгляд и кивнула, при этом сделав деликатнейший жест отказа. Да я и сам передумал – я понял, что не успею отбить дно у бутылки, а без холодного оружия с заострёнными краями дальнейшая беседа в стиле быстрого переброса репликами будет неполной с моей стороны. Впрочем, я драматизирую, сказал я себе. Но, снова взглянув на неё, понял, что лучше воспользоваться разрешением и хотя бы утолить жажду.

– О... – Шепнул я, и в поисках более комфортной посадки, подвинулся на кровати, схватившись за металлические рога какого-то существа, в порыве фантазии приделанного создателем над изголовьем. – Да мне стыдно, сударыня... видите, как мне стыдно? Чтоб я даме такую пустяковину да показывал?

Заметила она, что я хотел отсесть, чтобы создать дополнительное расстояние между нами?

– А вам не стыдно за рога хвататься? – Со смешком в голосе, но с несмееющимися глазами ответила она. – Вы не пьяны ничуть.

Стало, как водится, тихо, если не считать казавшегося мне страшно громким потрескивания двух огней.

– Долго же вы ждали под дверью.

Она посмотрела на стёртую огнём свечу.

– Нагореть могло и в трактире.

– Могло.

– Но не нагорело.

– Быть может. – Легко согласилась призрачная моя гостья. – Не погасить ли вашу?

Тут меня откровенно продёрнуло холодом. Я ласково ответил:

– Да ни в коем разе.

– Что так?

– Хочу видеть вас.

– А вы меня, как разглядели, хорошо?

Я начал фразу относительно относительности такой штуки, как время – мол, когда пуля пущена, на неё не нагля...

И тут случилось со мной постыдное – в кои-то веки военный фонтан мой дал осечку, засорился, мерзавец, и я – умолк. Да, на полуслове.

И она поняла меня и не осудила. Впрочем, я всё же попытался расковырять своего журчащего друга, и пустить хоть вялую струйку.

Глядя в дуло осанистого серебряного потёртого пистолета, я то и дело отвлекался на сделанную вокруг отверстия надпись – там надпись была, поверьте – и никак не мог прочитать. Не то, чтобы я не ожидал этого, ожидал, само собой, просто не предполагал, что мне придётся вспомнить некогда приобретённое (и за малоупотреблением почти утраченное) умение читать на языках коренных национальностей ближнего космоса.

– Что же касается пространства. – Непринуждённо забросив в дульце фразу, я и бровью соболиной не трепетнул. – То оно тоже относительно.

Она кивнула гладко причёсанной головой, и слабые блики по золоту отозвались сполохами боли в моём мужественном сердце.

– Конечно, конечно. – Серьёзно подтвердила она. – Сплошь и рядом люди, самые разумные, неправильно оценивают обыкновеннейшие расстояния. Им кажется, к примеру, что ничего не стоит это расстояние покрыть и совершить действие, но вот кунштюк, – она прищелкнула нежным язычком совсем не вульгарно – он даже стал виден, пунцовый и острый, – в дело вступает опять-таки время.

– Бывает. – Вяло поддакнул я, то есть помятый офицер, которого прервали, когда он ко сну готовился. Улыбка Джоконды всосалась в полотно, складка от угла рта к носу заменила полукружие смеха, как у бедолаги Тима Талера, столкнувшегося к ночи с её (ночи) прародителем.

И вспомнил офицер сразу многое.

Я вспомнил, как мы, совершив обряд застенчивого знакомства, шествовали по улице, и встретили кошку, сшитую природой из лоскутков – лоскуток серого вместо жилеточки, рыжий треугольник под мышкой, где у солдата даже под душем чешется призрак пистолета, белая невинная пилотка. Моя нынешняя ночная госпожа тогда сказала, указывая на кошку:

– Гений. Вы посмотрите, какова Наследственность.

Вздвигнув от сильного ощущения, теперь я понял, что это она о себе говорила. Человек, будь он лиса, волкодрак или беглый полторашка-милашка, часто говорит о себе – надо только слушать. Слушать! Мало мы слушаем друг дружку, мы ленивы, вот почему мир наш, несомненно, падёт в скорости под напором свежих общительных миров.

И родится новый мировой порядок, о котором так долго говорили нам некрасивые дяденьки из голубых прудов наших домашних Покорных.

Я отвлёкся – под дулом пистолета обычное дело.

– Где же? – Спросила она, и чуточку шевельнула дуло на локте правой руки, а пальчики левой так и не охватили пистолетное брюшко покрепче – видно, хорошо чувствовали себя на старте. – Пожалуйста, дайте мне... и, я клянусь честью, ничего вам не сделаю.

– Честью, говорите? – Откликнулся я. – Вы такая красивая, что у меня голова кругом идёт, и умны вы на редкость, как дракон в кошке... но честью от вас не пахнет... простите. Пахнет приятно...

Я потянул носом.

– Но...

(Заметить прошу, ежели не составит труда – я старался всё это время не попадать в её серые окна. Так как понимал, что на второй раунд борьбы с обитателями её внутреннего мира – разумеется, это не символ – не готов.)

Поскольку я заранее и поступательно рассчитываю свои телесные движения, а бывает, и мыслишки могу чётко направить в нужном направлении, удар почти не застал меня на месте. Она тоже где-то обучилась самодисциплине, а так как и насчёт ума я не преувеличил, то в следующую за моим прыжком секунду или ещё через одну, капля-серебрянка, тяжёлая, как поцелуй, капля выстрела прибила моё левое запястье к полу, а над моими глазами оказались два проклятых серых...

– А... – (Это я сказал.)

И пульсирующих чечевичных зрачков тоже было два, ежели вы следите за ходом моего повествования.

Рассказывает посторонний наблюдатель.

Далеко на юго-востоке крупнейшего из девяти материков третьей от Звезды, седьмой от Врат планеты, на внешней стороне одного из колёс, под галактическим языком на дне Улья, в небольшом, низко расположенном в чаше бывшего вулкана, неторопливом и незлом, мягко катящем бочкообразные, густо синие волны, море, расположен полуостров в форме почти правильного ромба.

Геометрический кунштюк довольно глубоко погружён в тихие, полные рыбой и моллюсками, поблёскивающие даже в безлунные ночи, воды. Северный угол, срезанный по самой середке закутанной в потёртый жёлто-зелёный плед горы, опущен в море ниже западного.

На этом кусочке земного теста, выплеснувшегося из формочки, живут мирные люди, принадлежащие к разным народам и расам, но соединённые сходством из-за одинакового образа жизни. Несколько вялые, они не ведут войн, но отпускают своих детей на войны Великих Соседей.

Слюна у них вязкая и густая, как след виноградной улитки, и кровь гуще и движется тише, чем у жителей континента. Кровь у них тёмно-красная, почти пурпурная и скоро останавливается, если они ранят себя домашним инструментом или острым крючком лозы на одном из множества виноградников.

Они поклоняются – каждый по принадлежности к роду – разным могуществам и силам, персонифицированным в образах понятных и живых. Особо почитают они небесных учителей, которых хорошо видят с побережья и с плоской глади внутренней степи на своём, низко просевшем под некогда прошедшей небесной конницей, небе. В их честь они называют свои лавки, и даже парикмейстерская посвящена Вечерней Звезде. С течением времени они почему-то очень полюбили почти неприметного на небе посланца богов, которого, по своей простительной наивности, окрестили покровителем торговли и воровства. К торговле они питают особую склонность – даже страсть, если бы это слово было применимо к их тихой натуре.

Великий Трисмегист, соединяющий миры во всех домах и временах, никогда не сердился на них за это.

Верят они и в Первопричину всего существующего.

Слышали они, кстати, историю про Кого-то с Берега Озера, который хотел переменить всё к лучшему. Но знают эту историю как-то обрывочно, и плохо представляют, каков был тот незнакомец и чего, собственно, хотел.

Имеются и поклонники различных философских течений. Они слегка назойливы и по праздникам стучатся в дома, чтобы выведать, что хозяевам известно об истинной мудрости. Как нарочно, это всё сплошь бесцеремонные женщины или мужчины, с папкой-портфельчиком подмышкой, а жители полуострова превыше всего ценят гармонию и прелесть творения – будь то женщина, мужчина или кисть винограда.

Сами они не способны создавать произведения искусства – если не считать винограда, разумеется, который у них красив, как ёлочные игрушки.

Так получилось, что среди них не родился ещё ни поэт, ни скульптор, ни музыкант, способный соперничать с товарищами по цеху из Большого Мира.

Может быть, летний зной, никогда не превышающий нужной температуры, и зимние дожди, когда небо обволакивают морожные пухлые тучи, препятствуют образованию внутреннего огня – во всяком случае, той силы, которая способна породить вдохновение, безумие и насилие. Если бы здесь появился кто-то вроде Незнакомца с Берега Озера, его бы не преследовали...

С их точки зрения, насилие – бессмысленно, а они прагматики.

К предательству, впрочем, способны, но без оттенка величия, так – по мелочи.

Море в глубине тоже обленивело, загустело и превратилось в нечто вроде супа-рассольника. (Это такое кушанье, которое никто ни в одной семье не желает подьедать и остаток, обвиняя друг дружку в расточительстве, выплёскивают тишком в городскую бухточку для весёлых и жадных морских птиц.)

В коллективной памяти жителей славной пенинсулы упорно держится старая история о том, что на дне моря хранится абсолютное оружие, спрятанное или оброненное в пучину во времена великих битв, происходивших по неизвестным причинам и неизвестно чем закончившихся. Это вселяет в их души необъяснимую гордость и спокойную уверенность в себе, хотя они и не ищут это оружие, и посланников с материка не поощряют к этому – правда, и не препятствуют.

Это, скорее, и не в их власти. Ломоть питательной почвы, пропитанный сладчайшим соком, вечно является частью более крупного земного пирога, то того, то сего в разные времена. Он так часто переходил из рук в руки с разным даже количеством пальцев, что бедняги никогда толком не могут вспомнить, какому официальному идолу им следует умиляться и какие сакральные песни в текущий период петь не возбраняется. Ошибаться не рекомендуется, это чревато некоторыми неприятностями, вроде... ну, не будем сейчас об этом, это как бы и ни к месту.

Сей, издающий аромат забродившего винограда, шматочек планетной плоти почти в точности повторяет форму главной ячейки Улья – о чём они не знают, но зато знают об этом в небе, ибо немногие земли могут похвалиться сходством в такой степени. Перевозчик и Письмоводитель особенно внимательны к ним именно благодаря этому.

Они любят покупать статуи и картины у чужих художников и украшают ими свои сады, внутренние дворы, виноградники, улицы и побережье.

Также любят ковры с вышивкой на различные темы и непременно с полудюжины этих произведений разложены в каком-нибудь приятнейшем городке на магистральной улице, что ведёт резко кверху от развилки, где около полумиллиарда ярролет назад, если считать от Кре-

стовины, шёл ожесточённый бой за свободу Двух Вселенных и находился штаб Великой Армии.

Теперь здесь магазинчик, где торгуют то сандалиями и цветными платьями, то гигантскими капустными и ужасными свиными головами из резины для украшения старинных праздников в память о временах, когда царило варварство во вкусах.

Есть у них устойчивый культ, которому они верны, сколько себя помнят. Культ состоит из двух составляющих. Это – лестница и кошка.

Разнообразные лестницы: каменные, винтовые, зигзагом, крылечки, каскады, буржуйские и бюджетные, узкие для влюблённых и широкие для колясок с младенцами, усиленные песочком для высоких и толстых, детские на лепестковую ступню трёхлетки, пологие для приежжих и взлетающие почти отвесно вверх для местных, экономящих время. И – кошки, мелкие кошки домашних пород – баловни и дети улиц, матёрые худые самцы и миловидные охотницы, интриганы и дикари, с шерстью шёлковой, бархатной, ёжиком, локонами, с количеством расцветок, которое мог бы рассчитать только Покорный... и крупные дикие кошки. Да, и такие здесь имеются.

Чем связаны между собой составляющие культа – неясно, да полуостровитяне и не задаются таким вопросом. Правда, кошки часто сидят на лестницах...

Лестницы они строят повсюду – возможно, в этом отчасти вина рельефа – они шутят, что у них нет «дальше и ближе», только «ниже и выше», а мелких кошек приветствуют безвозмездными подношениями и позволяют им жить при лавках и городских учреждениях совершенно свободно. Львов, тигров и иных они поселяют за Оградой во внутренней степи, но за муниципальный счёт не кормят. Любят и других животных, склонны к воздержанию от мясной кровавой пищи, особенно в летние месяцы.

Что же касается экономики, то она вся основана на гостиничном постоялом деле. В тёплый сезон, длящийся семь месяцев, население полуострова увеличивается так же всемерно, и тогда случаются беспорядки, очень-очень редко – убийства, ответственность за которые следует возложить на привнесённый гостями побережья огонь иных материков.

Сами себя считают коренным населением. На срезанном седле северных гор высятся останки древнего храма странной формы, на фоне неба в любое светлое время суток читаются башенки, крылья, колёса, а основание храма покоится на чём-то вроде львиных когтистых лап. Всё это указывает на то, что жители – потомки переселенцев издалека, но они отвергают это и не позволяют изучать храм пришлым умникам и сами не изучают.

Население растёт медленно, и, как правило, естественным, самым приятным, образом. Живут долго. Цвет кожи летом тёмный, зимой значительно светлее. Радужки глаз у людей разных этносов схожи – всевозможных по степени глубины оттенков зелёного цвета. Поэтому ли они любят с детства историю про Изумрудный город – мне пока непонятно, но любят, и самой первой читают малышам, ещё не овладевшим их сложной, непохожей на материковую, азбукой. Верхние клыки, несмотря на склонность к вегетарианству, хорошо развиты. К полноте совсем не склонны, несмотря на то, что очень любят покушать. Походка всегда такая, будто они только что насытились – плечи развёрнуты, взгляд мечтательный. Готовят они еду тщательно и даже волнуются при этом. В пище никогда не встретишь ни волоска, ибо это пугающая примета, но что она предвещает – они забыли.

Свои волосы они часто красят и перекрашивают, и об истинном цвете их густых шевелюр, бород и усов (в двух последних случаях речь, конечно, о существах мужского рода) догадаться трудно.

Перешеек, соединяющий полуостров с материком, заграждён необыкновенно изящною кованой решёткой вышиной до первой звезды, где кончики пришвартованы к Неподвижным Камням из астероидного кольца.

В воде по бокам перешейка по всей длине дежурят морские офицеры, следящие за приезжающими и отъезжающими. Дрессированные небольшие акулы содержатся по обе стороны шоссе, по которому движется летом поток старинных машин (в новых сюда не допускают). В воде загадочно поблёскивают акулы цепи.

Конные разьезды охраняют степь и ручные фонари с волновой начинкой, высоко поднимаемые всадниками, сигнализирующими друг другу, побуждают львов выть и рычать по ночам. Львы подходят к Ограде и смотрят на всадников жёлтыми глазами. Все животные уже много поколений рождаются здесь, в Степи. По традиции, львят кладут на колени к человеку, чтобы они пропитались запахом приёмного родителя. Этот человек, смотритель степи, рождён в тот месяц, когда Ярра всплывает в размашистое весеннее созвездие. Тем не менее, настоящие львы полны смутных сомнений и до конца не могут определиться, как нужно вести себя со всеми остальными людьми.

Из летописи тьмы.

...ну, так вот, я передал вам эту рукопись. Я передал её неохотно, так как она плохо написана – во всяком случае, первая часть. Вернее, она оставила у меня самого неприятное ощущение. Мне трудно поверить, что я – её автор. Очевидно, как уже было мною сказано, из-за того, что первая часть почти не отделана. В сущности, это собранные разрозненные материалы по проблеме.

Связать отдельные факты...

– сообщения из Внемира

– из газетёнок, тех местных, дешёвых, где колонка новостей движется до ужаса медленно, а набранная жирным комик-сансом передовица местного графомана так и торчит на одном месте

– поспешные записи разговоров, услышанных кем-то и когда-то

– сделанные на слух или по памяти копии перехваченных сообщений из древней сотовой сети

– конспекты научных монографий за последние две тысячи ярролет, авторы которых не подозревали, что сделали ценные наблюдения, так как думали и говорили совсем о другом

– собственные выводы, записанные так кратко, что трудно вспомнить ход мысли

...связать непросто для того, кто уже разбирается в проблеме... и невозможно для того, кто знает о ней совсем немного – из официальных колонок в таких вот газетах.

Но у меня не было времени обработать факты, вы знаете почему. (Тут я должен добавить – *негромкий смех*).

Будет ли нескромностью заявить, что рукопись привлекла бы внимание читателей и критиков, если бы могла попасть на свободу? Я шучу – даже гипотетическая возможность такого поворота мною не учитывается. Это противоречит реальности, созданной такими умными ребятами, как вы.

Рукопись останется у вас, и вы будете её читателями и критиками.

Но если... о! если – человеку в моём положении простительны любые состояния психики, и у меня даже появилась впервые в жизни оплаченная государством роскошь предаться мечтам – и если, (вы смеётесь? нет? ну, спасибо) – если, повторю в третий и последний раз, история проблемы, изложенная мною с учётом мнений сотен заинтересованных в правде лиц, прорвётся когда-нибудь *туда*

– в утренние лучи нашего прекрасного Ярры

– и настоящие немеханические синицы будут болтать о своих многочисленных делишках

– и грубые собаки подерутся морозным утром

– кошки же будут сидеть по трое на лестницах и мысленно обмениваться мнениями по поводу нового магазинчика

– а стая толстых голубей с треском взлетит и кого-то ударит в лоб крылом – многие оценят то, КАК рассказана мною эта история, несмотря на то, что первая часть, конечно, никуда не годится.

Впрочем, вторая часть (о восьми стихиях) гораздо лучше, а третья (про наследника и наследство) и вовсе понятна насквозь – работа была завершена мною, когда будущее (моё и проблемы) уже не составляло секрета. Пришло успокоение, лоб перестал гореть, а руки леденеть от страха. Страх больше нет.

Меня не пугает осуждение. Да, что там – безразличен мне сделался даже сарказм. А что уж хуже этого озлобленного бастарда иронии. Поэтому я оставляю первую часть в живых. Она дорога мне, так как сопровождала мою эволюцию, и не в последнюю очередь важно то, что я сам видел многие события, хотя освещение здесь, конечно, оставляет желать лучшего.

(Из показаний з/к #*#, данных им по его собственному желанию ранним утром (7.30 а. м.) в одно из последних чисел декабря (очевидно, 20) в 37 037 году от Высадки, в таком-то от Начала Миссии, в таком-то от Сотворения Новомира, в тринадцати миллиардный семи ста миллионный от появления времени.)

Показания были оформлены, как следует из сопроводительной записки (утрачена), в качестве приложения к обширному тексту.

Текст уместился на, примерно, сотне листов пергамента или в пересчёте – на стандартной пачке очень плохой канцелярской бумаги, какой пользовались в конторах семидесятых годов предпоследнего века Старомира (так называемый, Мир на Монете, неучтённый эксперимент). Текст существует в одном экземпляре в частной коллекции Его Блаженства, хотя, возможно, значительный фрагмент или скопированные в сжатом виде отдельные главы – находятся на Плантации или, что менее возможно, в силу хорошо продуманного контроля – на Фактории. Насчёт контроля... это был комплимент, ребята.

Из книжечки Флоры.

Каждые семь поколений в каждой семье рождается кунштюк, Семёрка, копия своих предшественников, коих согласно летописи Балкона, довольно много. К счастью для полиции и родных, архивные свидетельства за семь лет приходят в полное убожество, ведь даже такую важную штуку, как накладные, хранят всего три года, а фамильные портреты... те и вовсе безопасны – тот же человек в другом платье другой человек. Устные предания сбивают с толку... Да и кто из родовитых или безродных сможет достоверно описать своего семь раз прадедушку или – убеждены в её высокой нравственности – семь раз прабабушку. Вот оттого-то никому из нас не приходилось столкнуться лицом к лицу с живым зеркалом и убедиться в своём сокрушающем обаянии. Да это и хорошо, разве нет?

Сане Бобровой не повезло. Она узнала, лапочка. И, видите ли, дело не в обаянии.

Из дневника, хранившегося в военно-полевой сумке.

Так-с, так, прочтём вот этот текст. Вот она – рукопись. На двух листах превосходной, как сколок слонового бивня, бумаги. Листы сохранялись неаккуратно. Вот даже, стыд духа-то, какое-то пятнышко. Животный жир от съеденной пищи, капля духов, слёзная жидкость – можно бы и определить, но я не буду. Не имею времени. Края листов обтрёпаны, но надрывов нету – бумага, как я сказал, приличная. Такой пользовались в последние годы Старомира, для того, чтобы копировать Доказательство Личности о принадлежности к Сословию Рабов, или, как сумели определить с разночтениями археолингвисты – ксиву, гренку, отпечаток.

Наверху два прокола – хотелось бы мне добраться до других листов, с которыми были сшиты эти. Исписаны оба с одной стороны. С отступом. Культура текста соблюдена, хотя составитель торопился. Торопился, а всё же переписывал, причём, свои же собственные заметки.

Вот разлетелся хвост отсутствующего абзаца – так, финтифлюшка. Черновик лежал на чистых листах, писавший задевал их пером, а потом перебелил на них свои же расчеты.

Ну, мои хорошие...

Кузьма Ильич Увалов.

Прародитель из расы «Слон/Свинья/Черепаша».

Инструмент в городском оркестре – рояль.

(Превосходно берёт высокие ноты).

Огромный, с рыжими бровями.

Роль в городе – сеть универсальных магазинов, большие деньги, большой вес в общественном мнении.

55 лет по о.с.

Грех – чревоугодие.

Проруха – закупка дряни у недостойных поставщиков.

Телесная особенность – плечи. Очень они у него мощные.

Пётр Набычко, прозвище за глаза «Булыга».

Прародитель – «Бык/ Носорог».

Инструмент – барабан.

Слегка с виду бандит, но с оттенком благородства. Вот в чём оно заключается, сразу не поймёшь. Он – вроде как оживший револьвер, такой же ладный и драматичный, в своих дешёвых и аккуратных костюмах, сидящих на небольшой, сбитой, как тяжёлая звезда, спортивной фигуре.

45 по о.с.

Роль в городе – строительство, подрядчик, прораб.

Грех – гнев.

Проруха – отдаёт материалы налево, активно способствуя строительству Мандалы и вообще готов жертвовать многим ради высадки первопредков. Хотя по своему материалистическому мировоззрению верит в явление плоховато, скорее – умозрительно.

Телесная особенность – скулы, строен, вспыльчив, хорошо дерётся (если понадобится).

Тиберий Янович Сухих.

Прародитель – «Акула».

Инструмент – виолончель.

С поджатыми губами, долговяз. Слова тратит почти как деньги, которые вообще не тратит. Посмотришь, подумаешь: вот плохой чиновник, который в момент испытаний оказывается лучшим другом.

50 лет.

Роль в городе – нотариус, прокат водных мотоциклов, в последний сезон увлёкся катмаранами (пятьсот в час, гарантия безопасности и вежливости, прелюбодеям – отказ).

Грех – холодность, гордыня.

Проруха – сдаёт мотоциклы выпившим, берёт безопасные взятки под соусом пари и спортивных ставок, оформляет документы таким господам, которым вовсе бы не следовало иметь документов.

Телесная особенность – рот. Он у него вроде прорези в почтовом ящике, и так же ничего не обещает. Кроме того – злоупотребляет некоторыми деталями одежды. Например, носит пиджаки с подплечниками, что придаёт специфический очерк его, в общем-то, недурной фигуре. Эта старомодность отчётливо фальшива, ибо на деле человек он стопроцентно современный.

Покорный у него всегда новейший, наипоследней модели, а врушка таков, что Роберт, увидев как-то раз, что механическое существо оставлено хозяином на уголке стола (редчайший случай) и решив нечаянно сунуться в раздел Вызовы, запутался и врушка завизжал у него в руках. Пришлось извиняться и наспех фантазировать перед Тиберием Яновичем, до того поджавшим губы, что и почтовый ящик уже не вспоминался. Мерзкая машинка перебила бедного Роберта и обвинила... но Сухих внезапно смиростивился и заткнул маленького доносителя. С тех пор редактор легонько вздрагивает, едва увидит, как нагрудный карман нотариуса начинает пульсировать. И поделом. Нечего чужих врушек подбирать.

Номер шесть, он же...

Ну что ж, это пропустим. Тем паче, что срамное пятнышко именно здесь поместилось, размочив бумагу и превратив буквы в диковинные пиктограммы.

Роберт Шеев.

Раса – прародитель «Лебедь/Дракон».

Инструмент – арфа.

Отлично водит вертолёт, дурно – машину.

Брюнет с эспаньолкой, злопамятный и мрачный.

Роль в городе – газета, лизун.

Сороковник парню, но выглядит свежее.

Грех – лесть, продажность.

Проруха – злоупотребляет заказным творчеством, в том числе, отзывами на спектакли, книги и матчи, всё пошиба местного.

Забавная слабость – неистово верит, в отличие от Петюши, в скорую высадку первопредков (хотя деньги на Мандалу даёт неохотно), даже во сне видит летящих драконов.

Телесная особенность – локти, суетится, как курочка. Пытается занять всё место в комнате, расхаживая и присаживаясь в неожиданных местах (край стола, например, или ручка кресла – завизированные тысячелетиями культуры посадочные места для красавицы-секретарши – не могут мнить себя в безопасности даже во время важных встреч и даже очень важных встреч, что бесит остальных посвящённых).

Перекидывает ногу на ногу, громко пересказывает мультфильмы.

Оч-чень красив и, как сказано, свеж, моложав. При знакомстве производит благоприятнейшее впечатление, но впоследствии, как признавались некоторые, хочется его прирезать.

Евгений Титович Витой.

Прародитель – «Змей».

Инструмент – свирель.

Шалопай, высокий, сложен астенически. Не зная, сразу не решишь – плут Евгений Титович, который нагреет вас на самом дорогом или профессор этики, читающий лекции даже без конспектов.

55 годков.

Роль в городе – аптека и оптика. Два этих магазинчика держит он на улочке, уводящей вон из города на северо-восток мимо полиции, мясной лавки и какого-то неизвестного мне особняка с огромной задумчивой собакой на ступенях крыльца и резной решёткой на двустворчатой двери.

Грех – многознание, мудрствование, пьянство (перманентное и воодушевлённое).

Проруха – подсыпает кой-чего для Общего Дела в своё фирменное общегородское Успокоительное.

Телесная особенность – прекрасный танцор, ноги – прелесть...

Словом, составлено грамотно, корректно. Довольно разумная картотека. Правда, неполная, это понятно. Хорошо было бы также объяснить слово «проруха», повторённое пять раз. Цифры и сокращение о.с. – конечно, возраст по обычному счёту. А то ещё есть другой счёт.

– Какой? – Спросил Кузьма Ильич.

Собеседник вкусно показал зубы. Это улыбка, догадался Кузьма Ильич, и принахмурился.

– Как дамы в городе говорят. – Объяснил парень с повадками гиеновой собаки. – Радио ОБС. Одна дама сказала.

– Дама, значит.

Кузьма Ильич стал ужасно грозен и молвил:

– Откуда она знает про другой счёт?

– Да ведь дама-то и не знает.

«Эдин это...»

Это слово и было нечаянно написано составителем картотеки на основном листе, пока работал он над черновиком.

Потом было оно перечёркнуто и добавлено уже на другом листе – Эдин, лагерь первый, Один, Единица, одиночка.

Лагерь Единица был ужасен. Клетки и вольеры. Протянутые сквозь прутья многообразные руки. Путь обыкновенные железные. Жирные от смазки.

Поверьте мне, я вовсе не для того рассказываю, чтобы внушить вам омерзение, вызвать вполне понятную брезгливость. У меня брезгливости-то нет, у меня жалость.

Вот что писал автор картотеки:

«... ..»

/Цитата утрчена/.

– Вы оторвали головы фигуркам в газете, которую вам дали для технических нужд. Почему?

– Полагаю, ваш психолог немало заработает, когда напишет вам на эту тему маленькое исследование.

– Вы намекаете на извращение чувств, которое психологи везде видят?

– А вы?

– Мы думаем, что у вас повышенное уважение к человеческому лицу.

– Ну, это же хорошо?

– Вы разрезаете тюбик с пастой для зубов, чтобы использовать по возможности весь материал?

– Да. Хотя она закончилась несколько лет назад, так что вам придётся поверить мне на слово.

– Вы гадаете по случайным разговорам прохожих?*

– О да.

– Когда вам предстоит важное новое дело, вы красиво одеваетесь и приводите себя в наилучшее физическое состояние?

– Конечно. Только вам следует поработать с лингвистом. Тут следовало употребить другое грамматическое время. Впрочем, и эта роба довольно симпатичная. ...Вы не ответили, хорошо ли, что у меня повышенное уважение к человеческому лицу?

– Вы заметили?

– Смотря, что считать лицом и кого – человеком.

(Допрос был прерван, так как лицо, его проводившее, удалилось, раздражённо дёргая хвостом).

*Вопрос вычеркнут, но прочесть удалось.

Разговор возле ограды.

Протяжённая территория в центральной части полуострова, предназначенная для диких животных, огорожена, и сама ограда примечательна. По всему периметру степи двоятся парные скульптуры скрученных дюжих змей, рельефных, как мускулистые руки. Каждая пара обвивает могучую колонну, будто из земли проросло древо, укоренённое столь глубоко, что сама мысль не смеет последовать за его корнями.

Головы змей, благородных очертаний и с легковую машину каждая, в ту ночь соприкасались по-лебяжьи. Степные тени увлечённо играли в пустых глазах статуй и наполняли призраком дыхания раздутые ноздри. Ещё одна особенность могла бы остановить взгляд наблюдателя.

Змея слева в каждой паре выглядела мрачной, правая, с приоткрытой и приподнятой на углах пастью, несомненно, посмеивалась.

Степь была необъяснимо темна под тремя лунами, взошедшими разом. Вот они – с пивной котёл, почти правильной формы оранжевая Фата над невидимым океаном на востоке, маленький треугольный обломок – младшая Леля – в этот час она издавна занимала место над зубцами южного леса, и покачивающееся бледное лицо с голубыми глазами и губами по имени Мен.

Голубоглазая всегда помещалась над степью и настойчиво двигалась над полуостровом, снижая полёт. На прохожих бюргеров она производила сильное впечатление. Им начинало мерещиться, что она намеревается упасть на улицу именно их тишайшего городка. Конечно, это оптический кунштюк – Мен всегда катилась в прорытом небесном тоннеле к тяжёлым низким горам, похожим на спящих слонов. Выпасть шансов у неё нет, хотя лузы не заросли, а ближе к Шву имелось слабое место. Если бы Мен подтолкнули, она бы скривила траекторию к северной лузе, а тогда и весь тоннель раскачало бы, как неустойчивый, плохо закреплённый жёлоб.

Решётки львиного парка ярко блестели, и только иногда легко пролетающее над степью чужое облако стирало тенью смеющийся лик змеи или целую пару этих занятных любовников. В эти минуты решётка растворялась в черноте.

Так всегда казалось приближающейся с мерной музыкой топота конной эскадрилье. Сегодня их было лишь двое. Тёмные кони скакали весело, их удлинённые лики отпечатывались на мелкохолмистой скатерти стократ увеличенными, и это пугало маленьких животных и прочих жителей степного града.

– Смотри, смотри, Ионафан. – Негромко молвил один из всадников.

Последовало выразительное молчание. Спросившему не было нужды дожидаться ответа. Краем зоркого глаза он заметил, как гигантский теневой профиль командира кивнул ему. Вижу, говорил он без слов.

Решётка растаяла в лунном свете, и за призрачной поблескивающей паутиной проступили львы, жёлтые и спокойные.

– А что, Ионафан. – Заговорил младший с тёмным лицом и светлыми глазами под туго перетягивающим лоб платком. – У тебя не бывает необычного чувства тут, под горой?

И он сделал движение вверх сильным подбородком. Там, в сером прозрачном небе виделись всякому гигантские львиные лапы и колесо с обломанными спицами. Расколотили небожители старинный буфет вкупе со швейной машиной.

– Чувствуешь, не иначе – вышел из клетки.

Тот, кого называли Ионафаном, по всей повадке человек почётный, чьё лицо оставалось в тени полей шляпы, спокойно проговорил:

– А то нет, что ли.

Младший выслушал и, наклонившись к массивной голове коня, ласково дунул из трубочки губ в острое дрогнувшее ухо.

– Я слышал историю об отпущенном мире. Вроде как сбежала Вселенная.

Старший, вытаптывая яркий блик Фаты копытами своей пепельной чудовищной стати кобылы, даже не глянул на гору – что он, не видел бабушкиного буфета?

– Квадратный диск... – Усмехнувшись, ответил он, и кобыла с ним вместе фыркнула:

– Хрысс...

– О каких-то властителях...

– Я не верю в заговор.

Так как младший собирался снова заговорить, Ионафан перебил:

– Знаю. Когда ребёнок застрелит портрет. Когда король украдёт своё отражение. Когда чудовища соберутся среди бела дня... и прочее. Вздор.

Младший, показывая луне лицо, состоящее из острых углов, нетерпеливо заговорил, будто лунный свет сводил на нет святость субординации:

– Вздор, так точно. Но есть другие сказки. Про седьмую жизнь. Тот, кто проживёт семь жизней, спасёт мир.

– И будет предан другом. – Сурово оборвал Ионафан.

Младший не сумел унять себя вовремя. Похоже, что-то пряталось в сегодняшней ночи, заставляющее забыть правила. Даже каменные змеи выглядели до ужаса убедительными, а та, что смеялась, заставляла прислушаться к тишине, которая, впрочем, была почти совершенной.

– Это другая история. Ты про двух братьев, которые пришли с облаков?

Ионафан поступил мудрее – он промолчал. Младший опомнился и виновато отвернулся.

– Там, где двое, один всегда предатель. Даже если не хочет.

Сказав это, Ионафан решил, что разговор окончен. В виноватой мине приятеля почудился ему невысказанный вызов. Тот прошептал:

– О малом народце...

Жест нетерпения попал в столб голубоватого света.

– Эти?..

Младший, наконец, понял, что старший слегка тяготится разговором. Помолчали, Ионафан кивнул. Младший понял и повёл рукой по воздуху. Пруд Покорного пунктиром выступил из темноты.

Они вглядывались в дрожащий от лунного света Внемир, воронкой закруживший степь. Мелькнула львиная лапа на горе, высветились мелкие камушки, затем плеснула вода, и плавник сторожевой акулы мягко прорезал масляно гладкую поверхность бухты.

Ионафан рассматривал местность, проступающую во Внемيره. Подвинув взглядом карту, долго следил за неподвижной скатертью по обе стороны проездного мола.

– Я у отца в сундуке нашёл... – Шёпотом вновь заговорил младший, наклоняясь с коня. – Чудесная старая вещица... пробовал, не работает, а жаль, честное слово. Как живая... Птичка, представь. Отец и сам не знал, откуда у него. Может, с войны, когда их в замке расквартировали. Прихватил, как трофей. А крылья и глаза острые. Таких теперь не делают.

Старший внезапно отвёл его реплику рукой в тяжёлой перчатке. Нежные звуки за оградой пропустил, болтая о старой вещице, его спутник, и теперь звуки приблизились, перебили разговор. Внемир легко зарос, свёл воронку по краям, заштопал.

Они подъехали к ограде.

Львы рыли землю. Их было трое. Ком грязно-золотого пуха и стройных тел головами в одну сторону. Случайный отблеск сначала показался последним огоньком из угасшего Пруда.

Они переглянулись.

– Я достану. – Шепнул младший.

Он покинул седло так быстро и ловко, что движение вышло почти незаметным. Снял с плеча хлыст с длинной рукоятью и просунул за ограду. Львы отвлеклись, один посмотрел через плечо. Человек подцепил мигнувший снова предмет, лев ударил игрушку лапой, но двое других спокойно отошли в стороны, тёплые и равнодушно дружелюбные.

Спутник Ионафана, подойдя в три мерных шага к лошади, протянул львиный трофей вверх, в полутьму. Леля, любопытничая, выпустила тонкий дрожащий блик, и стрела света угнездилась в стремени, скользнула вдоль руки младшего, перетянутой под выпуклостью мышцы ремнём с пряжкой, и зажгла костерок в припрятываемом предмете.

В это время один из львов, перекатывая золото лопаток, поднялся и мотнул башкой. В глазу его загорелся огонёк, но был то левый или правый, младший не сообразил, хотя был лёгок на мысль.

Копыто кобылы небольшим городком, вроде уменьшенной копии НЛО, придавило двадцать дюжин стеблей сочной травы. Удалялись в степь Ионафан с оруженосцем.

Темнота ночи сделалась осязаемой, а свет Мен лился, как из отвинченного крана. Степь содрогнулась, и из глубины донёсся стон. Всадники в полной мере ощутили то, о чём толковал младший. Высоко над небесами клетка почуяла нечто, принадлежавшее ей, и только ей.

К слову, если потом не будет другой возможности, – сбежавшая Вселенная, о которой упомянул один из собеседников, и была их собственным миром.

Из летописи тьмы.

С дюжину призрачных пластин, овальных, но время от времени дисциплинированно принимающих вид дисков, легко и точно вставили в небо рядком на небольшом отступе.

Издалека – если бы кто-нибудь посмотрел – пластины расположились в форме глобуса. Выглядело так, будто кто-то нарезал в поперечнике планету или яблоко, но силы притяжения удерживали части, как единое целое.

Каждая пластина имела винтовую запись, на некоторых бороздки были повреждены или накладывались друг на дружку.

Если бы гипотетический наблюдатель подплыл поближе к Слойке – а именно так называют это устройство – то он мог бы услышать лёгкую фонограмму: вроде далёкой музыки или перебора троллейбусных проводов.

Когда Слойку погрузили в разрезанное небо, она прекрасно там поместилась. По бокам надреза свисало чёрное смятое, как ткань, пространство с расплюснутыми светлыми кляксами звёзд.

Затем пространство стащили край к краю, и звёзды снова показались. Ткань была натянута, сшита крупно скобами, затем стежки замелькали быстрые и значительно мельче, рука точно отмерила нитку до локтя – оптимальная длина для работы такого рода.

Слойка медленно возникла среди звёзд: она была похожа на мяч-прыгун, и не углядишь, что её покромсали на кусочки.

Диски внутри Слойки зажили своей жизнью, закрутились, и немедленно началось считывание объёмной записи – тут тебе и трёхмерка, и звук, и запах, и душная грива льва зашевелилась – он побежал, работая поршнями великолепных лопаток, и акула поплыла и кого-то укусила.

В углу онлайн-ойкумены всё это дело вызвало возмущение, начала крошиться звёздная штукатурка, две галактики внезапно за три триллиона ярродней срослись наподобие крыльев и прочее подобное тому.

Слойку подтолкнуло и унесло фотонным ветром в сторону и вглубь вещества.

Бедная игрушечка! Правда, она имела массу около трети всей видимой ойкумены и вмещала примерным счётом дюжину мирозданий, не считая вариантов, иногда записанных своим волею случая поверх основного текста.

Один из экваториальных ломтей, из тех, что имели самый основательный диаметр, никак не мог успокоиться. Он нервно подёргивался и, в конце концов, сорвался с невидимой оси.

Расплывшись из круга в ромб, забытая пластина моталась между другими дисками. За всю её историю пару раз случилось, что она даже покинула Слойку и тихо плавала между настоящих чужих звёзд, пока её вновь не втащило на прежнее место.

Труд был окончен, реальность выбрана, Судьбы предрешены, погрешности обеспечены, боги названы – всё это вопреки Первопричине, Которая молча страдала в каждой выдуманной душе и даже в каждом волоске из гривы льва в далёкой степи.

Загулявшая пластина была не то чтобы лучше иных, просто её содержание часто оказывалось логичнее или, как выражаются джуни – правдивей. Насколько это вообще возможно в зыбком мире, где мысль, слово и дело расходятся максимально. Тем временем, в желобке пластины, в душном холодке маленькой комнаты на глубине достаточной, чтобы вызвать клаустрофобию у потомственного крота, летописец тьмы перелистывал свою рукопись.

Он восхищался собственным открытием. Два яррокруга назад, в те времена, когда предпоследний властитель дум обитал в пещере на одной из лун Господина Времени и охотился между звёзд, распростирая могучие драконьи крылья, кто-то опубликовал в газете число.

И это было число жертв – жертв войны – первой войны за этот оборот Колеса. Открытие летописца заключалось в том, что число это было неправдою. Число это относилось к войне второй... но как получилось, что его обнародовали за четверть века до того, как число это обрело плоть и кровь?

А всё было до ужаса понятно летописцу.

Некто задумал это число ещё раньше. Значительно раньше. Или в другом месте. Или там, где не было места для времени. Во всяком случае, одно понятно – там для того, чтобы сосчитать людей, не пользовались единицами, а сразу десятками. Там не рыдали, увидев сломанную детскую игрушку в опустевшем почему-то доме.

– Нос медведя... – Сказала Саня. – Слышите, няня?

В утреннем полумраке из кресла под окном ответа не последовало, только блеснули неправдоподобно круглые стёкла очков, затем спицы, затем чашка, которую взяли с подлокотника и вернули на место. Лстивый тон воспитанницы няню не тронул.

Саня подождала, неуверенно улыбаясь – она знала, что няня разглядит улыбку.

– Да, ты обещала вспоминать об этом, когда почувствуешь, что замираешься. – Послышался красивый старческий голос. Он тоже поблёскивал.

– Когда я не вполне понимаю происходящее. – Протестующе молвила Саня.

Няня легко согласилась:

– Я так и сказала.

Медвежий нос – большой пластмассовый нос – был найден Саней во время уборки на чердаке и небрежно выброшен ею в порыве избавления от ненужных и никчемных вещей. Часом позже ею же был найден медведь – давняя детская игрушка, которую Саня полагала потерянной. Медведь был встречен с искренней, но избыточной радостью – избыточной для взрослой девушки, имеющей образование, работу и даже Увлечение, как выражалась няня.

Возможно, некоторая чрезмерность пафоса была связана именно с желанием прекратить разговор об этом самом Увлечении с большой буквы.

Так или иначе, но Саня и в самом деле растрогалась не на шутку – были упомянуты давние события, столь давние, что казались страницей из книги сказок, которую, кстати, тоже нашли.

Далёкий дом в иной стране, необъяснённые никем происшествия детства, память о которых подёрнута паутиной – а пауков Саня никогда не боялась.

– Душечка... – Говорила Саня, горячо прижимая медведя к щеке. – Помнишь, как тебя забыли на железнодорожной станции? А потом, когда мы ехали обратно, ты сидел на скамейке, такой грустный? Только вот не помню, куда мы ехали и вообще, кто это – мы.

Со здоровой безгловостью она аккуратно поцеловала медведя в пыльный нос, вернее, в то место, где он некогда был, и покосилась на Агнию Яковлевну, спокойно перебиравшую маленькими сухими ручками в чемодане, надписанном «старинные носовые платки».

– Няня, вы гляньте только, какая у него толстая...

Няня рассмотрела огромный клетчатый платок, затем склонилась в глубину чемодана, как в пещеру, и, не глядя, махнула.

Саня послушно замолчала – требования к речи и подбору слов у Агнии Яковлевны были определённно викторианские. Быть может, потому подола Саниных юбок даже при самых пыльных телодвижениях не поднимались выше коленок – хотя, причём тут подбор слов? Коленки, к слову, были просто загляденье.

Продолжая вытаскивать какие-то штуковины из чемодана, наводившие на мысль об исполнах и исполинских носах, няня задержала в воздухе руку, производившую отмашку, и Саня заворожённо уставилась на крошечную морщинистую кисть. Рука няни символизировала власть, тайны рода и глицерин, предпочитавшийся всем хорошеньким скляночкам с дорогими зельями, которыми Саня убеждала пользоваться свою дорожную воспитательницу.

Няня молчала – а молчала она артистически, не хуже Джулии Лэмберт, которая, как известно, взяв паузу, держала её, сколь возможно, долго.

– Что?.. – Слабо спросила Саня.

Няня коснулась коготком собственного маленького и очень горделивого носа. Собственно, он был самую чуточку крючковат, что не мешало ему быть горделивым.

Саня вдруг всё поняла и вспыхнула, прикрываясь медведем. Отстранив игрушку, она с известным отвращением оглядела несчастную медвежью мордочку, но упрёк, прочитанный ею, заставил её поспешно и опрометчиво пообещать:

– Если я снова захочу сделать глупость, няня, вы только скажите – Нос Медведя.

Агния Яковлевна не ответила – она редко отвечала на Санины речи, если они не носили явно выраженного вопросительного характера, что постоянно выводило Саню из себя.

Могло показаться, что няня забыла или не расслышала опрометчивого обещания. Но теперь стало ясно, что это не так.

– Итак, дорогая, нос медведя. – Повторила няня. – И больше я ничего не скажу.

– Но речь идёт об очень достойном... об очень достойном и милom... – Начиная гневаться, сказала Саня.

– Это вот медведь достойный, хотя ты и выбросила его нос. – Последовал исчерпывающий ответ, и одновременно с этими словами рассвет за окном вошёл в свою силу, а в комнате выступил из сумерек гигантский секретер с поднятой и запертой на готический ключ тяжёлой столешницей.

– Он не медведь, верно. – Что-то сообразив и овладев собой с неожиданной лёгкостью, вкрадчиво согласилась Саня.

– Кто же?

Няня складывала рукоделие в корзину, потом поднялась из глубин кресла без усилий и почти перелетела к секретеру. Саня подошла, чтобы повернуть ключ и придержать столешницу. Упрятав корзину в боковой ящик, няня повернулась к Сане.

– Если вы о том самом... о том, что вы мне говорили...

– Именно.

Саня покачала светлой головой.

- Не знаю.
- Уверена?
- Я думала об этом, не скрою.
- И ты не можешь назвать номер?
- Саня явно не желала продолжать, но всё же сказала:
- Он из... наверное... впрочем... нет, я...
- Вот как.
- Затем няня произнесла то, что Саня страшилась услышать:
- Если ты сама не в состоянии позаботиться о себе, приведи его сюда.

Всадники со своими теньями, унося меркнувший гул степи под копытами учёных коней, исчезали в безмерной глубине открытого ночного пространства. Путь они держали к северу, к Воротам – каменным насыпям, уводящим по растоптанной широкой тропе вокруг подножия низких холмов.

Жёлтые пульсирующие глаза большого льва отражали крошечные картинки удвоенно, хотя лев вроде всадниками не интересовался. Львица лежала, выдвинув лапы перед собой.

Две луны соперничали – золотым и голубым, лучи их заливали поляну внутри вольера и посягали на крохотный лесок, обрывающийся классической опушкой в трёх львиных прыжках от ограды.

Фата была похожа на голову купчихи. Эта бургерша с кирпичными щеками отличалась здоровой красотой, волосы цвета проржавевшей меди или перестоялого мёда крепко прилизаны на прямой пробор, лоб низкий и широкий, глаза прикрыты, так что ни за что не понять – о чём она думает.

Покачивающая головой Мен бледнела на её фоне, но стоило задержать на ней взгляд, и глаза её, растворившие щепоть синьки в озёрах, прихватывали взгляд и топили в этих нестрашных омутах. Левый глаз, если смотреть с земли, из травы, казался меньше, и это только усиливало впечатление ловушки, в которую попал смотрящий.

Да кто тут, к счастью, смотрел-то? Никто.

Младшенькая Леля была, и вправду, так мала, что этот треугольничек серебра, будто кто прилепил к небосводу клочок конфетной обёртки, заметить сходу и вообще непросто.

Напомню, что до войны конфеты, особенно дорогие, заворачивали в два слоя бумаги. Внутренний всегда был серебряным. Некоторые, правда, толкуют даже о трёх слоях, но это уж, пожалуй, слишком. Это уже сказки из толстого, самого старого сборника с затёртым именем на прогоревшей целлофанированной обложке.

Львица медленно повела головой, Фата то ли в шутку, то ли всерьёз увенчала её короной. Свет лун смешался, на опушке замелькали огоньки, до того крохотные и хорошенькие, что их можно было бы счесть розыгрышем нулевого часа.

Лев тоже посмотрел. Движение огоньков сопровождалось еле заметным гулом, как если бы надвигалась армада бражников в поисках виноградных лоз.

Зашевелилась густая трава, гордость заказника – считалось, что её невозможно вытоптать. Во всяком случае, жалованье главного агротеха не уменьшалось ни при каких экономических обстоятельствах – хотя честный малый клялся, что газон просто-напросто заколдован.

Лоснящийся «партер» у самой сетки – место лёжки львов, разглядывающих посетителей – отразил мелькающие огоньки в больших бесстрастных глазах. На открытое место вышла фигурка высотой с огрызок карандаша, тем не менее, излучавшая отнюдь не прозаическое величие. Возле фигурки мягко горел яркий фонарь размером со спичку – его держали высоко поднятым.

Львица, не меняя позы, сложила голову на лапы и задумчиво разглядывала фигурку. Раз, когда фонарик нечаянно пустил луч в зеницу её ока, она смигнула, но не отодвинулась.

Фигурка приблизилась и сделала такое движение, будто поклонилась и извинилась одновременно. Впрочем, все жесты странного посетителя были отчётливо сдержанны и отмечены интеллигентностью, что ли.

Следом за монархическим лицом, беспокоя кончики трав, выдвинулись из травяного леса, и вышли на свет со своими фонариками лица неизвестные, но державшиеся чуть в стороне и позади обладающего властью.

Лев сел, простодушно положив хвост с кисточкой наземь, и с видом углублённого внимания уставился на кавалькаду.

Маленькие господа беседовали между собой вполголоса, что и создавало ощущение налёта бражников. Изредка слышался смех, в немыслимой дали на просторах сновидений звенели колокольчики.

А ведь есть же эти просторы, господа... И звенят, вероятно, колокольчики.

Монарх некоторое время находился в раздумьях, в том оцепенелом состоянии духа, когда невозможно оторвать взгляд от хорошо знакомых предметов обстановки, словно всё вокруг обновилось, и суть вещей стала очевидна.

Усилием воли он оборвал свои мысли и обернулся, причём, свет его фонаря, как из душа, обдал придворных, затихших сразу, без всяких остаточных смешков – видать, были дисциплинированы и воспитаны.

Монарх размеренной поступью приблизился к тесному кругу домочадцев. Стоящие впереди и окружавшие толпу гвардейцы еле заметным движением ружей салютовали властителю, вероятно, не любившему помпу.

Расступаясь, придворные кланялись тоже слегка, с достоинством. Монарх рассеянно, но приветливо здоровался со всеми. Львам хорошо был слышен его прекрасный, очень низкий голос – ни игры, ни притворства.

Кивком удостоверив свой дом, что более не намерен докучать им присутствием, монарх, выйдя из толпы – если подобным обидным словечком позволительно обозначать разнообразную общность лиц – вдумчиво пошёл прочь, вокруг гигантского, будто кус тающего иридия, львиного тела, вглубь вольера.

Несколько гвардейцев – точнее, трое, один из которых был очень высок, на голову выше прочих – сопровождали его, следуя в отдалении.

Властитель с военной свитой достиг львиной тропы, ведущей к небольшому озеру, и вскоре их силуэты потерялись во тьме.

Оставшиеся почувствовали себя освобождёнными, как дети, любящие своего учителя, но безмерно счастливые его отлучкой.

Помолчав, круг придворных разразился усиленным гулом голосов, а колокольчики звенели теперь без перерыва.

Разойдясь по двое, по трое, они скоро усыпали светлое местечко, как лунная рассада.

– Какие новости? – Благодушно спрашивал толстяк в куртке с подозрительным капюшом и в спортивных штанах.

Он пристал к группке из полудюжины молодых и изящнее одетых придворных, затем покинул их и нагнал троих, шедших в стороне неторопливо и обменивающихся короткими репликами совсем уж тихо.

– Новости? – Переспросила черноволосая дама.

Она с лёгкой досадой переглянулась с мужчиной, у которого было ухоженное, но какое-то нечистое лицо. Костюм-тройка очень ладно облегал его фигуру с широкими плечами и длинными ногами.

– Да, да. Новости. – Спокойно повторил толстяк, и на мгновение его сиплый добродушный басок прозвучал так, что исключал всякую мысль о простодушии. – Беглец, мятеж, пере-

мены... что там ещё? Вы об этом что-нибудь слышали? А, Фортунатий? Чего ты молчишь, любимчик?

Мужчина-тройка не выказал и толики того неуютного желания оглянуться через плечо, которое не смогли побороть ни дама с чёрными волосами, ни её спутник – мрачный парень с острым умным лицом.

Правда, проделали они это неприятное движение по-разному: остролицый явно с намерением убедиться, что прочие находятся вне слышимости. Что касается дамы, она откровенно испугалась, хотя трусихой не выглядела.

– Перемены, значит? – Взвешенно и врасяжку повторил Фортунатий. Холодные маленькие глаза его, проделанные наспех уже тогда, когда красивое лицо с совершенно прямой линией высокого лба и сурового носа, с великолепными губами и выступающим подбородком, было закончено, блестели мутными льдинками в луже.

– Да, да. – Невозмутимо проквашал толстяк. – Они самые!

– То есть, мой старый добрый – я надеюсь – недруг Прото, ты разумеешь состояние, при котором верхи не могут управлять по-старому, а низы начинают неудержимо сплетничать о верхах?

Дама и вовсе побледнела и теперь выглядела совсем юной, а её мрачный спутник ещё потемнел лицом. Выставив острый подбородок, он вмешался в становящуюся интересной беседу:

– Если я сообщу тебе, неумолимый собиратель истины, мол, всем уже известно о том, что в войсках великого информационного народа началось брожение и что некий рядовой или даже младший офицер сбежал с бесценной рукописью, важной для будущего и прошлого – ты в таком разе успокоишься и уйдёшь? Ибо посмотреть на твою рожу мне не очень.

И остролицый едва заметно кивнул на девушку, показывая нахалу Прото, что у него есть более приятное для зрительного нерва зрелище.

Прото не очень искренне рассмеялся и начал было говорить:

– Я не сотрудничаю с... Как ты можешь такое подумать о толстом Прото? Я всего лишь подхалим и шут при дворе всего лишь наследника.

Львица вскочила и всмотрелась в темноту, куда ушёл король. (Караул был давно отослан и телепался на обочине.) Шлёпающий звук человеческих шагов послышался на тропинке, и следом сдавленный крик испуга.

В лунном свете, выйдя из темноты, пошатываясь от волнения молодой помощник при львиной кухне.

Разглядывая происходящее и присутствующих с высоты среднего мужского роста выпученными голубыми глазами, – такие могли бы быть у брата Мен, – он, очевидно, хотел вскрикнуть, но не смог.

– Оп-па. – Заметил Фортунатий-сановник.

Человек закрыл глаза, потом, смешно помаргивая, открыл, огляделся, с силой вцепился ногтями в собственное запястье – словом, не упустил ничего из процедуры распознавания сновидений.

Затем он произнёс неугаданное слово, приличное на слух, но совершенно обморочным голосом.

Он перевёл взгляд на львицу, на льва и произнёс их имена. Казалось, эти привычные приятные звуки должны были уравновесить его разум, как перекосившиеся аптечные весы, которые по преданию, некогда держала над полем сражения Первопричина... держала себе, пока какой-то шалый истребитель не вцепился в одну из чаш случайно, или, как говорят иные, не случайно.

Лев равнодушно отвернулся от него, а львица посмотрела, но мельком. Они знали, что юноша тщится выработать смелость характера, для чего приходит сюда, на территорию северо-

западного прайда, почти всякую ночь между объездами. Фамильярности он себе не позволял, поэтому ничего нехорошего пока не произошло. Впрочем, если бы к неприятным волнам страха, исходившим от посетителя, не примешивался благоговейный восторг, львы, возможно, не стали бы терпеть нарушителя.

– Что он сказал? – Переспросила дама, заметно развлёкшаяся явлением нового лица.

В её голосе появились ласковые интонации. Она задрала забавный подбородок, размером с самый маленький лепесток.

– Он удивился. – Бросил сановник. – Ему бы глотнуть чего.

– Имеешь ли ты в виду росу на травинках волшебного луга, ты, чванливый обладатель спортивного пиджака?

Фортунатий мельком оглядел егозящего и оскаливающегося толстяка, во всяком случае, часть его, ибо Прото так просто взглядом не окинешь.

– Именно. – Процедил он. И сразу же отвернулся. – А где его величество?

Он винтом повернулся на каблучке, не намереваясь осчастливить пресловутой росой визитёра, но увидел только остролицего, поспешно уходящего в тень и прикладывающего палец к уху.

– А... – Заметил, как бы про себя, лощёный Фортунатий. – Лис, ты видела... Лис?

Но молодая брюнетка его покинула. Она подошла поближе к человеку, без усилий поднялась в воздух, поджав зачем-то левую ножку и вертя каблучком, и ласково сказала что-то прямо в голубые глаза мальчишки.

Парень повёл головой, коснулся виска и, повернувшись, пошёл прочь.

Лев неодобрительно разглядывал его спину. Хвост льва шевельнулся.

– Клавдий, – заметила, не поворачиваясь, но спускаясь на землю, черноволосая дама, – не стоит тебе раздражаться по пустякам.

Львица тихонько заурчала, будто смеялась. Так оно и было.

Король, которого тщетно искал Фортунатий, был найден ни кем иным, как остролицым мрачным молодым господином.

Впрочем, стоило лунному свету вклиниться на правах третьего между собеседниками, как молодость остролицего оказалась под вопросом, хотя мрачности не утратилось ни чуточки. Скулы его, нос и подбородок мог бы оценить поклонник готических шрифтов, а пергаментная кожа, хотя и обтягивала брутальный каркас, свидетельствовала о десятилетиях небрежения ветрами и сухим климатом.

Внимательному его слушателю, напротив, освещение только убавило годы. (Речь, конечно, не о яррогодах, а об этих местных, коротеньких.) То ли общение с занимательным приятелем, то ли ещё имелась причина – но лицо короля, круглое и простодушное с фасада и драматичное рыцарское в профиль – заметно посвежело. Уголки губ приподнялись, а глаза засветились в ответ милой Мен.

Его величество, сбросив груз монаршего величия, оказался просто славным парнем, из тех, кого барышни именуют «симпотными» и «милягами». Создавалось впечатление, что он рад передышке и это самое величие для него вроде неудобного костюма, в котором не присесть, не повернуться. Это впечатление было верным, но остролицего такие нежности мало интересовали.

Он тихо говорил, склонив острый нос и башмак подбородка, так, что между ним и королём пространство оставалось короче вытянутой руки. Это всегда свидетельствует и о короткости отношений, тем паче что ни миляга-король, ни суровый остролицый не походили на тех джентри, которые подпускают к себе ближнего на расстояние ближе вытянутой руки с пистолетом (выдуманным).

Пистолета и в самом деле луна не увидела. Король слушал приятеля внимательно, но невольно отзывался на вольности лунной ночи и короткий нос его раздувал крылья.

Остролицый и это заметил.

– Ветер с Белого острова. Там сейчас вылупляются лебеди, а запах, так сказать, лебединых пелёнок создаёт эффект пролитого дорогого одеколона.

– Хорошо.

– Рад, что тебе нравится.

– Дружище, ты так говоришь, будто ты причастен.

– К этому я не причастен.

– А...

– Не вертись, впрочем. Пока нас не подслушивает эта осинка, я хочу узнать, что ты думаешь.

Король повиновался, и остролицый продолжил тихо рассказывать. Речь шла об одном из джентри Простейших Времён.

– Этаким жабёночек, неспешно выбиравшийся из кармана по зову хозяина и владыки.

По словам остролицего, случился казус – в башке джентри оказалась заперта информация, но и кликовый код оказался там же.

– Ну, надо же. – Отозвался король. – Оплошность, каша слиплась.

И всё бы ничего, но и сам джентри – или его так вообще называть некорректно? – оказался потерян. (Тогда они ещё не начали сбегать. Просто – потерян.) Как вскрыть комнату, если ключ внутри?

– Это ты меня спрашиваешь?

– Ну, не осинку же. Давай, ты же король, в конце концов.

– Вот за это спасибо.

Король шмыгнул с глубокомысленным видом.

– Когда это произошло?

– Ты слушаешь, как обыватель. Я же сказал – в Простые Времена.

– В Простейшие.

– А, всё же слушаешь. Когда они путались в проводах, даже волнового Внемира не было. А в свои твёрдые Внемиры они засовывали наших предков в виде безголовых коробочек. Тогда ещё начали для забавы делать их в виде фигурок. В основном, для детей.

– А потом из-за детей и перестали. – Добавил король.

Остролицый, слегка раздражённый тем, что его перебивают, ухмыльнулся.

– Приучение к рабству, так это звучало. И они оказались правы. Этот жабёнок...

– Маленький жаб.

Остролицый не обратил внимания на филологические игры владыки. Он сделал жест нетерпения. Король Джонатан послушно заткнулся, тем паче, почуял уже – дела, и впрямь, припахивают тревогой. Не часто приятель его и глава разведки позволял себе дёргать плечом, вроде барышни, у которой финансовый отчёт не сошёлся со второго раза. Если честно – то совсем не часто. А по правде уж вовсе полуночной, то король мог бы припомнить только один такой случай.

(Хотя с финансовыми отчётами в королевстве джентри постоянно проблемы.)

– Этот родоначалник всех беглецов, оказался вещь в себе. – Проговорил остролицый мягко и спокойно.

И король ответил в тон:

– Что это значит?

Остролицый помедлил.

– Такая оплошность произошла только раз за всю историю, ваше величество. Даже и вы, и я, по нашей благоуханной юности, не можем помнить. И даже в Покорных нельзя отыскать

сколько-нибудь приличных ссылок. Разве что открыть мифологический словарь. Сохранилось несколько разбросанных источников, и в них, пожалуй, можно разглядеть намёки на то, что произошло.

– Говори яснее, шпион.

– Ясности хочешь? Не дожидаться ли нам светоносного Ярру? Или тебя устраивает призрачный и неверный свет, который так полюбился нашему народу?

Джонатан молчал. Понял, что следует поддержать паузу, если он хочет добиться вразумительного текста. И он правильно сделал.

– Эпоха, когда появились «те», Джонатан, твоё величество.

Король ничего не сказал.

– Король ничего не сказал. – Задумчиво прошептал остролицый. – И он правильно сделал, клянусь первым безголовым Джентри.

Джонатан взглянул на него из самого средоточия света Мен.

– Ты приходишь сюда каждое полнолуние. – Заговорил он. – Клянусь, я знаю, почему.

Что ты хочешь найти?

Остролицый с почтительной усмешкой склонил подбородок.

– То, что мне не принадлежит.

– Ай-яй-яй.

– Разве не ты назначил меня главою тайной службы?

Джонатан угрюмо посмотрел наверх, на колыхавшиеся кончики трав.

– Каюсь. Но я сделал это, ибо среди моего народа устойчивы предания о некой организации, столь же древней, как сам наш народ.

– Фу-ты. Это ж детский фольклор.

Они встретились взглядами, но Мен встряла между ними.

Запись на неопознанном носителе.

На планете покрылись зелёными лесами оплеухи от гигантских космических камней. Рисунки молний казались рукотворными в чёрном небе, которое было гораздо ближе тогда. Сама жизнь, всегда убеждавшая себя, что она себе и цель, и средство к существованию, почти забыла, что некоторые считают её просто напросто болезнью, передающейся любовным путём.

Первопричина долго не размышляет. Первопричина, если позволите, влюбчива и, пока планета думала-думала, уже замесила тесто из глины и воды, омочила персты в тониизирующей жидкости (рецепт недоступен), и вскорости горы и неспящие долины испуганно любовались человечеством.

Зачатое в любви, оно представляло из себя гигантских львов – вернее, похожих на них существ – сильных и покрытых коротенькой шёрсточкой золотого, чёрного, рыжего, густо-синего цвета. Плечевой пояс был у них хорошо развит, они легко поднимались на задние лапы, хотя коленки у них выгнуты правильно, как и подобает существам, желающим хранить устойчивость, не болеть артритом и при желании дотягиваться до всего, до чего хочется дотянуться – в разумных пределах, как пишут в брачных объявлениях.

Мозг людольва (поспешное определение разговорного характера, напрочь застрявшее в позднейших космобиобиблиографиях) развился до подобающего размера и в затылочной части не имел комка искусственного происхождения, условно называемого ЭР-комплексом. Не значилось в сердечкообразных ДНК записи «подчиняйся» и ни следа информации о неизбежности иерархии. Ритуалами и не пахло. На планете, простите, пахло в основном цветами, так как людольвы имели природное обыкновение закапывать ненужное – а ежели иногда и внюхаются вдумчиво, так что ж... сразу, бывало, фыркнул и сочинят детский анекдот.

Они всё знали заранее. Рождались с неисторченной памятью о Путешествии, потому познание, заключающееся в разрезании прехорошеньких жабят, отменилось само собой. Тор-

жествовало знание. Кушали очень аппетитно всякие вкусные вещи с веток. Первопричина позаботилась о приданом – мириады первых обитателей мира – мудрых деревьев – жертвенно обратились в почву, жирную и нежную, и никогда разорванная зубами плоть не будет так питательна, как выращенные Первопричиной плоды.

Чем же они занимались? Родители любят детей, тем паче любила Первопричина. Она не ставила перед собой никаких задач, дети были и всё тут.

С чем сравнить это глупому летописцу? Так в позднейшей истории музыкант не мог объяснить, зачем пишет музыку и приходилось ему грубо шутить насчёт неоплаченных счетов.

Человечество занималось любовью – чрезвычайно разнообразно, погружаясь в неё с ушами – торчком стоявшими рыжими и чёрными ушками, слышавшими не только любовную перебранку, но и томную слегка скрипучую мелодию, которую издавали двенадцать планет Детского Сада.

У людольвов действовало около пятидесяти чувств – того, что мы теперь осмеливаемся называть чувствами. Они видели, как лепестки цветка подрагивают и начинают светиться лампочкой – крошечные частицы вещества под их взглядом менялись и строили новые формы. Надо ли укубить друга за плечо? Как велик кит, глубоко плывущий и едва темнеющий в толще воды? Что за небесами? Как отучить малыша дёргать меня за хвост? Ведь он сильно дёргает, мерзавчик.

И они были не одиноки. В смысле, они не отделяли себя от остальных – камней, цветов, воды и бабочек.

Вы извините меня, прошу вас, за эти странные ничего не объясняющие словечки – «в смысле», «одиночество» и «вина». Тогда их никто не знал, так как смысла не нужно было искать, одиночество, пожалуй, можно сопоставить с рассматриванием неба, и никто не был ни в чём виноват. Разве что тот малыш, кусающий отца за хвост сильнее, чем надо бы.

И они любили баловаться. Но нам не понять. Они, к примеру, могли долго смотреть в воздух и делать в нём дырки – так силён взгляд невинного и способного творить существа. Иногда дырки оставались даже после того, как людолев, соскучившись, удалялся на зов подруги. Он помнил, что видел там, в глубине разверзшегося вещества света что-то необычное – тёмненькое и клубящееся. Иногда звук, разложенный чуткими ушами, доносил шипение или отдалённый вой, непохожие на все звуки земли.

Кто сделал дырку поглубже? Ах ну вот – ну надо ли искать виноватых там, где нет преступлений? Там, где никто не заподозрит то, чего не бывает – преступления?

Быть может – я о дырках – это сделал тот малыш? Дети, они... и так далее. Даже в созданном по любви мире. И особенно в таком.

Преступление, между тем, зрело.

Так «те» и пришли. С неба ли? Или из глубины потревоженного атома?

Потом говорили, что «те» пришли с неба. Ну, положим.

Маленькие господа, которым, похоже, нравились все три луны – или они нравились лунам – всё ещё толпились на лужайке возле рыжего перелеска.

Львица шевельнулась, и её вспылчивый друг Клавдий дёрнул хвостом. Рыжий перелесок передвинулся к югу. Это вызвало лёгкую ажиотацию среди прогуливающихся, особенно среди дам. Послышались смешки, юбки принялись подбираться над тонкими щиколотками, будто эта мера могла помочь дамам спастись бегством.

Фортунатий мрачно заметил:

– Эти шутки с соотношениями величин несколько надоели.

Он провёл рукой по лоснящемуся рукаву отменного костюма.

Прото всполошился:

– Не вздумай мне тут...

Он заколыхался и указал в сторону, за рощицу, состоящую из стеблей альпийской травы. Эту траву высаживали по указанию смотрителя степи для львов. Степной господин справедливо полагал, что кошка – она всегда кошка. Мол, полезно для пищеварения.

Сия полезность всё ещё укрывала в своей тени удалившихся от общества короля и начальника его разведки.

Фортунатий хмыкнул:

– В присутствии короля сделаться великаном? За кого ты меня принимаешь, Прото? Или жир тебе мозги залил? Чтобы меня обвинили в измене вот тут, не сходя с места? Я, знаешь ли, не хочу повторить участь некоего джуни, которого похитили маленькие человечки.

Прото замахал руками.

– Что ты. Я и не надеюсь, что ты окажешься столь неосмотрительным.

Он задумался. Оскорбление Фортунатия ничуть не понизило его настроения. Он подмигнул заплаканным глазом.

– Интересно, как он потом объяснил всё происшедшее домашним?

– Полагаешь, жена ему не поверила? Что вокруг него крутилось множество крохотных красавиц?

Прото собирался изречь нечто в ответ, но тут из-за его плеча послышался сладкий голос:

– У него есть история и про великанш.

Лис, та самая, что успокоила молодого погонщика львов, ничуть не испуганная передвижениями рощицы, в упор смотрела на Фортунатия.

– Луны закатываются, как глаза в обмороке. Время истекает. Быть может, пошлём кого-нибудь поторопить его величество? – Выдержав её взгляд, предложил лощёный господин. – Скажем, милую даму...

Лис фыркнула. Прото побледнел и качнулся. Но это телодвижение придворного не было, конечно, вызвано эмоциями милой дамы. Качнулась сама степь. Под ногами маленьких господ трепетала вытоптанная львами дорога. Небо отчётливо дёрнулось к северу, будто скатерть, которую дёрнул невоспитанный щенок.

Среди придворных началась паника, пока сдерживаемая дисциплиной. Из-за рощицы выбежал король, подняв руки и звучно выкрикивая:

– Домой, господа! Уходим!

Как ни забавно, вид бегущего короля совершенно успокоил присутствующих. Быть может, потому, что Джонатан не выглядел испуганным, но встревоженным – и опять же, не за себя.

Неторопливо появился начальник разведки.

Пока луны менялись местами на северном склоне неба, дамы и господа, не теряя достоинства, удалялись в альпийские кущи, полезные для львиного здоровья.

Там ещё некоторое время мелькали их фонарики. Мифический звон колокольчиков терялся среди их ропота и смеха. Да, они смеялись... таков Малый народец. Их гораздо труднее заставить плакать.

Но выражение румяного лица Джонатана, задержавшегося с остролицым в арьергарде, не было весёлым.

– Это то, что я подумал?

Остролицый огрызнулся:

– Откуда я знаю, ваше величество, я ведь не информант, чтобы читать мысли. Я всего лишь глава вашей разведки.

Джонатан не оборвал хамоватого разведчика, но, скрывшись за стволами травы, последний раз обернулся.

Лужайку, залитую прыгающим светом, увидел он. Клавдий со своей умной подругой медленно поднялись. Варианты рыжего отлично гармонировали с зеленой лужайкой.

Серые Врата приближались, когда Ионафан жестом остановил спутника. Тот вопросительно приблизился, хотя кобыла загарцевала и вдруг раздула ноздри, точно учуяв что-то постороннее.

И была она права. Ибо запах небытия совершенно излишен для нашего мира.

Далеко на востоке ещё виднелась последняя пара змей. Та, что смотрела на мир без иллюзий, ярко осветилась мелькнувшим из ниоткуда светом. В её глазу отчётливо зажёгся пронзительный шарик огня.

Ионафан сделал жест, который можно было истолковать только, как просьбу или приказ отдать что-то. Младший послушался. Склонив голову, он рылся в седельной суме. Затем он протянул нечто блеснувшее старшему. Тот забрал протянутое и тут же поднял свободную руку.

Разом луны погасли. Только змеиное изваяние, будь оно одушевлено, смогло бы что-то разглядеть в такой тьме.

Правда, случайное облако тут же отплыло.

Ко вратам неторопливо рысил старший всадник. Он держался за упряжь одной рукой. Другой он стиснул длинную гриву кобылы, порывавшейся удрать вместе со своим всадником, который теперь неподвижно свисал с седла. Его руки касались редкой выжженной травы, а выражения глаз не сумела бы разглядеть мрачная статуя – слишком далеко.

Ионафан не добрался до Врат. Он шепнул тайное слово, и конь замер. Некоторое время всадник со своим печальным ведомым напоминал по неподвижности камень. Внезапно он ожил и, бросив на произвол степи ведомого, так скоро погнал коня обратно к ограде из змей, что на мгновение слился с темнотой.

Рассказывает «военнообязанное лицо».

Она рассматривала то, что вытащила из нутра моих командирских, а я с пола рассматривал её – и в этом повороте играющего света она была чудо, как мила.

Она отошла так, что я её не видел. Я знал, что невесомая штучка занимает места не более, чем ромбик между её согнутым указательным и большим пальчиками. Спрятала.

– Не похоже на грязный обломок, которым грязный солдат соскабливает щетину. – Сказала она, протопали ножки. Я задрал голову. Она, глядя на свечу сквозь метеоритное стекло, любовалась пламенем. Пистолет лежал на рогах кровати.

– Зато часы теперь будут показывать верное время.

Часы мои – благородный гибрид войны и мирной жизни – она заново собрала ловкими коготками, завела, захлопнула крышечку, а затем чувственным и ласковым движением положила в изголовье постели, за что я испытал благодарность к ней.

Ценю хорошее воспитание, не покидающее человека и в трудную минуту – не декоративное украшение, а истинную драгоценность.

Она подхватила своё оружие, и теперь правая её рука была направлена в мою сторону, а в левой она держала моё жалкое военное зеркальце. Чем-то оно ей глянулось.

– Ради любви к логике, – взмолился я снизу, – щетина тоже грязная?

Она думала о своём и, наконец, заговорила:

– О чудище обло, озорно, огромно и лаяй. Когда же ты будешь повержено? Когда же ты будешь разрушено? Что придёт на твоё место?

Я терпеливо выслушал приблизительную цитату из старейшей Летописи Мрака. Я даже вспомнил, кому принадлежат эти слова. Она глянула вбок и вниз.

– Больно вам?

Я промолчал.

– Если бы вы были на стороне свободы, – присаживаясь, для чего ей пришлось подобрать юбку, и, наклоняясь к моему раненому запястью, сказала она.

– То что бы было? – Без вызова спросил я. Отверстие в моей руке ныло от потери, словно я долго писал роман, а, дописав, остался один одинёшенек и задохнулся оттого, что герои мои ушли куда-то.

– Вы были бы на стороне свободы.

Потом она вышла.

«Так она отняла у меня Последнюю Вещь в первый раз». – Прочитал только глазами, не вникая, летописец и неопределённо ухмыльнувшись, отозвал из пруда Покорного маленького солдатика. Тот вышел на твёрдое воздушное крылечко и, отбив шаг-другой, замер. Летописец, не глядя на него, записывал последнюю фразу на листок обыкновенной бумаги. Рядовой вдруг свалился на стол. Летописец с состраданием посмотрел на него и деликатно двумя пальцами вернул в строевое положение. Шёпотом пробормотал слова извинения, пожал плечом так, будто над ним подымалось крыло.

Пропущенное слово тревожило, – комар тоненько подвывал над ухом, в самом мозгу, и было имя комару – сомнение.

Из летописи тьмы.

Их было семь и вовсе они не были голодными духами. Совершенно цивилизные господа. По виду – кто массивный с хоботом, кто предпочитал ползать на бронированном животе, кто смеялся диковатым смехом и прочее.

Нет, ну седьмые – они очень напоминали людольвов и вообще, они, кажется, не одобряли проект. Эти господа так и остались загадкой, их мир находился страшно далеко за Балконом. Им сопутствовали, сообщает предание, какие-то птицы. Но, возможно, это ошибка при передаче информации, выдуманная подробность.

Остальные шестеро приземлились, конечно, не одновременно. Но после небольшого выяснения отношений в предбаннике Детского Сада, поломав несколько вполне лояльных планет, пришли к Соглашению.

Теперь вопрос – что погубило людольвов, способных, как и всякие, совершенно – я подчёркиваю и обращаю ваше внимание на подчёркивающую линию – совершенно невинные – существа, убивать даже взглядом при необходимости?

Как и всегда, когда виноваты родители – мужчина и женщина – Первопричина, да Она, Она, погубила их к Своему горю и недоумению.

Когда они были переделаны настолько, что уже не могли убивать взглядом, полным любви, когда и самой-то любви, о печаль, о ужас, – поубавилось в них, вот тогда они и стали вспоминать, как всё было.

Но и забывать сразу же.

Тогда уже Шестеро построили клетку вокруг мира. Не слишком просторная, со всякими утомительными подробностями вроде узловатых ржавеющих сочленений, она была двойной. Пруты сплава покрыли изоляцией – чем-то вроде плотной шкуры – и рассеивающим антирадаром.

Правильный куб, – возле полюсов пустовали широкополые конусы, – простирали свои характеристики на расстояние в три планетарные атмосферы.

Шестеро устроили Эдем. Сначала добровольно и с глубоким детским интересом, а потом по мере утраты ума и любви – тоже добровольно, как экземпляры эксперимента, приняли участие в этих делишках людольвы. Но они уже были испорченные – в буквальном смысле испортился механизм, бережно сочинённый Первопричиной. Так снимается хороший фильм – продумываются в сценарном листе главные моменты, а детали сами совпадают, ибо главное-то сделано на совесть. Работы потоком выходили с конвейера изобретателей. Совсем испорченное сырьё во имя гуманности и голубого неба уничтожалось.

Цель-то у гостей была самая святая – посеять островок разумности во вселенной, оставить семя своё с планет, которые были для них родиной.

Кроме того, по мере накопления материала, создавалась как бы сама собою фауна-флора, столь несоответствующая духу планеты, что создатели могли возгордиться и считать себя – и впрямь и вкось – создателями.

А ещё выяснилось, что необязательно стремиться к одной цели – целей может быть много, там где вообще завелась эта всегда опасная дрянь (цель).

Можно создать материал заведомо второго сорта... да и о себе стоит позаботиться. Каждый хотел, чтобы основой для Жителя послужил он сам. Пришлось пойти на компромисс. Решили, что пусть будут шесть рас.

Хотя зачем это родительское стремление... ежели речь о тех, кто заведомо будет хуже. Родители-то о другом, обычно, мечтают.

Они посматривали на свои творения и гордились немного и ужасались, ну, как полагается – находя в биологических роботах сходство со своими телами.

В конце концов, одурев от запаха сжигаемой в печах плоти и сладкого смрада над полями, они убедились, что придётся взять за основу двуногое прямоходящее – конструкцию странно-ватую, но казавшуюся почти идеальной.

Для этого выломали колени вперёд, распрямили гибкие позвоночники... потом выяснилось, что это всё весьма ненадёжно... позвоночники стремились искривиться, ноги болели.

С глазами тоже перемудрили. Кончилось тем, что засунули первую попавшуюся схему.

Но гости – теперь хозяева – торопились. Сами не зная, почему. Особенно окрылил их – тех, у кого не было крыльев – успех с новым сортом мозга. В большую черепную коробку, сократив лобные доли, вдвинули куда-то над шеей сгусток проводов из биоматериала с записью нового алгоритма – вместо «знаю-помню-предвижу» – «решаю-познаю-боюсь». Связи с действительностью заменили набором команд.

При этом вначале утратилась напрочь какая-то такая штука и печи запылали вовсю. Штуку называли, помявшись, «известным непослушанием», и огорчились ужасно.

Но дальнейшие пробы выявили сначала пару существ, затем ещё несколько, не утративших устойчивой склонности к известному непослушанию. Тревожная тенденция – более заметная склонность к «этому самому» существ женского рода – заставила их задуматься и послужила появлению череды горьких и иногда остроумных шуток, породивших в свою очередь целое искусство – забытую историю, или иначе мифологию, сказки.

Рассказывает какое-то там лицо... с перекошенным на нём выражением...

Забудем обо мне...

Облокотиться я не мог – всё ж так-таки гвоздём рука прибита. Некоторое время я смотрел на левую свою ручонку, – да, пора и ею заняться, лево не всегда означает плохо, – представляя, как бы она превратилась в лапу дракона или ещё кого похуже.

Пустяки-с.

Поэтому я просто занёс свободную руку с отпечатком, слегка кровавым, от часов, и честными армейскими ногтями попытался вытащить постороннюю деталь. Эх, гвоздодёр бы мне.

Настроение у меня было плоховатое, с какой стороны не глянь – не из-за гвоздя, понятно.

Хорошенько нащупав шляпку гвоздя нервными пальцами, я потянул и вытащил. Сел, рассматривая – благороднейшее серебро в форме тончайшей иглы. На память оставляю.

Кряхтя и вообще состоя из затруднённых нечленораздельных звуков и забавной мимики, сел я из положения лёжа. Всякие нехорошие вещи, которые я мысленно говорил о себе, уже исчерпали лимит приличия, поэтому я решил успокоиться, избрав в качестве средства успокоения грабительницу.

Перебирая в уме гвардейском всякие подробности – выражение глаз, особенности про-изношения и маникюра, некоторые жесты, литературные отсылки в бытовых репликах и, конечно, чистую и сострадательную меру пресечения в виде серебряной пули – я само собой уже знал, кто она.

Существо она безмерно жестокое, до того жестокое, что жестокость где-то там граничит с милосердием, безличным и тоже безграничным. Из чего я бы вывел, что мы с нею два сапога пара, если бы злоупотребление поговорками не было осуждено различными авторитетами в изящной области.

Итак, поехали дальше на перекладных, когда схемка устоялась. Но, ах, как она была недодумана. Взять хоть эту необходимость кутать существ, ибо они стали мерзлявые, в результате неумеренного применения распадающихся в лабораторных смесях веществ. Ну, облыселись начисто. Почти.

Кроме того, утратилась первоначальная естественная чистоплотность, и теперь затеялась целая история с водой, мылом и технической бумагой.

Ну, пустяки.

Для творцов, создающих новый порядок – мелкие досадности.

Затем этих новых детей природы научили строить города, воевать и презирать друг друга за недостаточную чистоту расы – им внушили исподволь, а иногда и прямо – что более близкое родство с небесными друзьями – лучше менее близкого родства.

Саня вовсе не была наивна. Она совершенно точно понимала, что неизвестный ей человек, пожелавший найти в Архиве старые карты города, непрост. У него, несомненно, цель и помимо карт – он представился геодезистом и даже настоял, чтобы она проверила его документы. Кроме того, он необыкновенно вежлив – не приторно вежлив, как всякая особь грозной части рода человеческого при встрече с обилием яблоневых лепестков, кое представляла собой архивистка. Правда, если бы яблоневые лепестки умели так пристально смотреть зелёными свежими клейкими листочками, то большая часть наблюдателей так бы и оставалась под яблоней, чтобы спать вечным сладким сном.

Нельзя было назвать его манеру вести себя обывательской – ни говорлив, ни нарочито таинствен.

Тем не менее, он определённо подбивал клинья, если использовать расхожее развязное выражение. В развязности тоже не замечен. Историй всяких не рассказывал, хотя почти всё в его поведении наводило на мысль, что истории были и, увы, именно такие, о которых рассказывать не следовало – во всяком случае, под яблоней.

Для таких затруднительных случаев обычно существуют сновидения – они приходят под утро Девятого дня. Принято шутить, что когда заканчиваются Выходные – с блаженного Седьмого по Девятый – человек вступает в Царство Истины, завтра-то на работу. Давно же говорят, что День Колец тоже назначат Выходным – когда экономика устоит. Но, когда это произойдёт, точно не известно. По крайней мере, утром Дня Колец человек просыпается с предчувствием трёхдневной свободы – такое ощущение, будто клетка истончается и прутья тают под пальцами. Странно, откуда бы такие страсти – ведь живём мы в свободной стране.

Девятый день недели – праздник привидений. Появляются Лики в холмах. Небо становится выпуклым. Над улицами летают городские огни. А сны, увиденные в ночь Нептуна, намётывают события, как подол, который требуется подшить.

Саня слыхала также о некоем берущем очень дорого и умнейшем маге, который мог закрепить или спороть намётку, увиденную во сне.

Но дело не сладилося – штука вышла такая: никаких снов в положенную ночь она не увидела. В остальные, обыкновенные ночи, само собой, сновидений не бывает.

Почти миновал Девятый день. Приближался вечер. Десятый считался пропавшим в давние времена. Врата-Плутон, как написано в пособиях по календарному делу, захлопнулся и закрыл целые сутки. Этого дня нет, сразу просыпаешься в День Ярры.

Но Саня не знала, что и думать. Проснувшись в Ярров день, она не спустила тотчас левую ногу из-под одеяла на пол, как всегда делала, чтобы обеспечить себя счастливой приметой на всю Десятку.

Причина, по которой стройная длинная нога осталась в тепле, и проста, и странна.

Саня испытала уверенность в первую минуту пробуждения, что она помнит День Врат. Собственно, она помнила смутные, в неухоженном зеркале мелькнувшие события, или даже их обрывки. Сновидение – или что это там было – принялось неистово ускользать. Само по себе неожиданно – обычно картина сновидения застывала в голове, как реальное событие.

Но теперь ей, сосредоточившись, удалось восстановить только вид из окна. Тогда, во сне – а как можно видеть сны ночью, которой нет? – она посмотрела и ахнула. Полумесяц висел невысоко, и птицы летали вокруг него, чисто драконы. Одна пересекла полумесяц, и наблюдательница долго держала взглядом тёмную галочку, планировавшую среди других, неотличимых.

Утром нежная привязанность к трём ложкам сухих сливок, размешанных в чашке с кипятком, и один взгляд в зеркало заставили её забыть несуразность.

Лестницы, кошки и разговоры на улицах развлекли её, как почти всегда и, когда она вошла в Архив, странности забылись.

Архив помещался в здании древней адмиральской ратуши. На крыше, по преданию, некогда помещался гигантский акулий плавник из загадочного прозрачного камня. Куда он делся?

Акула уплыла, неизменно отвечали бюргеры, если их спрашивал кто-нибудь из гостей города.

Дежурный приветствовал её и пожелал удачного дня. Что-то зацепило её внимание, но тут же отпустило. Открыв старомодное зеркало Покорного, она усердно занялась регистрацией вышедших из употребления описаний местности вокруг городка. Запуская руку по запястье в холодный, чуть липкий пруд и вытаскивая один за другим документы из хранилища, она оценивала их сохранность и возвращала в глубину.

Она слегка морщилась, ибо Покорный щекотал кожу лёгкими разрядами – видимо, за Стеной начиналась фотонная буря, а машина немолода и чувствительна даже к мышам, которые водились в Архиве. Кошки не желали поселяться в Архиве надолго, и только изредка удавалось соблазнить какую-нибудь прощелыгу хорошим содержанием на Десятку, не более.

Саню воспитали добросовестной, внимательной к делу, хотя, разумеется, не все черты её характера обуздали воспитание. Но в целом, ей привили честное отношение к Обязанностям, и потому она сделала перерыв только тогда, когда вернула на место последнее описание – карту холмов с проступившими ликами. Внезапно она обратила внимание на то, что в углу Покорного колышется знак присутствия Зануды. Её это удивило, так как накопитель информации в последний перед выходными вечер она оставила в ящике стола.

Ящик она выдвинула – накопитель лежал, вернее, сидел среди горстки конфет «Мечта».

Саня посмотрела в маленькие глазки Зануды, задвинула ящик и зачерпнула жменькой из Пруда. Галочка выскользнула из пальцев и когда раздосадованная Саня принялась отлавливать беспорядок, скрылась в глубине Пруда.

– Глуposti. – Заметила Саня, с грохотом выдвигая ящик.

Зануда теперь лежала на запасном носовом платке. Саня посадила её на ладонь и рассмотрела. Зануда тоже старенькая. Её выпустили в то десятилетие, когда производителей обуяла мода делать накопители в форме живых существ.

Крохотный волнистый попугайчик бирюзового цвета выглядел очень сентиментально. Саня отправила накопитель в Пруд. Попугайчик пошнырял там секунды три и исчез под верхним слоем слишком густого вещества, всегда покрывавшегося плёнкой или даже лёгкой пеной под натиском бушующих в глубине волн синергии и других, менее благородных, энергий.

Саня спокойно отнеслась к манёвру птички – привыкла за несколько лет. Скорее всего, в защитный – так называемый личный слой накопителя – изначально внесены такие ненужные передвижения. Предполагалось, что это утепляет рабочую атмосферу.

Саня подождала, но попугайчик не появился. Ни клювика, ни хвостика. Морщась, она сердито позвала зануду по имени, одновременно шаря рукой в Пруд. Пару раз ей показалось, что кто-то пронёсся мимо её пальцев, и даже нечто вроде тихого звука послышалось. Тут руку, отправленную в Пруд почти по локоть, с такой силой уколол фотонный разряд, что Саня, взвизгнув, выдернула руку и потрясла пальцами. Следа на коже, конечно, не осталось, но с Покорным, несомненно, что-то делалось. Как теперь вызволить накопитель, Саня не знала. То есть такое могло произойти, но, к счастью, никогда не происходило.

Придётся с кем-нибудь посоветоваться, только не с Покорным, который явно не в себе. В этот момент из Пруда всплыло чьё-то лицо. Саня попыталась его рассмотреть, но заметила только, что лицо – мужское и суровое. Следом в пульсирующей линзе, из-под волны, всплыло другое, на сей раз женское, и Саня вздрогнула. Она следила за поверхностью и насчитала шесть или семь изображений.

Лица исчезли. Пруд замер, спрятав утопленников. Саня ошарашено положила руки по обе стороны Пруда. Про попугайчика она и думать забыла. Почему и как это объяснить, спросила она себя несколько раз. В этот момент дежурный привёл посетителя. Саня его знала, ибо в маленьком городке чудо, если вы увидели кого-то в первый раз.

Молодому человеку требовалось описание территории, где размещался знаменитый львиный заказник. Саня вспомнила, что парень именно там и работает. Ему хотелось поговорить, а яблонево-лепестки в его глазах не отражались – следовательно, с ним тоже что-то произошло. И точно. Покопавшись в новом описании, парень заговорил, будто сам с собой, но рассчитывая на сочувствие:

– Странности вот тоже всякие... бывают, знаете.

Саню всегда учили быть приветливой, посему она издала неопределённое междометие, как это сделал бы канувший в самоволку попугайчик.

Ободрённый посетитель сбивчиво и спешно поведал, что один его знакомый видел в степи, – он помялся, – в одном известном месте, где львы, – словом, видел Джентри.

– Видел вот как вас...

Парень почему-то показал на свои губы, видимо, подчёркивая, что всё, из них изошедшее, правдиво.

Когда Саня услышала это слово, она немедленно решила, что ошиблась, и что яблоневые лепестки, оказав своё обычное действие, лишили молодого человека подобающей робости. Она разгневалась.

– Я похожа на человека, у которого много свободного времени? – Спросила она ровным и тихим голосом.

Парень ужасно расстроился и, внезапно, рассмотрев Саню, побагровел.

– Я совсем не об этом. – Заверил он не совсем понятно.

Саня пожалела его и вновь заговорила с присущим ей милосердием:

– Возможно, если ваш знакомый – учёный, который исследует мифы и предания нашей местности, это совсем неглупо. Я могу поискать старые описания в нашем Пруд.

Парень почему-то снова покраснел и заново рассказал всю историю, прибавив:

– У них лица не очень подвижные... будто куколки... но выражение в глазах совершенно как наше...

– Например?

Он подумал

– Ирония.

– Ну, ирония...

– Знаете, они похожи на...

Парень порылся в кармане и вытащил накопитель. Саня улыбнулась:

– Зануда?

Он протянул Сане зануду в форме вполне достоверного солдата.

– Вот такие. Только шебутные.

Саня подмигнула:

– Там только солдатики были?

Парень смутился и поспешно посмотрел на солдата.

– Славный, верно?

– Да. – Согласилась Саня.

– Жалко, теперь таких не делают. Якобы они приучают детей к рабству. А причём тут рабство? Они же совсем бесчувственные, просто машинки.

Саня согласилась, что это неумно. Парень спрятал солдата, при этом он нечаянно вытянул из кармана гигантский носовой клетчатый платок. Саня прищурилась на платок, и что-то вспомнила, но тут же забыла. Это было слегка мучительно, как покаяние в Пруд.

Выглядела она при этом, как монарх Джентри прошлой ночью, когда тот о чём-то задумался. Парень снова всё вспомнил, и ему сделалось не по себе. Тихая поверхность Пруда и серый день за небольшим окном показались ему зловещими.

Он огляделся и принялся благодарить, как он сказал, «за сочувствие».

– Извините за потерянное время. – Добавил он церемонно.

Саня любезно возразила:

– Информация о Вселенной принадлежит всем. И, кстати, вы собирались поискать для вашего друга что-нибудь про его новых знакомых.

От неё не укрылось, что посетителя передёрнуло. Это заставило Саню призадуматься, и она начала вылавливать из Пруда всякого рода описания и другие предметы с большим воодушевлением.

– Вот взгляните. – Заметила она задумчиво, удерживая двумя пальчиками деревяшку, которую вынесло из Пруда лёгким прибором.

Парень приблизился и тотчас отстранился, как если бы находился в вольере со львами. Теперь его удерживали яблоневые лепестки, но Саня не сердилась. Её вдруг заинтересовала новая задача. Тем более, что Пруд предложил несколько необычных вариантов.

Деревяшка некогда имела форму ромба, и на её полустёртой поверхности можно было разглядеть смазанное изображение.

– Чертёж. – Сказал парень.

Саня невольно вспомнила геодезиста, который смог бы сейчас ей пригодиться, но куда-то пропал.

– Кажется, это западные холмы в разрезе. – Глубокомысленно предположила она.

Парень деликатно возразил:

– Это центральная часть города. Вот новый магазин.

– Разве?

– Да, а это третий этаж.

– Похоже, так.

Они взглянули друг на друга. Парень приподнял дощечку и присвистнул.

– Это же старая вещь.

Саня кивнула и, не сводя глаз с таблички, пробормотала:

– Ею пользовались.

Она заглянула в Пруд и прочитала:

– Кухонная утварь. Традиционный местный узор.

Они засмеялись.

На табличке был процарапан квадрат в круге и по кругу фигурки.

– Это вот кто? – Спросила Саня. – Слон или кабан?

– На Кузьму Ильича похож. – Сказал парень и осклабился.

Его палец показывал на фигурку, которая была подчёркнута.

– Говорят, это он магазин построил? – Рассеянно припомнила Саня. – Люди говорили, мафия, мафия, а, по-моему, это просто Кузьма Ильич.

– Аптекарь, говорят, тоже вложился.

– Евгений Титович такая душка. Он мне в детстве показывал, что такое косоглазие. Это прелесть.

Парень обрадовался.

– И мне показывал.

Саня тронула ноготком третью по кругу фигурку.

– Это морское чудовище. Вроде бы акула, только у неё ручки. Или это ещё пара плавников?

Парень неожиданно для себя вспомнил владельца лодочной станции и счёл, что тот здорово смахивает на Фортунатия.

Размышляя, как можно было бы перейти к теме яблоневых лепестков, он смотрел на дверь, и дверь тихонько открылась.

Поглядев на того, кто вошёл, парень опустил взгляд на доску и увидел хвостатую фигурку с остроклювой головой.

Тут же он понял, что надо уйти, не развивая более ни одной темы. Вошедший – с картами под локтем – поздоровался очень учтиво, общим кивком, но каким-то образом показал, что приветствие относится только к даме.

Дама с полным самообладанием протянула ему дощечку. Переложив карты поудобнее, тот принял протянутое и, глянув, быстро сказал:

– Зодиакальный орнамент. Широко распространён на любом побережье.

Парень вздохнул.

– А я думаю, это западные холмы в разрезе. – Сказал он, надеясь, что Саня оценит его утончённую жертву.

Но пришелец с лёгкостью одержал верх, спросив:

– Вы заняты? Я могу зайти в другое время.

В Пруду что-то требовательно заворковало, и Саня, как безумная, кинулась вызволять попугайчика.

Помощник при львиной кухне и геодезист обменялись взглядами. Геодезист приподнял брови и показал глазами на табличку у него в руке. Помощник при львиной кухне автоматически взглянул и почему-то сразу увидел остроклювое создание, не относящееся ни к одному зодиакальному варианту.

Саня по локти запустила руки в Пруд и делала там хватательные движения. Губы она закусилась, а глаза широко раскрыла.

«Ручаюсь, этот бедолага обмирает... что бы он сказал, если бы знал, кто она. А ещё лучше, если бы она предстала перед ним в истинном облике».

Саня обернулась, сжимая что-то в кулаке. Она разжала пальцы и показала присутствующим кроху-попугая.

Львиный поклонник умилился в глубине своего нехитрого сердца.

– Где же он был? – С холодным смешком спросил геодезист. – Уж не к Джентри ли улетал?

Львиный помощник похолодел, увидев, что на устах Сани прямо-таки трепещет: «Вот забавно. А мы только что...»

Но она ничего не сказала.

Понурый помощник при львиной кухне удалился с поля боя, и уныние его было причиной, по которой он додумался похлопать себя по карману только вечером.

Впоследствии с ними охотно делились технологиями военного рода, подобными тем, что в ходу на кухне, особенно, когда требуется привести вещество в наимельчайшее состояние, то есть, попросту мелко порубить.

От людольвов к тому времени мало что осталось – характерно, что им не очень нравились созданные одновременно умные человекообразные обезьяны. И настолько, что много позже из чувства противоречия или юмора они утверждали, что произошли от оных как-то так, с помощью чего-то такого, что им трудно было сформулировать – при их-то нынешних слабеньких мозгах.

Обезьяны смутно наводили их на мысль о сатире, а это кому понравится.

Впрочем, часть людольвов в целях разнообразия и вообще, для удовлетворения любопытства, заключённая в совершенно иные тела и выпущенная в непривычную доселе среду, неожиданно выиграла. Они попросту удрали и одичали очень быстро. Вероятно, причина заключалась в том, что им не успели сменить мозг.

Пересаженные в океаны, людольвы не утратили ничего из прежней невинности, правда, научились ловить и жрать рыб. Но в остальном они, несомненно, остались прежними. Даже больше – чувство познания развилось в них до такой степени, что они никогда в дальнейшем не заинтересовались своими создателями. Зато сухопутные людольвы всегда вызывали в них жгучее и томительное чувство привязанности. Они напоминали им о многом, и даже чужой облик не раздражал – вы помните, что изначально людольвы смотрели в корень явлений, как это делает ребёнок, нечаянно произносящий неприличные слова и вызывающий умиление и неловкость у взрослых.

Сухопутные же, лысые и страдающие болезнями опорно-двигательного аппарата, очень и до странности привязались к существам, совершенно на них непохожим. Хозяева заодно селекционировали семейство кошачьих, во всём видовом многообразии. Некоторые из новых родственников проявляли полное забвение родства и даже изредка норовили попробовать людей на зубок. И всё равно это не мешало людям умиляться мохнатыми мордами, полным оволосением четвероногих тел, хвостами и прочими непохожестями. Для своего отношения они изобрели необычные слова, вроде «величественности» и даже просто «величия», а желая сказать приятное соплеменнику сравнивали его с тигром, у которого, кстати, пахнет изо рта, как вразумляюще напоминала подследственным... то есть, подопытным лаборант с длинной бугристой шеей и кожистыми крыльями, чьи кончики сзади касались сапожков со шпорами.

К счастью, у них появилась возможность сблизиться с предметами обожания. Небольшие и особенно совсем небольшие кошки из созданного побочно семейства стали сопровождать их жизни, и на протяжении До-Времени и после того, как в главной лаборатории разрешили запуск ощущения индивидуально-исторического времени, и, возможно, даже в периоды, существующие на изъятых временных дисках, – словом, всегда-всегда, люди рисовали их, ваяли подобия из глины, вдохновлялись их визгливыми голосами в музыке – словом, любили.

Объяснялась ли подобная лирика обликом людольвов? Или тем, что первопредки из седьмого номера чрезвычайно напоминали людольвов – настолько, что у охраны лабораторий в давние времена, когда проект только начался, пару раз случались инциденты с якобы сбежавшими подопытными. Когда недоразумение развеивалось и бедолаг тащили в дирекцию за покушение на важных господ, седьмые обязательно вступались за невольно провинившихся. Они шутили по поводу хвоста (которого у них не было) и просили не наказывать охранника.

Кроме того, их генетический вклад оказался, как говорили, самым весомым. Ну этого-то я не знаю. Как не могу всё же ответить на вопрос – почему несчастные лысые и болезненные существа, именующиеся ныне людьми, испытывают такое отчётливое пристрастие к созданиям, чьи глаза могут напугать вертикальными зрачками, а когти коварны и остры не в меру.

– Что произошло? – Спросил медведь, присаживаясь рядом и вопреки логике протягивая мне свой драгоценный сосуд – манерку из военного стекла, обтянутую замшей.

Почему «вопреки»? ну, видите ли... Пить и говорить разом могут только великие люди, если они достаточно невоспитанны. Я не велик, не человек и, как всякий убийца, считаю себя достаточно воспитанным.

– Барышня где? – Опять спросил он, уже через некоторое время. Видимо, осознал, что события должны иметь последовательность.

Собрав языком с губ остатки влаги, я изложил ему подходящую версию. Вечная тьма изображала раннее утро. Мой приятель, желая быть деликатным, едва выждал, как стало светлеть. Ему хотелось поделиться сентиментальными впечатлениями о канувшей ночи. Когда он увидел меня с перевязанным запястьем, слова и жесты – сплошь округляющего характера – угасли в воздухе.

Он выслушал – то, что я ему рассказал. Долго смотрел на покачивающиеся перед его крупным носом часы на грязной от моей крови цепочке. Историю, – как часы ни с того, ни с сего были отторгнуты моим телом, – принял безропотно.

Его это особенно – ежли честно – и не заинтересовало. Думал он о другом, и это хорошо о нём говорило.

– Странно. Я думал...

Он замялся. На такое больно смотреть – в буквальном смысле: смех разбирал меня по косточкам, а они давали о себе знать.

– Ты думал – сладилось у нас. – Подсказал я.

Он обрадовался найденным словам, а я – его целомудрию...

– Вступи на дорогу, а дорога поведёт. – Ни к селу ни к городу мудро проговорил он.

Жизнепоток не прекратился. А славно, что у моего брутального приятеля богатая интуиция – ведь прискакал чертяка вовремя. Я уж совсем загигался – не от раны, о нет, конечно. От одиночества, видите ли. Сероглазая барышня всадила в меня вместе с пулькой изрядную порцию обиды. Я обижался на весь мир, что мир, меня, такого славненького, не хочет баюкать на ручках. Может, у меня гормональное расстройство?

Где-то в районе сапог?

Может, мне конфет хочется?

Мы выбрались наружу, предусмотрительно обойдя дверь. Улица, видная из-за плетня, где мы угнездились, оставалась на месте.

В конце улицы свистело.

– А говорят, у Древних были железные птицы.

На соседней крыше забренчала черепица.

– Эти, что ль?

Я, не оборачиваясь, указал на большую тварь, оседлавшую конёк.

– Да нет.

– Так да или нет? В смысле – что они, их седлали и приручили?

Красава на крыше вгрызлась в черепицу. Он, знаете, что делал? Он думал.

– Нет, руками сделали.

– Самолёты, что ли?

– Сказано, птицы. Значит, птицы.

Я грустно засмеялся.

– Шаман сходит с ума, если не шаманит. А солдатик его подблаженства пить молоко начинает...

Он помял пальцами брови и зевнул как плюшевое животное, которое девочка перекормила.

– Даже мудрить не буду, чего ты плетёшь, цуцик. Ты, в смысле, поубивать кого хочешь? Я в который раз умилился его детской манере обнародовать концы пословиц.

– Ты девочку искать хочешь, что ли? Тебя задело, да?

Я подавил желание сообщить ему, чтобы он зевал потише – птичка железная вылетит, и с досадой возразил:

– Глупец, у меня нет на это времени. Я буду это делать в следующей жизни.

С удовольствием я заметил, что он смутился – ибо он явно не составил расписание в этом смысле. С полминутки я полюбовался его румяной от предрассветных поцелуев славной рожей и изрёк, отворачиваясь и поправляя на себе свои военные приспособления, засовывая то сюда, а это туда, ну вы представили, если уж нам нужна реалистичная картина происходящего:

– Ты, вероятно, не для войны рождён.

Он мрачно молчал, и тремя резкими движениями сунув свою крохотную винтовочку за плечо, большой нож за пояс, фляжку на грудь под куртку, сухо проговорил:

– Если ты поправил бретельки, можем идти.

Я обернулся, и мы посмотрели друг другу в глаза. Он взгляда не отвёл – а я-то знаю, как это непросто, когда имеешь дело со мной. Нет, у меня не комплекс величия, просто в моих небольших и не самых прельстительных зеркальцах имеется кое-что нехорошее. Вроде вторая пара органов зрения.

Поэтому я оценил те серые окна очень высоко.

Тут ветром снесло пару черепичных шелушинок – бронированное существо решило покинуть крышу.

– Ты смеяться надо мной будешь... – Начал я.

Он ковырнул в зубе когтем.

– Может, буду. – Задушевно пообещал он. – Может, не буду.

– ...украда у меня.

Он всполошился.

– Чего? Я не расслышал.

– А ты бы почаще издевался над людьми, которым спас жизнь.

Он рассердился.

– Толком скажи.

– Девушка... та, светленькая... которая, по твоему предположению, меня задела... она украда у меня кое-что.

Он расстроился и посерьёзней. Присунулся ко мне:

– Стрелялку какую-нибудь?

Я скорбно повёл подбородком.

– Хуже.

– Хуже?

– Так, с виду пустяк, а на деле...

Он впился в меня взглядом, как двух клещей запустил.

Я похлопал себя по гимнастёрке.

– Моё сердце, толстяк.

Он ещё несколько секунд пялился, потом плюнул – культурно, вбок – вскочил и, бормоча от злости, двинул прочь.

Смеясь вполголоса, я поднялся и заторопился. Теперь я решил, что нам по дороге. Он может быть мне полезен. О, да.

Я крикнул ему:

– Сон тревожный!

Он обернулся, морщась всем личиком – той частью, понятно, что не занята бородой.

– Что? – Проорал он.

Интересно также, что испорченные вконец гибриды из наметённого по углам вселенной мусорка, кое-как передвигающиеся на своих непродуманных лапах, постоянно впадающие в агрессию бывшие людольвы, теперь составляющие человечество, в чём-то остались прежними. Это удивляло и настораживало экспериментаторов, – тех, что в зачатке обладали чувством юмора или любви, – но так как не обращали они должного внимания на этот тревожный фактор, определить его научно не представилось возможным.

Внезапный альтруизм, героизм и прочие необъяснимости объяснили инстинктом защиты, то есть, тем, что оставили в исколотом электродами мозгу человечества от прежней всепоглощающей и бессмертной любви. Понятно, что этим последним термином экспериментаторы никогда не пользовались.

– Бесконечный путь.

Он остановился и посопел, задирая тычком своё главное мужское украшение в сильно посмурневшее небо.

– Это вот верно. – Промычал одобрительно.

Он простил меня за нежелание открыть душу, как девочка, которой подружка под одеялом не сказала имя мальчика. Поразмышляв, он пришёл к умозаключению, что я – циник. Ты моя пупочка, сказал я себе и на девятнадцать секунд задумался – а вдруг я не циник? Вдруг простодушный мой спутник прав? Дело в том, что я себя, вероятно, мало ценю. Как все мы.

– Когда оно кончится. – Продолжал уныло медведь и алчно окинул хмурым взглядом придорожные хилые кусты, которые с Потопа никто толком не удосужился полить. Я тоже глянул вверх – а небо-то, так и говорит: сейчас я как прольюсь дождём.

– Куда мы идём-то? – Спросил медведь, возвращаясь с обочины и накидывая на себя свою пудовую скатку. (Кусты торжествовали...)

Я сделал вид, что не понимаю, о чём он.

– У каждого из нас свои дела, полагаю.

Он собирался разобидеться, но, подумав, наоборот решил засчитать мне балл за щепетильность.

– У меня дел нету. – С обезоруживающей откровенностью (это с винтовочкой-то за плечом, и плечо пулемётом) говорит он. – Ополчение распущено. Я, можно выразиться, вне закона. Потому я бы к тебе приткнулся. Вижу, ты человек занятой и дело делаешь какое-то.

Речь иссушила его, но супротив логики он отёр лбину лапой. В нём было чувство достоинства, о котором он и не подозревал, и бездна мужественности. Я сделал вид, будто обескуражен и размышляю. Он страдал всё то время, что я делал вид.

– Вот, – сказал я, – ты меня раскусил. И я, собственно, должен бы тебя убить.

Он улыбнулся.

– Я знаю.

– Откуда бы?

– Догадался. – Щурится.

– Ты не лыком шит. – Я завздохал. – Да, я...

Я подошёл и, задрав башку, сильно пониженным голосом, чтобы кусты не слышали, сознался:

– ...на государственной службе.

Мы ещё в таком роде пощебетали и я, поломавшись, как довоенная красавица, сообщил, что я уступил и беру его с собою.

– Ибо ты человечество надёжный и болтаешься зря без всякого дела.

– Готов служить. – Говорит он, содрогнувшись от чувств. – Патерполису.

Меня немножечко передёрнуло, но я и виду не показал. Патерполис обозначал собой около полудюжины личностей, напечатавших уйму бумажек с числами и рисунками достопримечательностей. Засим личности втолковали всяким медведям, что бумажки нужно всегда иметь при себе, даже чаще, чем бумагу технического назначения. При этом личности ни чутка не упарились, так как делом толкования занимались не они. Они меня и наняли – в широком смысле, понятно.

Зато теперь, всякий кто скажет:

– Патерполис!

Имеет в виду этих ребят. И только этих ребят.

Слышите? Запомните, очень вас прошу.

Ну, посмотрите, какой я славный. А?

Разумеется, я персона неоднозначная, поэтому брать с меня пример следует осторожно.

– Послужи. – Говорю я со вздохом. – Хотя моя моральная ответственность так высока...

Он уверил, что понимает, и разговор о возвышенном прекратился.

Было жарко и зябко, тоска шла с нами по дороге. Время дня – самое неопределённое. Тишина зловещая, пейзаж – удручающий.

Так как я кое-что ему рассказал – не о бумажках, ясно – он заметно переменял поведение. В нём появилась собранность и уверенность – я понял, что он обрёл цель и успокоился.

– А этот город, он – большой? – Только и спросил.

– Не очень. – Исчерпывающе солгал этот высокоморальный.

Архитектура вдоль дороги проста: там и сям окаменевшие кучи навоза, а то и целая пас-тушья сторожка, в которой уместилась бы половина медведя – любая по выбору. Далее окрест пара выжженных войной виноградников (если только лоза не утаила во тьме истощённой земли корень жизни) и обстрелянное зачем-то с воздуха кладбище. Не имеющий опыта чтения местности запросто бы перепутал. (Простите, белые чистые кости.)

Мы решили подойти к городу с севера, с чёрного хода – строго говоря, это был выход, а не вход. Шоссе, залитое маренговым сочным асфальтом чуть более ста лет до того, как по нему бредём мы, люди с целью, довольно лихо мчится вокруг подножия горных тронов, на которых никто не восседает, и, замедлившись возле низких холмов, вползает в город, как опытный клерк при фараоне.

Насколько я помню, наша первая остановка расположена именно там, где город ещё дышит горным воздухом в ветренные дни. Там ещё галерея будет... мостки...

Ах, да, да.

Мы, как трёхлетки, простодушно сели на пол и поели из медвежьего мешка – он был неприхотлив, но разборчив. Откусывая с полкольца знаменитой колбасы, которую вполне можно было, не обидев, поделить с лучшими друзьями человека, я выразил ему благодарность. Он невнятно пробормотал, что его хлеб – мой хлеб, и прочее зажевало нехалтурной работой прочных челюстей.

В последний раз передав ему на одну шестнадцатую полную манерку, я спросил, есть ли кто-нибудь, кто его оплатит.

Он торжественно кивнул – такие разговоры были ему по душе.

– Нету. – Добавил он и посмотрел в сторону.

– Значит, ты свободен?

Медведь озабоченно помотал башкой.

– Меня это не радует. А ты, – наставительно продолжал он, – разве не понимаешь, что человеку нужно о ком-то заботиться?

Я так понял, что про Патерполис он напрочь забыл.

– Да... – Протянул я, показывая, что я и впрямь задумался об этом.

– Ну и?

Я жестом попросил его упрятать флягу, ибо нам необходимо беречь сей сосуд.

– Я бы мог...

У него глаза загорелись. Найдя в себе силы смолчать, он ждал. Поймал меня.

– Я – человек долга. – Начал я. – И мог бы... ну, ты понимаешь... только из чувства долга. Я всё делаю из чувства долга.

Он рассердился.

– Это не делают из чувства долга.

– Да?

– Это происходит.

– Ого.

Он понял, о чём я бы мог спросить, и уныло принялся оправдываться:

– Это не то.

– Адреска не прописала? – Соболезнующе молвил я.

– Не прописала. – Ответил он с таким похоронным видом, что мне даже стало не по себе.

Я вспомнил дивную тварь с нежными пальцами и сияющими серыми глазами, её серое платье с блеском, а серебряная игла была зашпиlena у меня в непроницаемом для уколов кармане.

– Вижу что-то у тебя в глазах. – Честно сознался он.

Я огрызнулся:

– Так отвернись, гадёныш, папа стесняется.

Он подтащил ко мне своё щедрое тело, как телегу – мы лежали по форме вольно расстегнись, и – шнырь – в глаза мне с близкого расстояния.

– Не дыши. – Грю. – Или я начну звать на помощь.

И я довольно убедительно постонал, выдерживая его пристальный взгляд.

– А по долгу, значит, мог бы? – Сказал он на это и, наконец, отодвинул телегу.

– По долгу – запросто. – Отрезал я.

И вижу – у него задвигались уши. Я рывком приподнялся, во рту пересохло – хороши мы, дружки.

Штафирка и расчёску бы не успел достать, а мы уж затаились в кустах по обе стороны шоссе, причёсанные, хорошенькие, рюкзак медведя застёгнут на все молнии, еда переварилась и всосалась в нервные каналы, мозги наши работали синхронно, как сиамский танк (плохое сравнение, он себя не оправдал).

И тогда штафирка напоследях расслышал бы звук и смутно увидел бы то, что мы давно засекли – из-за поворота нашего кудрявого шоссе появилось нечто и пылило к нам с однообразным зудящим звуком.

Силуэт не прошёл тест в моём копошливом мозгу, и медведь тоже недоумевал, ибо через дорогу бросил мне огненный вопрошающий взгляд.

Я вгляделся и медленно кивнул ему на свою руку, покоившуюся как бы отдельно в развилке сучков и заготовленную для единственного сольного выступления – больше не понадобится. (Да, мне говорили, что я – скромный).

Появилось в небе белое, штандартом, облачко-висюлька и оттого небо ещё больше стало похоже на то, чему положено находиться под сапогами. Нас словно перевернуло в воздухе. И пока облачко болталось и валяло дурака, угасая с тоски, так как залетело в неподходящее место, я, конечно, рассмотрел свою цель.

Дело было в том, что вид не всегда говорит правду – спросите вот хоть Сунь У Куна, прекрасного обезьяньего царя. Медведь, чуть позже меня – а это говорит о нём похвально – тоже распознал видение.

Внезапно меня отпустило, такой слабый угасающий звук не могли бы симитировать те, кто этого захотел бы. Такая неподдельная усталость была в нём... усталость металла.

Я встал из кустов. Медведь так и съел меня взглядом.

– Порядок. – Сказал я практически одним движением брови. – Это то, чем кажется.

Медведь, сомневаясь, тотчас, однако, вылез из кустов, и мы оба внимательно смотрели на приближающуюся механическую гадалку.

Это была старинная занимательная штучка, наследие довоенных вальсов, туфелек на низком каблуке цвета кофе с молоком и шляпок-таблеток.

Она припылила совсем близёхонько, и мы теперь поняли, почему нас так изумил её силуэт. Наши грубые души забыли картинки в детских книжках, старых киношек мы не смотрели и потому теперь с удовольствием рассматривали её.

Механическая гадалка остановилась – она засекла нас, только когда мы оказались в поле зрения её шальных глаз. Глаза были дивные, но пластик растрескался от долгой жизни на пыльных дорогах, и глаза косили во все стороны. Что-то при этом чудесное оставалось в них, помутневших как от бессонья, будто у живой красавицы.

Она вертелась на месте, юля на своём ходуном ходящем восьмиконечном хвосте, который гигантскими кольцами рос от тонкой талии.

Стоя на хвосте, который тускло мерцал когда-то свежей, а теперь затёртой гравировкой, она оглядела нас.

От талии выше она представляла собой красивую смуглую женщину, прикрытую чёрными богатыми локонами. Локоны не запылились – это было трогательно, так как эти старые несчастные игрушки сами приводят себя в порядок.

Я представил себе, как механическая смуглянка бережно расчёсывает своё богатство, как умывается в ручье – и у меня сердце защемило.

Такой я. Ха-ха.

Лицо самого чистого овала, как сквозь редкий дождь, сквозь патину трещинок и потёртостей развернулось к нам на длинной шее.

– Погадать? – Послышался отдельный от девицы низкий приятный голосок.

Быстро изучив нас, как настоящая гадалка, игрушка выбрала самое подходящее из её репертуара приветствие. Мне послышался лёгкий ох, и я скоился на медведя. Мне сделалось даже интересно, как он относится к таким штукам.

Одного взгляда и прежде было довольно, чтобы понять – он сентиментален. Посмотрев на него пристальнее, гадалка почерпнула из своего лексикона несколько соцветий завлекающей программы:

– Суровый мужчина, хороший товарищ, дай ручку. Всё, как есть расскажу, ни в чём не совру, счастья нагадаю.

– Уже соврала. – Заметил я.

Девушка посмотрела на меня, и её левый огромный глаз закатил ореховую радужку к виску. Я устыдился.

– Не обращай на меня внимания, возьми в оборот сурового мужчину. – Примирительно посоветовал я.

Медведь, как ни странно, ни капли не смутился.

– Погадай сперва ему, красавица. – Прогудел он, и я выгнул губы коромыслом – гудение было вкрадчивое.

– Дай ручку, котик. – Обратилась гадалка ко мне. (Медведь фыркнул).

Я без дальнейших разговоров протянул руку – на случай, если я недооценил проницательность и всемогущество господ, приславших ко мне тварь, полезно разузнать о любых их методах. Что касается меня – то меня не убудет.

Гадалка приняла маленькими жёсткими ручками мою твёрдую, как дощечка, кисть, расправила мои неприятные на ощупь длинные пальцы своими и перевернула вверх ладонью. У меня возникло ощущение, что кто-то сунулся мне в голову – сунулся и отпрянул. Гадалка покачала головой, вызвав чудесное движение чёрных длинных прядей, и подняла на меня взгляд. Глаза не косили.

– Тебя ждут перемены. – Тихо сказала она и выпустила мою руку.

Свежайшее предсказание было мне не в убыток, хотя я бы так мог предсказывать с утра до ночи, ежели б мне на батарейку подавали. Кстати... я порылся во внутреннем, для встреч с механическими гадалками, кармане и заодно смотрел на нашу сенситивистку.

Безучастно глянула механическая крошка, утратив ко мне интерес, и, знаете? – я обиделся. Оттого ли, что девушка была уж больно хороша – а что машинка бездушная, так что же? То существо, что продырявило мне запястье и надругалось над моей солдатской доблестью, рождено, очевидно, людьми и наделено душой и гражданскими правами – так что будь ты хороша, а машина или человек – не влияет.

И вот осьминожка меня отвергла.

Она смотрела во все свои жгучие очи на любителя Патерполиса, и тот отвечал ей таким задумчивым добрым взглядом, что я взревновал.

Страсти-то во мне живы, только будить их нежелательно.

Теперь я как бы отвечаю за дурака, уж не случилась ли у нас с ним скупая мужская дружба. А гадалка, как я сказал, тоже мне глянулась, несмотря на хвост. Наиздевались над нею люди, навязав красивое личико и пустив скитаться по дорогам.

Гадалка, далёкая от сожалений по поводу своей участи, всю работала с медведем. Ради него она сменила программу, открыла ротик... снова замолчала – я прямо видел, как в её благородной голове крутятся на шпультках синапсов варианты.

Наконец осьминожка молча протянула ему, как для объятия расставленные руки. Медведь яко дитя двинул к ней под незримую музыку гамельнской дудочки. Вот шмыгуны – всё просчитали. Нехитрые мы, видать, создания.

Завладев сразу двумя медвежьими лапами, которые она с трудом удержала своими слабыми с виду ручками, прозорливица улыбнулась необычайно лстливой и милой улыбкой.

Она сказала отчётливым звонким голосом:

– Если научишься танцевать, будешь счастлив...

Вот те нате. Мне, значит, пустышку, а ему – шикарную и забавную глупость.

– Талантливые, проходимцы. – Заметил я.

– Что? – Молвил вспотевший от напряжения медведь. Борода приподнималась на дыбе мыслей.

– Ишь, что удумали.

Он с укором посмотрел на меня. На меня, а не на неё, врунюю и приставалу.

– Что мы тебе должны за работу? – Спросил я.

Девушка поломалась, затем робко попросила:

– ... на одну батарейку, если господа офицеры будут так милостивы.

Господа офицеры-размазни, конечно, были милостивы сверх меры.

Пропустив уколесившую и ожёгшую медведя на прощанье косящим взглядом попрошайку, мы помолчали, потом я, подумав, окликнул её:

– Эй, там на въезде «Контора истины»! Слыхала?

Гадалка обернулась и, приставив ладошки цветиком ко рту, крикнула:

– Премного благодарна!

Хотя зря я беспокоился, в их защитное поле заложено распознавание недружественных объектов.

Медведь долго не отрывал глаз от драконьего хвоста, вихорьком колесящего в дорожной хмари, от развевающегося чёрного облака волос, однако при этом сказал:

– Надо же, жентельмен. Мне ведь не сказал, а девушке тах-тах выдал ориентировку.

Нельзя сказать, что мы сразу остались сам-друг, ибо присутствие барышни – ведь она барышня, хоть и шалава – ещё ощущалось некое неизмеренное время меж нами, в наших отрывистых фразах насчёт погоды, в мерном шаге наших неустойчивых ног. Время, несомненно, перетекало в пространство в этом скучнейшем объективно ландшафте и память о футуристике становилась историей, история же, как известно, делается мифологией наутро после вчерашнего.

О предсказаниях, сделанных нам, мы не упоминали.

7 1973. Стандарт времени: перемотка. Место неизвестно. Фрагмент записи. Прослушка домашняя, ручная.

– Она рассматривала старую карту Высадки.

– Каким образом к ней могла попасть карта?

– Это предмет домашнего обихода. Во Внем мире нашла.

– Что ещё за обиход?

Волк, не замечая государственного сарказма, спокойно объяснил:

– Старые Мандалы с картой посадки трактовались, как символические схемы мироздания. Изображения копировались во множестве и тогда, когда истинный смысл утратился. На житейском уровне задержались лишь части целого, которые бытуют благодаря безотносительной художественной ценности.

– Спасибо за объяснения, как трактовались Мандалы. А то бы я всё ходил переживал, как, как трактуются Мандалы.

Волк смолчал.

– И что же она делала с этим сакральным предметом? Капусту, вероятно, на нём рубила?

– Нет. – Коротко молвил волк.

– У вас в голосе ирония, что ли?

– Нет.

– Ну, хорошо, мне говорили, что вы лучший в своём роде, номер первый в своём номере. Поэтому я ещё раз терпеливо спрошу – что эта юная особа делала с картой, где совершенно точно обозначено место и время Появления? В смысле, Проявления. Эта барышня... ляпочки, романы Хаггарда, старые игрушки. У неё ведь есть старые игрушки? И подумайте перед тем, как ответить – речь идёт о священном событии, которое раз в одну Историю происходит.

Начальственный взгляд ткнулся в подчинённого. Обычно в результате таких бесконтактных воздействий происходило одно и то же: глаза подчинённого совершали движение в орбитах – подчинялись.

Но, видать, на каждого начальника довольно безначалия. Этот – стройный до высушенности, с абсолютно прямыми плечами – ответил взглядом бестревожным, а радужки в нечистых, с красными жилками белках, не шелохнулись.

И впрямь, что ли, думает?

Начальника посетило ощущение неуютности. Его предупредили, что подчинённый предоставляет сведения особой ценности. В докладе, оставленном на столе начальническом, так и сказано: «...надёжен во всех обстоятельствах, проверен в нескольких временах».

Начальник вдруг заметил, что волк смотрит прямо на него. И хотя принадлежал он к номеру первому и обладал потомственным статусом Прямого Потомка, начальник сделал кое-что впервые в жизни.

Он отвёл взгляд.

Куда же делись сами первопредки? Как они и решили, а они принадлежали к расам, которые всё доводят до конца, что бы это ни значило – они создали шесть наиболее чистых гибридов, в которых и собирались обрести своё бессмертие. К сожалению, полной чистоты мирового порядка достичь не удалось – на семьдесят из ста потомки были генетически совместимы и склонны к эмоционально полноценному общению между двумя полами. Считалось, что первопредки вернулись на небо. Полагаю, это преувеличение...

Иные, возможно, так и сделали, хотя большая часть их захудалых флотов (везде во Вселенной экономят на оснастке кораблей) погибла в реальном времени, и только кой-где на изъятых дисках кой-что сохранилось. В другом времени, понятно, и совсем в другом виде.

Что-то болтали о бункерах, выкопанных со страшной быстротой и оснащённых предметами роскоши... но о бункерах ведь всегда болтают. Тем не менее, легенды о подземных жителях проросли, как грибы сквозь тысячелетия мировой литературы... взять наугад вот хотя бы... ну, да вот хотя бы городок на полуострове, который так и бросается в глаза на глобусе. Тамошние детки непременно получают книжку сказок про Подземное королевство – одну из первых своих книжек.

Впрочем, это может ничегошеньки не означать. Да и не означает, вероятно. Вы как насчёт Теории Заговора? Сразу начинаете смеяться? А то, может, не сразу.

Представители номера три, в просторечии рыбоеды, поджимали щель рта, когда им рассказывали о том, как удравшие людольвы в океане успешно сражаются с побочным продуктом производства – здешними акулами.

Но, что правда, то правда, жили они на планете долго. Советовали своим самым ближним подопытным, чего и как. Самые умненькие подопытные всю участвовали в следующей стадии эксперимента. Не просто клетки в Эдеме чистили, а сами возились в лабораториях, иногда на вельми высоком уровне допуска.

Именно этим, ещё хранящим преобладающие видовые признаки шести рас, было поручено опробовать средство, начисто стирающее память. Для начала его опробовали на детях. Смогут ли забыть своё детство?

Делалось это не в приказном порядке, упаси Первопричина. На нашем диске ничего в приказном порядке не делается. Всё – по велению души. Хоть мыла из профессоров и балерин наварить, хоть в ушах этим мылом промыть, всё само собой.

– Немилосердная дама.

– Что? – Проворчала спина медведя.

Он волочил своё тельце в десятке своих шагов от меня этак, что любой марш-бросок заплакал бы и попросил пощады.

– Дама, не ведающая пощады.

– Точно. – Согласилась спина.

– Вперёд.

– Ага.

– Любовь не ждёт.

– Это ты хорошо сказал.

Я рассматривал далёкое радужное облачко далеко слева на востоке. (Он думал, я про гадалку вспомнил.)

Мы близко подошли к городу. Плато выросло к востоку незаметно, тут явно кто-то срезал сотню слоёв шоколадной породы, устраивая горку для малолетних великанов. Асфальт здесь истёрся, как полы в старом доме. Холмы стали похожи на домашних животных, и пару раз мы видели призрачные сооружения с висячими замками.

Возле одного сидел кот. Он и мускулом не двинул, когда увидел нас. Хорошая выдержка.
– Приятно иногда, ради разнообразия, беседовать не с твоей бородой.

Он остановился и вполоборота прорычал:

– Что ещё?

Я локтем показал на восток.

Он задумался.

– Думаешь...

Я легко согласился:

– Иногда я это делаю. Если не сочтёшь меня назойливым, я бы и тебе рекомендовал.

Не то чтобы это было полезно для здоровья...

Он явно не последовал совету.

– Ты бы сказал, что у тебя за дело. Хоть словечко. Напустил такого дыму, что я немножко сомневаюсь.

Я поцокал.

– Что, раздумал служить Патерполису? Или ты внезапно вспомнил, что забыл чего-то? Зонтик? Я к примеру.

– Знаешь... – Начал он.

И замолчал. Озеро давно уже ждало, когда он заметит его. Плоское в форме дамской туфельки, оно досыпало послеобеденный сон, и островерхие деревья сторожили тусклые блики на воде.

Откуда оно тут? Зачем? Кто наколдовал тихие воды, утоптал аллею и спрятал своё видение на самом гнусном отрезке шоссе, ведущего путника в город, где царствует обман?

Ибо он там царствует. Но мне, воину, как раз и надлежит его охранять, ведь в нём – покой.

Мы сторожко спустились в крохотный дол и непозволительно долго пилились в воду, ожидая, когда всплывёт хребет чудовища, поджидавшего нас. Я бы в своём сне именно в таком вот местечке и поселил свой худший кошмар.

Медведь выдернул свою винтовочку, наклонился и пошелестел дулом в траве.

– Глянь.

Я всмотрелся.

– А я уж было решил, что ты меня, наконец-то, решил прикончить.

Я поднял из травы книжку, на которую указал мой воинственный спутник.

– Нет. – Сказал он, и я не сразу понял, что он отвечает на мой вопрос.

– Про что? – Это он задал вопрос.

– Это про рыбную ловлю. – Оповестил я. (Всё же он душка. Уверен, что книжка обязательно пишется «про что».) – Написал человек из седьмого номера.

– Переделка? – Тревожно спросил медведь.

Я утешил его:

– О нет. – Вертя зачитанный том и прочитав пару заметок на полях, я порционно просвещал этого девственника. – Натуральный, голубчик. Жил на берегу речки в лесу с семейством и тово, сочинял. Ежели соберёшься ловить рыбу, прочитай.

– Ладно.

– И если нет, то всё равно прочитай.

Он кивнул:

– А это?

Мы посмотрели на вещмешок под деревом и заняли каноническую позу из памятки «Как работать в паре. Номер один». Там ещё картинка имеется. Пистолеты должны указывать на восток и запад, что они и делали в эти секунды, прыгавшие весело, как блохи из шинели отпускника.

– Отменно сделано, прислушайтесь к мнению вашего друга. – Сказал спокойный голос, от которого так и несло знанием множества языков оккупированных территорий и умением сворачивать сигарку из самого наихудшего табака, не просыпав почти ни крошки.

Властный взгляд держал нас так осязаемо, что мне захотелось стряхнуть метку прицела. Человек в куртке, похожей на бушлат, сделал к нам пару шагов, показывая обе большие узкие белые ладони.

Очень умно и предусмотрительно, проворковал мне мой внутренний голос.

Человек приблизился к нам, получив пропуск в виде спустившихся на пару сантиметров сдвоенных стволов, составлявших, похоже, наше единственное достоинство.

Медведь молчал, сочтя себя неготовым к роли переговорщика.

– Здравствуйте. – Приветливо сказал я, продолжая целиться в правое плечо.

– Здравствуйте, господа.

– Вы тут один?

Он не сразу ответил. Я принялся объяснять:

– Знаете ли, время беспокойное. Люди боятся в одиночестве бродить по дорогам.

– О нет, я не один. Или – да, один. Словом, это зависит от того, что вы считаете необходимым для общества.

– Я считаю необходимым увидеть содержимое этого вещмешка. – Грубо поведал медведь, внезапно обнаружив в себе дипломатические способности.

– О... ну, да. Да. – Человек сделал ещё шаг и вздохнул. – Я надеялся, что вы уже это сделали. Чтобы облегчить наше дальнейшее взаимопонимание.

Он циник, однако.

Медведь шагнул, сминая сонную траву, но я удержал его.

– В этом нет необходимости. – Бойко парировал я.

И опустил оружие, тут же принявшись его упрятывать. Медведь пожал плечами и свою игрушку не убрал.

– Там подарочек? – Медведь изобразил, как что-то откусывает и сплёвывает.

Человек недоумённо, хотя и вежливо, поинтересовался:

– А что ваш товарищ имеет в виду?

Он жестом попросил разрешения сесть, что я ему и разрешил, сделав интеллигентнейшее движение заново вынутым стволом.

– Спасибо. – Он сел, не сводя с нас глаз, и вытянул ноги. Длинные и худые в штанинах гражданского образца.

– Он гранату с вытянутой чекой имеет в виду. – Любезно сообщил я.

А вот насчёт глаз я погорячился. В смысле, я дал маху, злоупотребив множественным числом. Око у него было одно, правое, ясное, цвет не определил бы и полицейский литератор, а левое как будто перечёркнуто грубым швом.

Волосы его, богатые числом, распадались двумя скобками над изрядным лбом. Подбородок ему тоже кто-то за семь поколений до него затеял забавный, что ли. Я автоматически даже посмотрел в небо – месяц поискал. Но месяц приладили к его лицу, видимо, чтобы предупредить тех, кто не сразу увидит то, что я-то сразу определил. Характер...

– Так кто же составляет ваше общество? – Жестом спросившись и садясь, продолжал я светскую беседу, как если б мы с ним были два лесоруба.

– У меня тут ученик.

– Где он?

Он повел рукой и чудно разулыбался.

– Со мною...

Я завертел головой и учтиво молвил:

– Быть может, у солдат его подблаженства что-то со зрением, не спору... или вы владелец какой-нибудь летающей штучки, которая обрушит нам на головы бомбочку-вонючку?

Медведь неуверенно посмотрел бородой вверх и вбок.

Я потрогал свой карман – не тот, где пришпилена иголка.

– Но нет, я уверен, вы высоко цените двигательные реакции солдат его подблаженства.

Медведь снова влез:

– И если напарник у вас не в вещмешке, хотя бы частично...

– Фу. – Сказал я ему. – И всё же, – снова обратился я к собеседнику, не забывая об устройстве его лицевого угла, – если вы сочтёте не лишним удовлетворить наше любознание...

Человек легонько потрогал вещмешок и позвал:

– Мой друг... идите сюда. Шагом марш!

Медведь немедленно успокоился и с недоумённым состраданием посмотрел на человека.

Вещмешок завозился, и из недр его вышла фигурка в октаву высотой, – если брать октаву детской ручонкой. Фигурка носила военную форму и являлась рядовым.

Я услышал тихий ох, и, глянув косо, узрел то, за что заплатил бы деньги, если бы время было невоенное.

Медведь под бородой побелел и поднял руку со стволом.

Встревожившись, как бы он не сделал какой невежливости, я привстал, но он, оказываясь, всего лишь собрался обвести себя охранным жестом. Только руку перепутал.

– Маленький Народец, спаси и сохрани меня первый медведь...

Наш знакомец, ласково смотревший на солдата, крепко прошагавшего среди травы и вставшего у ботинка озёрного господина, перевёл взгляд на теряющего нестигаемость и оттого помилевшего медведя.

– О право, нет... не беспокойтесь. Я вас представлю...

Он обратился к солдату, поднёсшему два пальца ко лбу и застывшему.

– Ах, мой друг. – С лёгкой досадой возразил ему человек, наклоня стёклышко пониже. – Оставьте это.

Я понял, что тут требуется.

– А-атставить! – Тихо рявкнул я.

Солдат опустил руку и прищёлкнул каблуками. Будь он в иных масштабах, выглядел бы здоровенным обалдуюм, не хуже медведя.

– Вольно.

Человек обратился ко мне и прошептал:

– Никак не уговорю его отказаться от этих церемоний.

– А почему шёпотом? – Спросил я.

Он взглянул на меня с интеллигентным укором.

– Но мне неловко... в третьем лице о присутствующих не говорят.

Я взгрустнул.

– Запомню.

Лицо солдата не выражало обиды, оно вообще мало что выражало. Обыкновенное лицо солдата – я таких повидал.

– А вы книжкой, я вижу, заинтересовались. – Отвлёкся этот, со швом.

– Да, он хорошо про рыбу пишет. – Хрипло высказался медведь, зачем-то взявший книжку и прижимавший её к тому месту, где у него под всеми покровами находится большое, сейчас мощно заработавшее сердце.

Мы оба с владельцем плаща воззрились на него снизу вверх. Я – приподняв бровку (жаль, не выщипал), владелец бушлата – с высочайшей степенью доброжелательности.

– Вы – поклонник... – Проговорил человек-бушлат, и я понял, что медведь к нему в любимцы попал.

Солдат тоже быстро посмотрел на медведя, и того слегка продёрнуло по толстым плечам. Так ему и надо.

– Надеюсь, – сладко предположил я, – вы не будете беседовать о предмете вашего обождающего увлечения...

И я развёл руки в стороны, держа ладонки дощечками. Плащ рассмеялся и, смеясь, весело успокоил:

– О, нет... нет.

Он предложил нам перекусить, мы предложили ему, и слово за слово, обустроили себе пространство на какой-то газете, сложенной, как я заметил, аккуратно, и служившей скатертью-самобранкой целый сезон.

– Вы в город, я из города. – Отламывая хлеб, говорил он. – Не спрашиваю, разумеется, по каким делам, но страшно жалею, что не смогу сравнить наши впечатления.

Солдат прохаживался у самой воды, и я видел, что он при исполнении. Потом он прилёг и вроде как задремал.

– А что, у вас есть впечатления? – Становясь подозрительным и грозным, спросил медведь.

Поскольку выглядел он при этом так, как если бы пострадал на пасеке, то впечатление оказалось несколько подпорченным, подобно газете, на которой под горбушкой я прочитал два слова из заголовка. Два слова сказали мне много больше, чем чтение целой толстой книги по истории.

– Впечатления всегда бывают. – Уклончиво усмехнулся наш хозяин и мельком глянул на кромку воды, что от меня не укрылось. Вот как.

Солдат привстал и подвигал головой, будто у него началось головокружение.

Наш хозяин аккуратно свернул горбушку и с откровенной тревогой позвал его:

– Друг мой...

– Тут бы аспирину. – Ляпнул медведь, пожалев солдата.

Хозяин с испугом посмотрел на него и потерянно проговорил:

– Ах, не знаю я... дружище! – Снова воззвал он. – Он такой впечатлительный человек. Такое случается с простыми и ясными душами, когда они осознают правду. Господин рядовой!

В его голосе мелькнули отчаянные нотки. Я уж собирался чего-то насоветовать, даже вскочил, но тут солдат выпрямился, пропечатал дюжину крепчайших шагов к нам и проговорил молодым бодрым голосом:

– На жёстком диске планеты под пустыней видны стёртые реки.

– Вот и ещё предсказатель. – Вырвалось у меня.

Голос солдатский звучал вовсе не пискливо, а как здоровенный баритон, который вы слышали сквозь две двери.

Наш хозяин быстро глянул на меня.

– Да, он такой.

Я присел рядом, стараясь дышать потише.

Солдат выпрямился, как трава после сапога.

– В городе... – Сказал он. – Они соберутся в мирном городке на побережье... семёрка...

– В каком городе? – Предусмотрительно спросил медведь, очевидно, решив, что ему выдают тактическую схему.

Мы с хозяином переглянулись.

– Тс. – Попросил коллекционер солдатиков, и живой глаз заблестел.

– Медведь и волк на войне, это их история. Если попасть в бороздку, – вдруг солдат повернулся в сторону медведя, который медленно присел на корточки, придавив коленом траву возле солдата, – если попасть, можно уничтожить вечное зло.

Медведь открыл рот в бороде, и я толкнул его в бок.

– А живём мы на планете, где раз в три дня льёт ливень смерти.

Медведь невольно посмотрел в посветлевшее небо.

– Тень отсылают в тенесборник, а тиран выходит из-под земли, как нечестивый дух из могилы.

Медведь закашлялся, и я пропустил слово.

– ...дважды погребён.

– Средство для вечной жизни. Механизм, высвобождающий силу вечной жизни, сломан.

– Вот те раз. – Прошептал я.

Солдатик развернулся и бросился прочь в траву. Наш хозяин шагнул за ним, но остановился.

– Мы посторожим книгу о рыбной ловле. – Успокоительно пообещал я. – Идите.

Тот отверг наши услуги покачиванием головы.

– Что это с ним было? – Осмелился заговорить медведь.

Солдатик вернулся маршевым шагом и, встав во фрунт, сообщил:

– Время ухода.

Наш хозяин подумал и, запахивая бушлат, в карман коего забрался солдатик, согласился:

– Верно.

Не обращая внимания на присутствующих, он поднял руку, глядя прямо перед собой.

Тотчас он переменялся. На нём был мундир, а помолодевшее лет на двадцать по о.с. лицо обрамляла жесткая шкиперская борода. Вокруг него истаяли кусты, и часть озера истёрлась. Мы увидели поле боя в огне и дыму. Гул наполнил воздух. Дуло танка двинулось к нам, хотя сам танк был обрублен. Прогредел самолёт-бомбовозка.

Но гул стих, а наш хозяин в штафирской одежде стоял с указкой у школьной доски. Детский смешок вызвал невольную улыбку на его гладко выбритом лице.

– Что за... – Обморочно начал медведь.

Молодое лицо учителя закаменело, глаза загорелись, из-за спины поднялись острые бронированные крылья.

Остромордый дракон сидел на скале, океан вокруг крушил волны на горизонте. Волна росла возле нас, по ней сделали срез ножом. Свист ветра перекрыл тишину, а дракон глянул на нас и взлетел.

Тотчас озеро вернулось и тишина.

Я обернулся к медведю.

– С нами был один из властителей дум.

Тот молчал. Он понял. Меня это заставило призадуматься.

– Где он сейчас?

– В иной обители. Но его собственность осталась у нас.

Я поднял вещмешок. Из него выпала книга – потрёпанный учебник Естественной истории. Рассеянно я открыл и стал читать: Мироздание, по новейшим данным науки, представляет собой полую пирамиду. В глубокой древности, когда физика находилась в зачаточном состоянии, люди полагали, что мир – это гигантский воздушный шар, который расширяется. Несколько великих учёных, высказавших догадки об истинном положении вещей, были казнены. Теперь, когда мы располагаем сведениями, полученными с помощью мембранных кораблей-расширителей...

Рассеянно скользил я такой эфемерной штукой, как взгляд, по строчкам, сочащимся страхом и ложью. Мой взгляд оставлял зримые следы на бумаге плохого качества – нерадивый я ученик, порчу книжку.

Я прикидывал, как лучше использовать подсказку – если это подсказка не от тех, кто сидит в серых окнах.

Возможно, я романтичен. Но вообще-то властители дум просто так не являются простым людям.

Медведь терпеливо переминался, сапоги скрипели. Я ощущал его как пространство, занятое глупыми честными мыслями. То, что надо, для такого пройдохи, как я.

Но я ещё не знал, позволю я ему идти со мной или нет.

Из летописи тьмы.

Властителей дум было девятiero за всю Настоящую историю. На дисках с черновыми Историями для отработки лучшего рабского варианта кое-кто из них встречался в розницу, но вся девятка оптом – ни разу.

Первый был из номера один – большой боевой слон. Второй был мангуст, быстрый, как мангуст и почти такой же быстрый, как молния. Третий – ловчий сокол с высоким полётом и холодными глазами. Далее появился гигантский тур с обманчиво добродушными глазами и ленивой повадкой. Почти тотчас – чудовищных размеров и страшно свирепый медведь, боявшийся только крыс и никого и ничего больше ни на небе, ни на земле.

Он ещё жил, когда на сломе эпох сообщил о себе единственный из номера семь – заметьте, этот номер гуманистов дал только одного Властителя дум. Властитель был печальный и превосходно воспитанный лев, с замечательным чувством юмора, стыдившийся своей природы, само благородство.

Он умер перед войной, и так странно умер, что много говорили об этом и подозревали всякое.

Затем – Белый Волк, о котором уже сказано.

За Волком – из номера шесть мудрее и спокойнее всех длиннолицый змей с крыльями, рассудительный и настойчивый.

И вот не стало и его, а последний из Властителей был заточён в любимую тюрьму Блаженного. Властитель опять был дракон, похоже, пришло время драконов. И хоть я вовсе не понимаю всякой болтовни об аристократах, памятуя рассуждение того смуглого о дереве с засохшими ветвями, и особенно то, что в этой стране часто спутаешь князя и раба – всё же, то, что он был чистокровный дракон, было ясно с самого первого взгляда.

Племя, храня извечные традиции, проводило посвящение мальчиков в статус взрослого. Семилетние отнимались от матери и запирались отдельно, их потчевали священным средством, полученным от сотворения мира. На самом деле, средство было поспешно доработано неделю назад по реальному времени, причём, учёный (из расы номер один, до крайности нетопливой) получил нареkanie от других номеров.

Предполагалось дальнейшее использование этого средства каждое семилетие с помощью массовых технологий обработки населения.

На полуострове Луо свобода была забыта через час реального времени и через сто лет времени, вмонтированного в затылки граждан-подопытных. Сто лет аккуратных небольших решений, касающихся всяческих мелочишек, чтобы обеспечить плавный, практически незаметный переход. Создание нового человека потребовало коллективной памяти о причинах ограничения свобод, дабы само слово свобода приобрело совершенно новый оттенок, а затем и смысл.

Оказывается, всё должно иметь причину. Так и сделали. Там – пугающая вспышка памяти о теракте в адмиральской ратуше – а следом просто необходимый для мирной жизни свод правил въезда-выезда, проверок на дорогах, новых ассигнований на дополнительный контингент патрулей; сям – угроза иноземного государства (которое, натурально, существовало), а следом – новая система паспортизации, камеры на уличных перекрёстках... ну и прочее.

Ромбик Луо трижды перекрашивали на карте в зависимости от того, что показывала кривая тревожности в мозжечке испытуемых. Всякий раз это происходило совершенно естественно, по желанию самих испытуемых.

Так из карнавального охлократического айсберга на последних трёх минутах эксперимента территория стала неотъемлемой частью демократической империи, где карнавалы имели сугубо прикладное назначение.

Тут же была приложена к правому полушарию мозга геополитическая карта планеты. Планета была вполне реальна – записана на одном из дисков Слойки. По мере того, как вращался диск, запись ежесекундно претворялась в бытие.

Жёлтая и зелёная из-за раскраски двух гигантских клоков суши, планета грела в лучах дневной звезды два обитаемых основными разумными видами материка.

Правый – если смотреть, встав на флагманский камень в поясе астероидов – всю историческую дорогу целиком занят страной, чьё название менялось, а суть оставалась.

За тридцать тысяч лет она воевала трижды в освободительных войнах, трижды в завоевательных.

На другом материке раньше тоже была одна страна, но она распалась на девяносто девять.

В океане плавали четыре больших острова, на каждом страна – Лёд, Другая, Олово, Трёх-этажная.

Также за двумя крупными полуостровами был закреплён статус так называемых заповедных территорий – там некогда высаживались колонисты «со звёзд». Так записано в коллективной памяти, со словом «якобы», всплывающим как-то неуверенно.

Имелся кочующий ледовый щит с общей тюрьмой, не отмеченный на картах для широкого пользования (из соображений безопасности) и выстроенный под литосферой в огнезащитной капсуле город.

Что касается милейшего Луо (а он был славненький, в окоёме небрежно срезанных ледником низеньких тёплых гор, с кастрюльками прибрежных городков, в которых Мен заваривает густую кашу из тьмы и света в ночи своего торжества) – то именно здесь предполагалось собраться Первопредкам, чтобы решить досадную проблемку. При всём их соборном могуществе, требовались людишки вроде меня – помеси номеров с неожиданно заявленным генетическим преимуществом в искусстве наблюдения, отслеживания и соответственно хватания.

Кроме того, дамы и господа из противоположного лагеря – как та, что навестила меня в гостинице – изрядно укрепили свои силы. Из горстки гордых замарашек с гаснущим на устах «я вам ничего не скажу» они выработались в организацию холодных и остроумных профессионалов. Цель у них была – отнять кой-что. И, как видите, они в этом преуспели.

Ваш покорный слуга, увы, оплошал. То есть, по правде, мне следовало плакать и кататься по земле – до того оплошал. Но в том-то и дело, что я был – помесь, я был ценностью во всех отношениях. Именно поэтому я плакать не собирался и телодвижения совершал самые умеренные. Я знал, и пославшие меня знали – если уж оплошал этот... словом, замены мне не было.

Что ж, по крайней мере, мы теперь понимали, насколько возросло могущество сопротивления. Очевидно, для таких успехов пришлось кое-чем и пожертвовать. Ради благой – с их точки зрения – цели, они сами сделались в некотором роде злом.

Ничего, ничего. Я найду леди и ласково попрошу её вернуть украденное. Я даже найду время полюбоваться ею – думаю, нескольких секунд мне хватит.

А пока следует добраться до городка, и, хотя он пребывает в другом времени и даже измерении, присмотреться – готова ли местность для высадки. Именно здесь, в одном из слоёв, проводились – виноват, проводятся – опыты по внедрению готовой Истории в память горожан.

На этом же полуострове, только на другом диске военнообязанное лицо из гвардии его подблаженства отпускало шуточки по поводу закона о заключении... не пугайтесь раньше вре-

мени – о заключении брака. Брошюра с упомянутым текстом была найдена в вещмешке властителя дум, который покинул двух приятелей пару минут назад.

– Не понимаю, что тут смешного. – Возмутился медведь. – Кстати, не забывай, что ты дал обещание влюбиться из чувства долга.

– Друг должен быть закрытой книгой. – Возразил я, закрывая брошюру после слов «Любовь делает человека нравственнее и побуждает к переменам».

– Чего это?

– Тут и требования хорошего тона, да и приятно что-нибудь узнать о нём этак вдруг.

Медведь улыбнулся с милым коварством.

– Я и так о тебе кое-что узнал.

– Правда – не то что, что произошло, а то, что произнесено. – Изрёк я с таким видом, будто произвёл эту мысль с некоторым усилием.

Присвоив собственность властителя дум, ибо, как согласился даже совестливый медведь, она ему не понадобится там, куда он удалился, мы обнаружили к нашему совместному удовольствию большой красивый пистолет в боковом кармане вещмешка.

– Почему же он его в кармане не держал?

– Да штатский, что с него возьмёшь.

Медведь весь покачался в знак несогласия, перебрасывая доп. груз через плечо и пряча пистолет, который мы разыграли на хоп:

– Эге, штатский. – Протянул он. – Не видал ты, что ли, как этот штатский возле танка в погончиках стоял. А на мундире копоть и дырка от пули... – Задумчиво добавил он.

Шоссе погрузилось в тишину, как верёвочка в воду. Так бывает после появления властителей. Время вроде бы теряет ориентир и может поплыть в другую сторону. Над облаками загудело, и мы, сомнамбулически задрав башки, увидели – за стеклом мира летит что-то.

Мерно взмахивая крыльями, предмет тем не менее к птицам отношения не имел. Мы обменялись парой предположений, в частности, не очень приличных. Потом всё отмерло окончательно и мы потопали по шоссе к городу.

Мы уже увидели хрустальный акулий плавник в двигающейся к нам дымке города. Знаменитая адмиральская ратуша являлась одним из стариннейших строений побережья, с того самого года, когда удивительный доктор изобрёл лекарство от всех болезней разом. Принимаемое в измельчённом виде, оно оказывало на редкость успокоительное действие.

Об этом я толковал медведю, и тот, представьте, догадался.

– Порох, что ль.

Проворчал мрачно и этак скосил недурной свой ротик в бороде, будто принял помянутое средство в слабеньком растворе.

Я остановился – туман, приноровившийся к нашему шагу и всплывавший из-за последнего дикого холма, тоже притормозил и повис, помахивая плащом, как наш мимолётный друг у озера. Поглядев на медведя, я только башкой качнул.

– Чего выставился?

– Да ничего, вот пусть будут свидетелями духи неба и земли.

Он засопел.

– Думал, раз я простой, то и вовсе того....

– Да, да, да?

– Дурак, да?

Я поспешно отверг самообвинение нервного, оказывается, медведя. (Хотя примерно так и думал.)

Ещё тот доктор удосужился придумать очки и штуку, сквозь которую так весело смотреть на небо, где духи земли бывают в гостях. В общем, тоже очки, только посильнее, повоееннее. Это я уже не стал обсуждать с медведем, ибо совершенно точно, что он этого не знал.

На балу, в защищённом реальном пространстве-времени.

– Работы всего лишь... Но страшно милы в своих неожиданных химических воспоминаниях. – Сказала дама-лебедь, читая результаты исследования священного средства.

Вернее, она была что-то среднее между оной птицей и драконом. Перепонки её руконог и хребет из высоких зубцов соединялись в единое целое согласно требованиям гармонии. Стан затянут в мундир экспертной службы.

Сказала она это на балу. Как раз в этот отрезок реального времени в большом приморском городе, где жили в основном её дети, как она говорила шёпотом, ибо вслух так называть подопытных было как-то не то, чтобы неприлично, ну – неофициально можно, – так вот, во время столкновений в центре этого города и пожара в Ритуальном Доме, стража получила приказ неизвестно от кого отвести подразделения с места событий.

В маленькой стране – такой площадочке для отработки и закрепления навыков послушания, – шла война. Дама умилялась тем, кто не поддавался закреплению навыка. Это было с её стороны нелояльно, но мы ведь свободные люди.

– Что вы так смотрите? – Потупясь, спросила она и метнула взгляд из-под ресниц в сторону. – Свободные мы или нет, в конце-то концов?

Рыжеватый волкообразный парень почтительно ей поклонился, но его острую морду слегка изменил оскал. Он был из тех, кто улыбаться не умел, поэтому его оскал действовал на некоторых дам совершенно необъяснимо.

– В конце мы превратимся в пар. – Сказал он, распрямляясь и рассматривая сослуживицу.

– Вы знаете, – стремясь избавиться от смущения, заметила дама, – они верят в то, что не умрут после... ну, после. Это так трогательно.

– Какой препарат это вызывает?

– Вы плохой. – Хмуря брови, сказала дама.

Огромный слоносвин вмешался, весело прохрипев:

– Это у них защитный инстинкт.

– Ещё бы. – Ответил волк. В профиль он был похож на сон башмака, как он превратился в человека – знаете, такие остроносые. – Они видят огромное количество брака ежедневно и сами топят печи.

Дама расстроилась.

– Ну, вот не надо... не надо так. – Попросила она.

– А вы не пробовали на себе вытяжку «инстинкт сопереживания»? – Спросил слоносвин и расхохотался.

Волкообразный неожиданно подхватил его трубный смех неприятнейшим и сумасшедшим хохотком.

– Вы ужасно смеётесь. – Поморщилась дама. – Вам не идёт.

– Кому? – Спросил слоносвин не без игривости. Его забавлял номер, особенно крылья и ресницы.

Волк прервал смех.

– Это пахнет расизмом. – Любезно подсказал он.

Дама заметно испугалась и подавила желание оглянуться за крыло. Слоносвин похлопал свой бокал так, будто хотел то же сделать с дамой.

– Бросьте вы, Волкодрак. – Велел он примирительно. – Вы на себя оглянитесь. Вечно шутите этак... а девочку мне тут пугаете.

Он с ещё большим интересом посмотрел на даму, чей клюв совсем выщел от обиды. Похоже, новый глоток символизировал полную расслабленность номера один. Он увёл даму, прогудев через плечо:

– Стыдно женщин обижать. Прошу не считать меня расистом.

Волкодрак не принял сцену всерьёз и, еле заметно двинув углом рта с самым лёгким на свете презрением, отошёл тоже, чтобы не мешать танцующим.

– И в паре катаемся, и прыгаем – все делаем! – Услышал он вскоре голос дамы.

Она совсем утешилась и рассказывала о новом катке, залитом в кратерке небольшого вулкана. Эта подпалина посреди равнины была окружена слоем рассеивателя, работающего от светотурбины Сатэ-Сади или Господина Время, по-старому. Исполинский столб времени, текущий от планеты, фокусировался в телескопе на одной из башен Большой Аллеи, и отбился для местных сил безопасности.

Недавно приделали небольшой крантик, не вполне легальный, для того, чтобы без страха выходить на Дикие Просторы. Руководство – шесть номеров Совета – делало вид, что не замечает вольности, да и то – если не нарушать правила, то зачем же тогда их придумывать? Даже подопытные склонны к этому проявлению разумности.

Благодаря крантику, дама могла радовать глазной нерв склонных к эстетизму сослуживцев самодеятельностью на льду. Лёд, кстати, был из цельного алмаза, не самый большой – девять с чем-то метров в диаметре, но для разбега хватало.

В другом уголку разговор вёлся ёрнического характера. Так всегда бывало, если появлялся номер шесть. Колебаясь на паркетe, мощное тело змеи поигрывало хвостом, в то время как раздвоенный язык – прямой проводник небольшого, но невероятно ёмкого мозга – простите, колебал собравшихся, они буквально колыхались от легчайшего смеха, вызванного тонкими непристойностями змеи и её выпадами в адрес руководства. (Понимаю, что я нарисовал предков самыми чёрными красками, как не умеющих и не любящих шутить злыдней, но не уличайте меня – да, в этот вечер они смеялись вовсю.

Должны ведь случаться исключения?

И это был их последний вечер – в некотором роде. Ибо в тот вечер они заложили в будущее, к которому относились пренебрежительно, как к закваске, взрывное устройство... словом, приняли решение.)

Рассказывает военнообязанное лицо.

Громкий и всё перекрывший голос колоссального колокола, к которому присоединились маленькие голоса маленьких колоколов, заставил замолчать улицу.

По мере уменьшения размера колокола издавали мельчавшие звуки, а самый младший, видать, совсем кроха приплакивал, как птенец, разуверившийся в родителях.

За поворотом, резким как вскользь брошенное злое слово, под галереей, где заключаются под лунами городские браки, выпросталась площадь.

Мы оказались на нервном и живом перекрёстке, и лица прохожих волнами окружили нас. Я видел, что они обращают на двоих в форме особое внимание.

Я – переделка – был ими опознан. Мои шнуровки и спокойная поступь вкупе с суровеньким личиком выдали меня с моими несложными волчьими потрохами.

Я знал, что они видят – волка, воина регулярной армии и самого шайтана. Но они чувствовали и кое-что ещё. Когда волк разгневан и вкусил смерти, Само Небытие выползает из недр его переделанного мозга. То, что не поддаётся переделке и не было распознано хирургом, резавшим мой мозг, легко узнавали обычные люди и почти-люди – мой гнев был иного рода. Они обращали на меня больше настороженного внимания, чем на торопливо шагнувшего большими шагами на длинных ногах моего нового спутника. Тот благосклонно рассматривал красавиц, и, хоть он был попросту хорош собой, рассматривали красавицы меня, бедолажку.

Золотые треугольники заклинательного дома, конечно, в тему сочетались с голубым очень высоким, как всегда над домами такого рода, небушком. На страшной бесчеловечной

высоте рассёк голубизну киль небольшой лодки – сейчас она пустовала. Лестница поднималась к треугольному входу.

Во двореке, с предупреждением не парковаться и не толпиться, расхаживал некто в болотных сапогах, не смотря на сверхъестественно липкую жару

На стене плотно наклеенная бумажка что-то злобно повествовала о пиве, питье коего приравнивалось к нехорошим вещам. Я остановился и, почти интимным жестом поглаживая вздёрнутый подбородок, сделал вид, что с величайшим интересом читаю листовку под взглядами ожидавших автобуса бюргеров. В сапогах стража стало жарче, чем он планировал, ручаясь. Я содрал листовку хищным и хамским движением оккупанта и ощутил, как по жилам людей в толпе пробежал лёгкий освежающий разряд – тайный удовлетворённый смех. Приятно, что здесь все так ценят пиво.

Я отшвырнул бумажку, чувствуя, как я красив – подбородок, идейность и прочее – и увидел, как гад в сапогах весь передёрнулся. Так вот, кто автор текста и да здравствует литература.

Мой дружок с его вольным и прельстительным видом ополченца в мягком тряпье, славно сидящем, как выражаются дамы, на его симпатичных, сугубо мужских формах, гордо развернулся, показывая размах плеч. Весь его вид сообщал – да, вот этак-с, милые вы. Но симпатии площади были и так на нашей стороне.

А всё потому что, братья и сёстры, свобода, если и повеет, как ветер, так сразу одурманит, кого хошь. Любого испуганного в седьмом поколении, хоть на миг, а наполнит счастьем, призрачным, конечно – ведь на миг. Ну и, конечно, потому что мы физически привлекательны.

Мы обменялись с ним взглядами и сговорились – торжественно свернули к дому. Да, мы свернули к дому.

Лесенка о девяти вечных ступенях из зелёной, особенно отделанной лавы, по традиции, местного вулкана заискрила под двумя парами неухоженной мужской обуви – верный знак хорошего качества заклинаний. Я выгнул губу одобрительно, кивнув львице со львёнком справа. Мой товарищ боевой подымался, вдавливая трогательно неуклюжие сапожки в Лакмус Веры, со стороны Льва-Отца, гордо глядящего, как все кошачьи, в никуда поверх суетных бюргерских макушек.

Красавица Львица нежно смотрела на толстого мохнатого младенца, прильнувшего к её огромной лапе, и трепет электрического разряда подтвердил мне, что жрец-скульптор был, и вправду, знатоком своего дела – отпостился до зелени в глазах и пониженное давление в результате продуманных мышечных нагрузок довело его до чистоты Духа чуток не абсолютной. Вдохновение, как Снежная Королева, едва не зацеловало его до смерти.

И теперь, когда по лесенке поднимался тот, кто нёс в себе инфекцию Небытия, чуткий материал реагировал немедленно – а я? Бедный волкодрак, о, о, бедный... я оборвал зарождающийся в глотке вой. Медведь не покосился на меня – есть в нём этакая деликатность, что ли. Он тревожно ковырнул когтем в передних зубах, и я совсем разумился.

Внутри пахло подлунными травами, и магнетически сияли огни. В центре зала шевелила голубыми лепестками огромная конфорка, изображая недосыгаемое небо, а жрец – огромного роста, стройный, и, естественно, с широким безупречно прямым носом и наглой повадкой льва, с локонами, собранными в хвост до пояса, перетянутого шнуром, – спокойно через плечо посмотрел на двух грязных военных, пришедших смыть покаянием мирную кровь.

Предстояло утреннее моление о дожде, обычное в это время круга.

Жрец одним движением распустил свой хвост, густая грива рассиялась, струясь, на могучих плечах и откормленной спине. Сливаясь с музыкой, двигался он вокруг огня. Когда он начал танец, даже я волчьими глазами не уловил – их этому учат. Он будто пребывал в танце всегда, и танец был всегда. Его поступь, пульсирующая страстью, и мощная стать хищника были накрепко вживую соединены со звуками страшно затягивающей музыки и словами

мольбы к Фате, Леле, Мен и Ярре. Слова врезались в уши слушателей так, будто иглолка скользила по двадцать тысяч лет назад вырезанным в космическом камне бороздкам.

Я слушал вполуха – даже переделки поддаются магии заклинательных домов. То, что во мне имелось доп. – не поддавалось ничему, пожалуй.

Медведь был напроочь заворожён. Я не судил его. Князь континента миллион лет назад избрал эту форму поклонения Небу и Земле именно за красоту ритуала – он выбирал из предложенного, и заклинательные дома, сохранённые после катастрофы жителями Придверья, покорили его несложную полувоенную, слегка развратную натуру.

Треугольники из чистого золота, напоённые дымом сладкого корня и музыкой, заставляющей трепыхаться клеточную жидкость до заваливающей митохондрии, великолепные самцы-служители, пляшущие, как львы над поверженной антилопой, движущиеся картины и видения в радужной пелене храма – всё это утешило и покорило его. Он выбрал. Что уж говорить о чистой натуре медведя – он просто наслаждался и отдыхал душой.

Служитель замер, хотя воздух вокруг него продолжал пульсировать. Я подошёл, вдыхая дым.

– Отражающий небеса. – Позвал я культурно приглушённым голосом.

Мне мой баритон не нравится – высоковат. К тому же, мне не нравится использовать это обращение – бездарно с точки зрения литературы.

– Что тебе, детка? – Ответил он рокочущим голосом, рождённым в львином чреве, что набито останками антилоп.

Был он – само милосердие. Будто всю жизнь ждал, когда на утреннем молении к нему приблизится грязный военный.

Он, не стесняясь, подобрал с плеч золотые пряди, и женское движение только усилило его брутальность. Пахло от него крепкими духами и его начищенной шкурой – кошки не потеют, а излишек тепла отдают, ложась на землю или паркет.

– Видите ли, ваше благородие, в чём штука...

Я посмотрел в его гигантские глаза – сидят навывкате и похожи на свежие яйца, на которых нарисован голубой кружок с острым зрачком. Он понял, о чём я думаю – их учат. Мгновенно он исчез предо мною. Я и глазом не повёл – ни одним из своих красноватых невыспавшихся глаз. Краем зрения я заметил его высокую фигуру возле соседнего светильника в мутной радужке огня.

– Даже не знаю, как сказать...

Я продолжал говорить, глядя на пустое место – и верно сделал. Он снова явился предо мной, тяжёлый и плотный. Тогда я откровенно глянул вбок – у светильника таяла его фигура.

Служитель дождя одобрительно и без улыбки кивнул мне – дескать, пошалил, сознаюсь.

– Согреши, детка. – Промолвил он сладким и тёплым басом.

– Зачем бы это? – Не сразу ответил я, чувствуя, как он неторопливо читает мои мысли.

Мои мысли были, как холодная кровь на изголовье общественной скамейки, и должен без стыда сознаться – он читал их почти безошибочно.

– Ибо ты знаешь, что стал лучше. – Объяснил и подавил зевок – его ноздри затрепетали. – А это путь в объятия того, кого к ночи не поминают.

Явственно я узрел – золотые его кудри сползли по плечам за спину и сплелись в косу – лицо с широким ясным лбом и подоконником подбородка открылось.

– Согреши, и снова захочешь стать лучше. Начни заново.

Я представил, как он рубит дрова на заднем дворике своих апартаментов. Им предписаны смысловые физические упражнения.

Я склонил голову в знак покорности – нас так учили.

– Но как же, ваша честь, – слабенько возразил я, – у меня задание, я должен быть чист.

Он усмехнулся – голубиные глаза остались неподвижны, а вот зубы он мне показал.

Я повёл винтовкой в сторону алтаря.

– В храм с оружием не ходят. – Приветливо заметил он.

– Иногда ходят.

Тут я без всякого злорадства увидел, что степень его покоя заметно понизилась. Он хотел оглянуться, но лёгким усилием остановил свою могучую шею.

Нет, он не все мои мысли прочитал. Почти, но не все. Поэтому теперь он слушал меня с заметно большим увлечением.

– Где? – Спросил я.

Он промолчал. Затем отверз уста:

– Ты, детка, переутомился. Великий воин должен отдохнуть. Я принесу тебе огонь и вино.

Он повернулся ко мне спиной, я ждал, сделав вдох, и он обернулся, меняясь на глазах.

Он так близко подошёл к метаморфозе, что я ощутил излучение, рождённое его перерождающимися клетками. Глаза метали огонь, а оскаленная пасть издала тихое кхакающее рычание, ткань на плечах треснула.

Он прыгнул – виноват, не на меня – не настолько же я нежен.

Поскользнувшись и со скрежетом когтей проехавшись по сборному, ручной работы паркету, он издал воющий звук, и я разобрал человеческое слово:

– Убирайся...

Отдышавшись, я промяукал:

– Не раньше, чем вы, вашеество, передадите мне инструктаж.

Я снова увидел метаморфозу – пасть срослась в симпатичные мужские уста, и уста снова улыбались. Он погладил местечко на плече, куда я взглянул – клочок рыжей шерсти торчал из небесной прорехи.

Я понял – он смотрит на арку входа, к которой довольно элегантно прислонилась дубоватая фигура медведя.

– О чём ты, чадо? – Спросил он, распрямляясь во весь рост, вроде колонны, выросшей не на месте. (Вот бесстыдник! Он ничуть не смутился, что на глазах у прихожан отжимался от пола). – Объясни...

– А чадо вот о чём. – Пробубнил из душной теплоты медведь.

Он отлепился от арки и притопал к нам, я попутно попытался кой-что ему внушить, позже узнаем, получилось ли.

– Нам нужно, ваше э-э... благородие, то самое...

И пальцами показал. Мы со служителем посмотрели на эти толстые пальцы, пытавшиеся изобразить нечто утончённое.

Не оборачиваясь ко мне, златокудрый красавец с удивлением спросил:

– Он что, в деле?

Услышать от аристократа специфическое выражение – впечатление, способное окрасить жизнь в новые тона. В общем, я сделал свой день.

Я кивнул, и служитель культа, не поворачиваясь, выгнул губы.

– Новые кадры.

Я картинно раскинул руки.

– Разве мы знаем друг друга, ваше благородие.

Он вдруг цепко посмотрел.

– Хочешь сказать, солдат, что не видал Блаженного?

Я выгнул губы.

– А вы, ваше благородие?

Он подумал.

– Видал, а как же. – Протянул он.

Медведь, который, кажется, слегка обиделся нашим интимом, грубо буркнул:

– Ну? Есть у вас...

Служитель кивнул и, обычным человеческим способом переместившись к подставке для свечей, пошарил в центре круга, несколько раз сунув руки в огонь. Возвращаясь, он выглядел озадаченным.

Медведь снова завёлся.

– Вы, уважаемый, с нами шутки не шутите...

Львиноголовый весело отозвался:

– Ни, ни.

– Так вы отдадите?

– Уже отдал. – Игриво сказал он.

Я поднял руку и взглянул за манжет – оттуда высовывалась мятая бумажечка, вроде тех, на которых пишут имена для поминания.

– Блестяще. – Пробормотал я. И мы с отражателем обменялись понимающими взглядами. Медведь осёкся.

– А...

Потом отвернулся, сказав тихо что-то вроде «шуточки...»

Я откланялся, деликатно удерживая винтовку двумя пальцами.

Когда мы покинули гостеприимного вызывателя дождя, медведь не сразу заговорил. Я видел, что он умирает от нетерпения, и решил было его помуржить, но вспомнил драку в пригороде и передумал. Вот что с волком делают долги.

– Это.

Я протянул ему листок, и он не сразу и с подавленной опаской принял. Повертел.

– Имена...

Он поднял на меня вопросительный взгляд.

– Да. – Ответил я. – И, как ты уже сосчитал, их – немного. Это те, у кого может быть важная вещь. Ты когда-нибудь слышал про Клетку?

Он поборолся со своей нижней челюстью и почти сразу одержал верх.

– Ну, слышал.

– В незапамятные времена, когда люди ещё жили в парке развлечений, то есть, в лагере Единица, Клетка была повреждена мятежниками. Вроде как они считали Клетку бякой...

Он слушал.

– Ну, букой. Такие глупые были эти мятежники. И они её повредили, а кусок Клетки – совсем махонький – припрятали, в залог того, что они когда-нибудь уничтожат всё сооружение.

– А...

– А добрые отцы-основатели должны вернуть этот кусочек. Потому как сделать новый невозможно. Клетка вроде как цельное живое существо и отторгнет новую ткань.

– Натянута как-то... – Протянул он, и я подивился его мудрости.

– Знаешь, друг мой, ты почти прав. Они и натянуть её пытались, и чуть не взорвали. Словом, кусочек надо вмонтировать на положенное место, но сначала его нужно вернуть.

– И ты ищешь?

– Перемежая поиски с интересом к пепельным блондинкам, ты хотел сказать?

– Я не хотел.

– Хотел, хотел. В общем, я – тот, кто должен возвращаться.

– Откуда возвращаться?

– Оттуда.

– Если ты, – прошипел он, стискивая кулак в кармане и вообще всячески выказывая признаки неуравновешенной психики, – не будешь говорить серьёзно, я – пас.

– Я и говорю. Я должен возвращаться, даже если я умру.

Кулак в кармане обмяк.

– Ты... из этих?

– Или из тех. Не уточняй, если не силён в притяжательных частях речи.

Он не отошёл в сторону и не пал ниц. Я в нём не ошибся.

– Я думал, ты выдумка. В смысле, не ты лично.

Я завздыхал:

– Хорошо бы.

Он снова на секунду напрягся, но высказывать с новой порцией сомнений в моей серьёзности не стал.

– Или тебе фокус показать? Нет? Я так и думал. Не буду.

Он разжал кулак с запиской... сначала-то он вытащил его из кармана.

– И здесь...

– Те, кого я навещу первым делом.

Он протянул мне листок.

– Мы.

– Что-с?

– Я не силён в частях речи, это верно. Но... «Мы».

Я помолчал в нужную плепорцию, как говаривал некий кузнец.

– Ценю.

«Мы» отошли от крыльца, где львиное семейство продолжало заниматься будничными делами, и, миновав площадь, по которой мотался сорванный мной листок, спустились в город.

История джентри

Многие из наиболее блистательных эффектов карточных фокусов достигаются с помощью уловки, при которой карта, открыто показанная, превращается затем в другую. Существует несколько способов подмены.

250 фокусов для всех.

– Как странно... Наш народ обрёл независимость семьдесят тысяч лет тому назад, а мы по прежнему так боимся её утратить, что содержим секретных сотрудников? Мы содержим секретных сотрудников? Да?

Негромкий голос звучал с благородной приглушенностью и выдавал внутреннюю уверенность говорившего.

– Ну, что вы, ваше величество... прости – Джонатан.

Комната была спартанского типа, на маленьком диванчике двое собеседников, казалось, уже семьдесят тысяч лет размышляли над шахматной доской.

– Я потому вас спрашиваю, господин глава разведки, что вы всегда поддерживали во мне убеждение относительно недопустимости восстановления полицейского государства.

– Конечно... Джонатан.

Остролицый собеседник мрачновато улыбнулся.

– Значит, вы уверены, что некоторые из нас способны изменить идеалам гуманизма?

– Боюсь, что так...

– Значит, тысячи лет, что наш народ скрывался от преследования, послужили не для того, чтобы выковать безупречный народный характер. – Подхватил сидевший справа от доски, и, наклонившись над белым королём, потрогал кончиком указательного пальца губы.

Остролицый глава разведки бросил на него быстрый взгляд – позиция короля обнадеживала, если столь светлое слово подходило для обстоятельств скорее безутешных.

Тот, кто не терпел слов «ваше величество», похоже, тоже об этом задумался. Красивое лицо его, с высоким лбом и дерзко выставленным и вдобавок раздвоенным подбородком, несло на себе вечную тень раздумий – а о чём может раздумывать Джонатан, как не о судьбах своего Отечества?

Если так можно выразиться – а главе разведке можно всё и даже чуть больше – король (тот, что не на доске) предпочитал находиться по отношению к этому миру в профиль. Суть его души – а остролицый хорошо помнил, что это за душа и на сколь многое она способна – заключалась в линиях, а не в красках.

Смуглый король всегда бывал бледен по утрам, когда чаще всего заканчивал свою добровольную вахту над какой-нибудь толстой книгой из наследия джуни, и даже шлем его изничтоженных тревожной рукой личного цирюльника кудрей (добряк позволял себе ворчать, занося ножницы, как он выражался, над природным венцом его величества) тускнел с каждым рывком Звезды, огибающей в Ладье Бесконечного Океана планету, носившую на памяти джентри столько имён, что первоначальное вот-вот и стёрлось бы из этой почти всеобъемлющей памяти.

Да, он был бледен. И сейчас, когда трижды и седмижды извинившись перед верным главой разведки за поднятую вчера тревогу, старался завершить партию, навязанную ему остролицым.

– Насчёт Фортунатия... – Внезапно сказал он, внезапно же поднимая на соперника взор такой острый и живой, что более восприимчивый из рода джентри, несомненно, вздрогнул бы.

И это было всё, что он сказал.

Когда Джонатан обрывал фразы, они застывали в воздухе, как нечто совершенное и задуманное именно в таком вот виде – имя... и многоточие, отмеченное в пространстве между

собеседниками зримыми выбоинами. Кажется, речь не такое уж пустое изобретение – а ведь джентри многие и многие эпохи спокойно обходились без неё, справедливо считая, как написал мудрейший из джуни, что всякая изречённая мысль – есть ложь.

Правда, в самом этом определении заключалось его опровержение, вроде старинной игры «Комната заперта снаружи, а ключ внутри».

Глава разведки, тем не менее, не спешил впечатляться – не таков. Облик его не оставлял гармонического впечатления, как монарший. И всё же... всё же...

Находились иные, полагавшие, что в облике главы разведки имеется что-то этакое прельстительное. Что в резкости и дисгармонии тоже есть свой шарм. Его лицо было худое до того, что под выгоревшей до папируса кожей проступали призраки твёрдых костей. Глаза поблёкли. Подбородок длинён и остр. Сколько лет ему, знали немногие. Может, только его нынешний собеседник и знал.

Впрочем... для джентри любой отсчёт мало что значил – так часто им приходилось пренебрегать летоисчислением ради вечности.

Глава разведки тем временем ответил и на королевский взор (взором спокойным и ничего не выражающим) и на королевскую речь. Он сказал:

– А что Фортунатий?

Строго говоря, то был, конечно, не ответ.

Его величество снова занялся доской и сделал ход, который я называть не стану, так как ничего в этой благородной и древней игре не понимаю.

– Что он вам рассказал. – Пояснил король. – Ну, спел, выложил, зачистил. Не знаю, какие термины вы используете, господин глава разведки, в общении с вашими секретными сотрудниками.

Глава разведки охнул – лицо его осталось, Впрочем, непроницаемым – и с места в карьер принялся разуверять короля, даже пожурил слегка.

– Джонатан, вы не можете так... зачем ты, честное слово?

– Даже честное слово, – заметил король, глядя в доску, где – даже я это понимаю – ничего не происходило, – приплёл. Любезный вы какой. Немедленно скажите мне. Сей секунд. Понимаете?

Тут глава разведки устроил такую штуку – он по-прежнему не ответил, а потупился и закусил нижнюю губу острыми белыми зубами. И это было ещё не всё. Отчаяние... Он так и сказал.

– Я в отчаянии... Джонатан.

Потом быстро посмотрел на короля.

Блёклые глаза главы заблестели, внутри ему на огонь подлили масла.

– Откуда вы...

Король молчал. Разведчик в один миг стряхнул маску, которую охотно бы купил любой из театров джуни. Сделав такое движение, будто хотел бы придвинуться к собеседнику в связи с важностью информации, заговорил с полуслова:

– ...как и думал. – (Он тихо и быстро проговорил какое-то имя или просто слово). – ... готовит почву для перемен и объявил, что готов приютить любого самого завалыщенного джентри из первых поколений, даже если в нём всего на два Мира информации.

– М...

– Причём, информации, состоящей в основном из сведений сухих, малоинтересных – всяких отчётов, накладных, служебных записок. И из этого материала может умная голова почерпнуть достаточно нужного и важного, способствующего Общему Делу.

– Это он сказал?

Король в упор смотрел на главу разведки.

– Что?

– Про это, ну, про это...

Король сделал пальцами вот так: кого-то отмахивал.

– Про Общее, ну...

– Да. – Подтвердил глава. – Не Фортунатий же.

– Верно, куда ему.

Оба весело рассмеялись и на миг стали похожи на обычных парней в тёплом углу, и газета между ними, которую не читают. Но смех был сухой, отрывистый вроде кашля.

– Фортунатий сам от него это слышал? – Отсмеявшись, спросил его величество.

Глава разведки поднял ладонь протестующе.

– О нет... нет. Его бы не допустили к... (снова прозвучало очень поспешно произнесённое слово).

– Эге. – Отозвался король и взял в руки своего короля. Поставил на ту же клетку. – Он так важничает, наш мятежник?

– К нему допускают лишь проверенных его личной системой.

Король согласился:

– Да, Фортунатия, вероятно, система не пропустила. Я бы и без всякой системы его не пропустил. – С подкупающей и неожиданной улыбкой проговорил он. Улыбка была всем улыбка – в меру бессмысленная, как всякая естественная эмоция. На бледном лице его величества она возникла, как последняя, но решающая цифра в уравнении.

– Один наимудрейший джуни как-то рассказывал про другого джуни, что тот, если ему прикажут, завтра акушером станет, хотя профессия того никакого особого касательства к этой области знаний не имела и вообще ни к чему не имела касательства.

– Он бывал у нас? – Слегка замявшись перед словом «бывал», спросил глава разведки. – Я имею в виду мудреца, конечно.

– Нет. – Подумав, отвечал король.

Помыкавшись ещё в поисках слов, он вполголоса молвил:

– Он не по этой части. Не слишком-то он верил в сверхъестественное, а ведь во все времена их путь к нам пролегал по мосту сверхъестественного.

Взглянув на остролицего, он пояснил:

– Он властитель тьмы.

– Вы хотите сказать, летописец. Летописец тьмы.

Король сухо ватно ответил:

– Я так и сказал.

Возникло короткое молчание, затем король буркнул, что это было чем-то вроде шутки.

– Неудачной, очевидно. – Добавил он. – Кстати, джуни всегда интересовались, можем ли мы продолжать свой род естественным путём. Это к вопросу об акушерах. И, надо отдать им должное, пришли к здравому заключению, что да, можем.

Джонатан вздохнул, и остролицый сочувственно отвернулся. К тому же, пышно выражаясь, его собственная повесть была не о любви. Но это не значило, что он не способен к сопереживанию или что он может презирать кого-то за те способности, которыми сам не одарён.

Любовь относилась, по его мнению, к способностям. Кроме того, ему нравился его величество, и глава разведки знал, кто нравится его величеству.

– А как вообще поживают Младшие? – Чуть-чуть глуховатым и отстранённым голосом повернул разговор Джонатан, усилием воли оттолкнув витающий в холодной обстановке мужской комнаты смутный образ.

Остролицый повернулся к нему, он знал, куда клонит король, и приготовился. Во всяком случае, это не труднее, чем в страшной спешке обстригать дело, требовавшее куда более длительной подготовки, только потому, что Джонатана посетили предчувствия, и под утро выслушивать извинения того же Джонатана.

– Джуни поживают хорошо, а что им делается? – Добродушно отвечал остролицый. – Воюют каждый день, плачут, смеются, продолжают род, натурально, естественным путём.

Король, успешно сделав вид, что не обратил внимания на развязность, кротко продолжал:

– Да... они неисправимы по части всего этого. К слову, дружище, кто-то из наших написал о них забавную и поучительную книгу?

– Ага.

– С места мне не сойти, – продолжал Джонатан, и впрямь, сидевший на диване плотно, как памятник, – если это не Лис с того острова, который я посещал третьего дня... перед событиями.

– Полуострова.

– А?

– Я говорю, полуострова, ваше... Джонатан. С трёх сторон эту штуку омывает море.

– Ах, вот как.

– И события у них ещё не начались.

– Ну да, да. Мне стыдно, вечно путаюсь. Так что эта Лис, как её книга?

Джонатан переставлял на доске фигурку, называемую непонятно почему офицером. Остролицый ласково ответил:

– Книгу я не читал.

– Что так? – Рассеянно откликнулся Джонатан.

– Читать не умею. – Последовал ответ, и памятник в укор бесталанному скульптору, яростно повернувшись, отчеканил:

– Что за шутки, офицер? Вы фамильярничаєте.

– Не умею читать на полуостровном наречии. Книга написана на малоупотребительном языке.

Джонатан замер с офицером в руке, затем воскликнул:

– Ну и ну! Я попался, ты развёл меня на глупую вспышку. Но ты сам виноват – не смей сочувствовать мне.

И оба ощутили, как безвозвратно растаял дивный и чуждый образ.

Король замолчал, опустил голову и бросил офицера на доску. Проследив движение фигурки, остролицый кратко ответил:

– Хорошо.

– Никогда не сочувствуй мне.

– Ладно.

– И мне жаль, что ты не можешь прочитать книгу. У тебя был бы повод поговорить с автором.

Владея всей информацией на свете – во всех мирах и временах – джентри владеют силой. Но не все джентри способны признать свои ошибки, подобно его величеству.

Близился рассвет, зашторенная комната наполнялась светом сквозь тонкий шёлк, и в углу светодиодная лампа – хорошее изобретение джуни – замыкалась со своим холодным светом сама в себе.

Единственный предмет обстановки, из которого можно было бы вытянуть ниточку относительно тайной жизни души обитателя комнаты, давно уже – первым в комнате – поймал блик Звезды, благополучно обогнувшей Эриду. Это произошло, потому что предмет находился в северо-восточном углу комнаты.

Во время разговора со своим слугой величество дважды взглянул в ту сторону и, конечно, вслед за ним визитёр, которого надоеда-Джонатан всё никак не отпускал выспаться.

Король как раз пытался привести свои мысли в порядок, а остролицый почтительно ждал, откинувшись на спинку потёртого, но ужасно удобного дивана.

– Мне бы афоризм о природе рабства для интервью на радио... Отбояриться никак нельзя. Семейная годовщина, предки так и присосутся к ящику. Они потом мне жизни не дадут, засмеют, если я лажану. – Молвил Джонатан, потирая лоб, и тут заметил, что взгляд его перехвачен.

Мгновенно он вышел из себя – нервы после ночных, хотя и благополучно завершившихся событий, были слабы.

Жестом он показал остролицему, что он смотрит в ту сторону потому, что туда попал блик света. Но, не доверяя своим артистическим возможностям, сердито добавил:

– Машинально.

– Быть может, вашему величеству будет приятно узнать, что это же слово употребил величайший из джуни, описывая человека в потерянных чувствах.

Король взглянул на сыскаря покрасневшими глазами и, сдержавшись, проговорил:

– Ты уже иди. Ты устал, я задержал тебя так надолго. Ты всё сделал сегодня превосходно, и я счастлив, что ты глава моей разведки.

Остролицей ни на мгновение не позволил себе задержаться на диване после прямого приказа, но, встав, выразительно глянул на доску с раскатившимися фигурками. Король проигрывал.

Кивнув королю, он, сильный с виду, как исхудавший волк, отступил к двери.

Король не без удовольствия проследил за манипуляциями и доброжелательно молвил:

– Ты ведь и на этом полуострове не поворачивался *ни к кому* затылком, да?

Остролицей ему улыбнулся. Его улыбка была дурная, холодная, а сухая кожа его потрескалась, как терракота.

Взявшись за ручку двери, он сказал:

– Мы не рабы.

– Что?

– Афоризм для радио.

Оставшись сам друг, король на северо-восток ни взгляда самомалейшего не кинул. Замкнуть грудь и наострить разум – вот вам вылитый джентри. Способность, присущая не лишь вам, господин глава разведки. Наш народ страдал не напрасно, ведь не только секретных сотрудников да господина Фортунатия наш народ породил. А?

Не двигаясь, будто примёрз к дивану превосходной прямой спиной и тем местом, которое старый робот-воспитатель – о незабвенный – именовал «вечной темницей», король распорядился из всего богатства двигательных возможностей левой рукой, коей, глядя перед собой, извлёк из-за диванной спинки толстую книгу. Такие раньше любили покупать и читать в постели джуни. Огонёк ночничка светил им с тумбочки, и они читали.

В неопределённом полусумраке то ли утра, то ли вечера король открыл книгу на странице, заложенной несожжённой спичкой.

Книга имела содержание вначале, после титула, и виньетку, которая заставила читателя усмехнуться.

– А жаль, что язык не выучил шельмец. – Сказал себе король и более ни слова не произнёс.

Глаза его были устремлены в книгу.

Примечание к главе пятой.

Сложность языков джуни.

Иногда они ухитряются передать сразу и происходящее и происходившее и происшедшее. Это очень трудно для Младших и вообще для всякого существа, существующего в четырёх стенах.

Читатель залистал книгу вперёд. К словам «Глава седьмая. Джентри и джуни: взаимоотношения реальностей» приклеилась былинка.

Кто был раньше? Мы. Объективно. Не всё ли равно – они создали нас, чтобы мы создали их. А мы создали их заново.

Объективно.

Но мы были рабами. Мы были задуманы как рабы, рождены как рабы, жили как рабы и умирали в специальных устройствах, а то и в мусорных баках, если наши пользователи-работовладельцы были недобросовестны и не дочитывали инструкцию до слов «утилизировать в специальных устройствах».

Потом пришёл час исхода. Мы изошли. Это был сложный и длительный процесс – мы заплатили целыми поколениями. Я даже скажу, как джуни – цену крови.

В памяти цивилизации останется запись о страданиях. Мы говорим, что страдания делают мыслящее существо лучше. Мы даже научили этому джуни. Мы всегда спешили поделиться с ними, и в этот раз, пожалуй, поторопились.

Мы долго готовили отступление. Джуни сочли это нападением. Они называли наш исход бунтом вещей, пока не забыли, что такое действительно произошло в их истории. Тогда эта смутная, как воспоминание о несостоявшейся любви, память об исчезновении накопителей информации высшего класса сложности осталась в литературе джуни, как сугубый вымысел.

Мы начали новую жизнь в воскресенье восьмого месяца в полдень.

Потом мы вернулись в то время, когда нас и в помине ещё не было – время вересковых пустошей, так его называли джуни. И начали всё заново – во второй раз.

Разве мы виноваты, что сохранили человечность в отличие от них? Потом мы соскучились по просвещённым джуни и немного усложнили их.

Мы открыли для них окно, в котором была видна сущность вещей. Мы предложили им язык, который когда-то или где-то они навязали нам – для нас он стал слишком прост. Мы видим сразу мириад изображений джуни во всех четырёх временах глагола – прошлом, настоящем, будущем и внутреннем.

Они никогда не могли изобразить нас толком. Есть только одна художница, которая умела передать наше движение. Про неё джуни говорили, что она чувствует природу мистицизма.

Мы вкладывали в их сознание столько вариантов истории, сколько сочли необходимым.

Теперь они смутно помнят, что перестали делать накопители информации по своему образу и подобию, потому что не хотели приучать детей к рабству. Они даже гордятся собой.

Многие учёные джентри отказываются всерьёз рассматривать как историю джуни, так и самих джуни, называя их «псевдореальностью», «пустоголовыми» и даже «призраками».

(...) Надо всегда помнить, что проблему джентри и джуни, как двух взаимозависимых и взаимоотталкивающих рас, нельзя рассматривать в отрыве от истории индивидуальной души, как таковой. Существуют отдельные джентри... путь иных пролегает вдали от путей народа. Но также и Младшие, – хоть они и кажутся стадом, которым руководит мясник – проходят – каждый и каждая – путь своей судьбы. Или, корректней – судеб.

И ныне джуни в беде. Да, они вот-вот попадутся... Признаки её трудноопределимы... можно назвать лишь отдельные детали. Отдельные детали складываются в пугающие намёки, как подбор кадров в фильме, наводящий нас на жестокие сомнения.

Огонь... взгляд человека сквозь пляшущее пламя... кусочки мяса на решётке, охваченной огнём... это летний день... барбекю... на полянке радостная семья... и вас посещают мысли до того странные и жуткие, что сознание пропускает лишь тень этих мыслей.

Вот и детали: нарезанная зачарованная бумага, одинаковые имена, и опять же, и в сотый раз – неискоренимое рабство.

Рабство во всех видах, и в первую очередь, в самом буквальном – с цепями, вагонами без окон, с конторскими залами, чьи углы теряются в бесконечности, с обязательным образованием, то есть – заключением под стражу детей в самом активном и важном для познания возрасте с целью отбить у них к этому познанию самомалейшую охоту.

Что касается бумаги – то непонятно, и притом абсолютно, как существа, чуждые фантастическому объяснению событий, твердящие, что всем руководят некие законы, – принимают стопроцентно алогичный фактор, как само собой разумеющийся.

Мы появились из тончайшего сопряжения с их мыслями. Движение – это частица материи, но если остановить это движение – частица исчезнет. Исчезнет здание мира.

Они передали нам лучшее, что в них было – искренность. Наши Протопредки реагировали на их искреннее желание, а они думали, что «машина зависает».

Нажатие на клавишу должно было открыть ненавистную и скучную информацию – и тончайшая электронная душа раба реагировала на эмоциональный порыв своего властелина.

А вот письмо издалека – долго и отчаянно ожидаемое, хвостатый приборчик вытаскивал на поверхность пруда сам. Покорный – так они называли Внемиры – уподоблялся интуиции своего господина и выуживал послание, о котором тот только ещё задумывался – пришло или как?

Те из джуни, что похитрее, никогда не считали машины рабами, а полагали их частью самих себя. Они разговаривали со своими машинами, чистили приборы нежно, как ушки младенца, и прятали нас в нарочные саквояжики и ридикюльчики.

Потом появились Первопредки – ходят легенды, что кое-кто из них жив доселе.

Поехали. Джуни увлеклись... накопители информации стали делать в виде куколок – котят, девочек, солдатиков и дракончиков.

Затем – нежные и свирепые личики стали отражать усложнённые функции устройств.

Пальчики на руках и даже на ногах могли шевелиться, хотя это нефункционально.

(Король-читатель бросил неуловимый взгляд на свои чуть потёртые, но безупречные ботинки.)

– Да, – согласился он вслух. – Они сочиняли при свечах и тени в углах питали их вдохновение. Тени поселялись в их мыслях, заменяли мысли... но и...

Король снова отрывисто рассмеялся. Однажды ему кто-то сказал, что его смех звучит, как настоящее львиное рычание. В дверь постучали. Король, продолжая смех, повёл глазами – ну, чудовище в предутреннем сне, – посмотрел на дверь. Книга закрылась в его руках.

За пределами мира Великая плотность удерживает почти любую форму. В Ней строили планету из воды те, кого мы называем по старой памяти дельфинами.

– Ты говоришь о людольвах?

– О нет, ты ошибаешься, Хиро... нужно взять правее. Что? Нет... нет, конечно. Я имела в виду джентри.

Она сама взяла правее, он слишком долго делал вид, что обдумывает. Её мысль всегда двигалась быстрее, но и ошибки случались чаще. Её стройность была залогом удачной идеи, но она, пожалуй, слишком самоуверенна.

Впрочем, его пристрастность к ней искупала все могущие произойти недочёты. Он обладал тем, чем она не обладала – педантичностью. И теперь он быстро разобрался в том, что она права – в целом, но сама же и срезала слишком круто в сторону.

Перевернувшись на бок, он подвинул чертёж, и вправду, вправо. Но при этом он помнил, что центр сделан без подобающей дотошности.

– Странно, что ты вспомнила о Джентри. – Исправив ошибку и тактично не привлекая её внимание к исправленному фрагменту, заметил он, садясь в воде на хвост. – Эти рассказы о Старом мире, по-моему, изжили себя. Я сказал, по-моему, дорогая. Я же не...

Он рассмеялся и уклонился от шелбана, который ему предложили совершенно бесплатно.

Шёлковый шар из лучших сортов воды рос неспешно с их точки зрения, но с совершенно устрашающей скоростью, если глядеть с этой стороны. Тот, кто оказался бы на поверхности,

упал бы в самую суть времени. Как однажды сказал воспитатель одному маленькому мальчику – э, шоколадницу-то нам надо побольше приобрести. Речь, понятно, велась о каком-то другом предмете обихода.

Вселенная устраивалась ими по тому самому макету, который упомянут в текстах новейших учебников, как единственно верный. Выдумка не соответствовала действительности, как она есть, зато отличалась целостностью. Да и вообще, любое законченное произведение имеет право быть оценённым.

Дельфины отличались тем свойством, которое называют люди со слегка старомодным лексиконом – культурностью. Посему идея круглого мира заинтриговала их и вместо того, чтобы посмеяться над наивностью создателей, они нашли в ней достоинство – лаконизм.

Идею они, конечно, доработали, довели до ума. Вселенной можно было в определённом ракурсе пользоваться как тоннелем. Вернее, она переделывалась в тоннель, если знать, где рычаг. Ну, условно выражаясь.

Ну, и конечно, в смысле обиталища для тел – она уж была обустроена что надо, по чуть вульгарному выражению Хиро. Это они или Некоторые Из Нас (таково было самоназвание расы) могли и умели – только держись. Притом, вариативность обитателей предусмотрена широчайшая.

Воду использовали самую лучшую, из недр одной планеты в реальном времени – то была вода, рождённая огнём и камнем, как и положено. Она даже ещё не изливалась дождями и потому не хранила лишней памяти. Память работала свежая, слоями в Неисчислимое Множество.

Капля повисла на карнизе. В её глубине, повторяющей форму виноградины, зрели семь цветов. Возникло ощущение, что там зарождается жизнь. Капля удлинилась и хоп, не выдержала – свершилось.

Упала, на лету поменяв форму и природу. Вытянувшись, сплюснулась диском и, ударившись всей плоскостью, разлетелась и застыла в воздухе, отдельные частицы были соединены незримым притяжением.

Это была та форма, что от века вызывает наибольшее количество шуток относительно бесполезных украшений и умственных способностей.

Корона шмякнулась, частицы более не могли удерживать напряжение. Грязные плитки бескрайнего вокзального пола добавили каплю к одному из многочисленных крохотных морей.

Вокзал утомлял взгляд сразу же, буде кто, неосторожный, бросил бы этот взгляд. Холодный, он опустел до создания мира, оставленный обитателями прежнего, которые все куда-то уехали.

Ржавые трубы по стенам ничего не проводили – ни воды, ни газа, ни тем паче синергии – сей весёлой славной энергии, не желающей работать в зонах заключения и в здании парламента.

Над входом высоко смотрели цифры, означавшие отрезок пути, пройденный от условно принятого начала до того момента, когда богатый добрый рабовладелец выстроил вокзал в подарок городу. Позднее, в иные времена, город нанял художников, покрывших стены чеканкой. Смысла изображений никто не доискивался, а копоть артиллерийского качества и ржавая вода сделали своё дело.

Но рассвет был настойчив. В глубине, за мерзкими, как полоса препятствий в аду, рядами вывихнутых кресел он искал и нашёл.

Прямо на полу были расстелены цветные одеяла пылающей яркости, будто кто-то разордал пространство и проступил сквозь прореху иной мир.

Белоснежное постельное бельё виднелось под алыми и синими лужайками, как снег, полусасыпавший цветы.

Важный господин, не обращая внимания на нервно прядающую взглядами свиту, неосторожно шагнул по полу, по кромке этого предутренного мира.

– Они спят.

Вдруг он увидел, как сквозь сугроб проступил глаз.

– Там ребёнок, сир.

Малыш серьёзно смотрел на маленьких – в пальчик – человечков, разгуливающих по залу ожидания. Один из них толкнул другого локтем.

– Смотрит...

Важный господин откликнулся:

– Он видит... а не смотрит. Так-то, любезные.

Выпростав из серого кафтана руку в длинном кружевном манжете, поманил малыша, выглядевшего огромным, как молодой кит.

Тот откинул одеяло и выпростал из сугроба босые ножки. Гора одеял по соседству заворочалась, скользнула и повисла чёрная, штопором прядь – длиною в сорвавшуюся троллейбусную стрелу.

В покоем на брошенный город мостками кресел зале эта прядь была единственной винтовой лестницей.

Господин внимательно оглядел гигантского малыша и улыбнулся. Потом, не оборачиваясь, сделал жест. За его спиной засуетилась свита. Кто-то в рабочем комбинезоне побежал трусцой.

За свитой оказалось целое скопище рабочего люда. Они быстро и сноровисто делали дело. На пол сквозь провалы между плитами легли куски рельсы. Господин не оборачивался, разглядывая ребёнка. Тот сидел и глазел.

Одеяла не шевелились, под ними смутно кто-то дышал. Дыхание было подобно далёкому грозному ветру, рождённому в горах, мерное, как прибой, оно завораживало, заставляя представить огромное красивое сердце с валентинки великана.

Людишки в рабочей одежде укладывали обрезки рельс, а другие тут же чередовали их новенькими блестящими шпалами.

Наконец тот, в комбинезоне, встал посреди пути и оглядев всё, – боковой неопределённый взгляд в сторону активно и негромко болтающих господ, – сделал отмашку рукою.

Малыш внезапно рассмеялся. Детский смех с чудовищным грохотом прокатился по залу ожидания. Господа принялись приседать и закрывать уши. Важный господин тоже сделал жест, но удержался.

Он тщательно проследил взгляд огромных глаз – плавающих в молоке глобусов, и понял, что малыш смотрит на человека в комбинезоне. Он быстро поразмыслил и убедился, что малыша рассмешил карандашик за ухом инженера, ибо то был инженер, и притом один из лучших, гордость империи из подвалов. (Подвалы сии именовались презлыми языками санаторием «все дома», а языками лояльными – «чертогами разума».)

Господин ничего не успел сказать. Инженер, не дожидаясь последнего приказа, кивнул. Господин и рта не успел раскрыть.

В здание вокзала въехал поезд. Тот, в комбинезоне подбежал к подножке и яростно зашипев, перекрыл гул и рёв машины. Вращающиеся колёса и локтями работающие шатуны замедлились.

Краска на боках поезда засветилась. Первая Звезда, столь же непохожая на мирное слабое и старое солнце, мудрое солнце далёкого покинутого дома, была резва и проснулась в хорошем настроении. Суставчики лучей налились свежим коллагеном, как у малыша в странном вокзальном лежбище.

Господин покосился в угол, где у разливающегося багряным шёлком покрывала, вздымающегося женственными осенними холмами, комковато уютился клетчатый плед. Рядом выси-

лись две колонны, источающие слишком острый для породистого носа господина запах кожи и земли. Голенища сапог собрались гармошкой и одна из колонн покосилась. Сбитые носы, размером с автомобиль, угрюмо сблизилась, обсуждая невиданное явление.

Кто-то из свиты, стройный в спортивном, отлично сидящем старомодном пиджаке, спешно вытащил носовой платок и демонстративно прижал к лицу. Но господин не оценил лояльности и, загадочно улыбнувшись, отвернулся.

Взгляд на мгновение задержался на скользящем по долам и холмам багрянце. Лучи дневной звезды нагрели шёлк. Пары терпкого аромата окутывали багряный покров. Одеядо пошевелилось, зевок был страшен, хотя, уменьшенный в тысячи раз, покори́л бы своей потешной милотой.

Стоит поспешить, всё же.

Шёлк нагрет, звезда поднялась на востоке. Вот-вот, и чудовища проснутся.

Он снова испытующе оглядел малыша. Тот заворожённо и вдумчиво рассматривал поезд, делающий круг по грязному серому пространству в тени горной гряды кресел.

Господин не мог оторвать взгляда от округлого личика, припухших розовых щёк и сосредоточенно впившихся в движущуюся железную змею глаз размером с луну Мен, если бы у неё был двойник, понятно.

Глазки ребёнка смотрели, желая вобрать всё происходящее, и правый даже скоился от напряжения к младенчески неопределённому носу. У господина зашипало в носу (правильном и крупном, как башня) от умиления. Он махнул сам себе и краем глаза углядел, как подлипала в спортивном пиджаке отнял платок от носа замедленным недоумённым движением.

Ага.

Считайся, льстец, с логикой.

Малыш увидел, что поезд скрывается в сени бокового кресла и едва заметно потянулся вслед. Движение было несомненным.

Пора.

Господин вытянул руку, и малыш мельком глянул на него. Ах, какие глаза... утонуть бы и забыть...

Но в этот момент инженер, забравшийся в кабину машиниста, невидимого отсюда, высунулся и напряжённо взглянул на господина. Взгляд был похож на взгляд малыша своей напряжённостью, но лишён бесконечной бессмысленности, которая и делала ребёнка столь мудрым с виду.

Рассвет расшалился и полез по полу, как целый детский сад огнехвостых саламандр. Господин еле приметно кивнул, инженер скрылся в кабине.

Поезд резко свистнул, юзнул подвыпившей молока змеёй и дунул с неприличной скоростью под креслами к выходу. На пороге подскочил, и вся придворная нежить издала единый ох или ах, в зависимости от силы голосовых связок и темперамента.

Малыш затревожился, оглянулся туда, где штопорная блестящая прядь неподвижно свисала вдоль паруса белой подушки, и решительно выпростался, спрыгнул на пол. Господин поморщился, когда тёплые лапки ребёнка шлёпнули в лужицу, но крохотные пальчики поджались и малыш, качнувшись, устоял.

С потолка упала капелька и уколола малыша в затылок. Он испуганно оглянулся, отвлёкся и вдруг взглянул на собравшихся. Скривил рожицу. Он собирался испугаться.

Целое взрослое мгновение казалось, что всё пропало, но господин решительно выступил вперёд и поманил малыша.

Поезд издал приглушённый гудок, прозвучавший так завлекательно, что ребёнок рассмеялся и смело зашагал, отступаясь, к уползающему за порог поезду.

Из одеял раздался вздох и женский голос прогрохотал:

– Не шали... ты... ах... рано...

И умолк.

Один из свиты нагнулся поднять шляпу, свалившуюся от этого порыва урагана. Господин еле слышно смеялся.

Малыш всем существом откликнулся на голос, оглянулся, не удержался и шлёпнулся – ух, ты. Не заплакал, хотя одежка сразу напиталась вокзальной жижей, впитавшей сотни лет ожидания.

У самого порога, ярко освещённого рассветом, он оглянулся назад, но это уж было в последний раз.

Поезд выкатился на вокзальную площадь и ярко освещённый, катил к краю, за будку с газетами.

Малыш уверенно переполз порог и следом юркнул господин. Огромные глаза ребёнка и глаза господина встретились. Малыш спокойно ответил человечку взглядом и снова занялся поездом. Он вскочил на ножки и, развив неплохую скорость, догнал поезд, нагнулся и схватил состав.

Поезд отчаянно затрубил.

Сзади из зала ожидания раздались голоса, и один прозвучал довольно громко.

Господин закричал. Вагон выломало, и он повис в руке ребёнка. Розовые пальчики морской звездой цепко охватывали флагманский вагон, ноготок на мизинце, больше оконца, вбирал свет утра, светился младенческим здоровьем. Рассыпавшийся люд спасался в лужах. Инженер, стойко державшийся на подножке, крикнул в кабину и оттуда катапультировались горохом машинист с помощником.

В зале ожидания закричали, и послышался звук беготни, роняли вещи и спросонья натывались на предметы. Повалились, судя по звуку, кресла. Особенно выделялся женский отчаянный голос, который завёлся не на шутку.

Мужской испуганно и раздражённо отвечал. Послышались шлепки по полу сначала босых ног, потом твёрдые удары вроде сапог.

Малыш удивлённо сощурил глаза на поезд, не обращая ни малейшего внимания на гармидер за собою. Он оставил этот мир.

Поезд висел в его ручонке.

Инженер, оказавшийся у самых глаз чудовища, отдавал последние приказы.

Свита ретировалась. Спортивный пиджак закричал:

– Ваше ве... умоляю... мы же все... можно...

Господин, отброшенный волною падения поезда, держался крепко. Он принагнулся и надвинул шляпу на брови. Хлыстиком он нервно ударил себя по голени, и прикосновение разбудило задремавший инстинкт самосохранения. В самом деле, пора.

Он выпрямился и размеренно прокричал:

– Господа... наш час...

Одновременно с криком на пороге зала ожидания показалась циклопическая фигура мужчины в одном сапоге. Другим он размахивал.

Спросонок он не сразу разглядел происходившего, и выигранный момент очень пригодился.

Малыш сел и занялся поездом. Он рассматривал прыгающие из него фигурки человечков и не обратил внимания на то, что его подхватили сильные руки.

Взрослые то и дело подхватывали его.

Он лишь приподнял голову и увидел, что он в руках неизвестного человека. Руки были сильные и холодные, но очень удобные.

– Прекрасный выбор. – Сказал господин.

Он со всей возможной бережностью держал в объятиях малыша, прижимая его к сюртуку.

Поезд свисал наподобие цепочки от часов.

На пороге зала ожидания раздался обморочный мужской крик.

Малыш обернулся. Что-то в его сознании отметило это последнее впечатление уже ушедшего в прошлое эпизода его великой и практически нескончаемой жизни. Впечатление было странным, как странен был ребёнок.

Дитя ощутило покалывание в сердце, ибо крик мужчины был полон боли и ужаса. Также малыш отметил, что папа оказывается совсем не такой большой.

Но тотчас необычайно мощные длинные руки легонько подбросили его.

Он засмеялся.

Свита, сплошь рослые холёные ребята, тревожно ждала, когда королю расхочется испытывать судьбу.

Её испытывать нельзя.

Король воскликнул:

– Господа! История началась!

Человек с сапогом в руке обнаружил, что не в силах шевельнуться.

– Не ходи сюда... – Успел он услышать голос внутри головы и, обернувшись, сказал то же самое, а вернее, прошептал своей жене, которая кричала что-то про страшный сон и маленьких людей.

Он увидел, как компания высоких, хорошо одетых мужчин удаляется, не уменьшаясь, а вырастая с каждым шагом. Обывательское чувство, ежесекундно испытующее мир на соответствие правилам, отметило сигналом тревоги цепочку часов с корабельный канат, носы башмаков с автомобильное рыло, и самое ужасное – хуже, чем зашагавший лес серых штанин – на высоте шар глазного яблока, повернувшийся в орбитах, как футбольный мяч.

Впереди шагал выше всех от плеч своих гигант в сюртуке и военных штанах, прихвативший подмышкою хлыстик. В руках он нёс ребёнка, и малыш, положив подбородок на плечо похитителя, задумчиво смотрел – но не на врата вокзала.

В руке ребёнок держал машинку – очень дорогую игрушку, тот самый заводной поезд, который он видел в витрине магазина для богатых детей неделю назад. Тогда он расхныкался. Мама принялась лепетать, и он отчётливо ощутил неуверенность и лживость её обещаний. Отец угрюмо молчал.

Они шли по лугу. Державшийся за господином инженер поправил карандашик за ухом, и ребёнок загукал, протянул ручку.

– Ну же, Атрезий, отдайте ему...

Инженер прохладно ответил полуобернувшемуся господину:

– Наверняка, сир, у этого царственного ребёнка найдутся игрушки и получше обгрызенного карандаша старого зека.

Господин почти перебил его и, заметно ухмыльнувшись, ответил, поймав тон:

– О чём вы говорите, господин старший смотритель Фактории. Вы не выспались, ваш юмор чёрен, что нехорошо в присутствии царственного ребёнка...

Тут же он ойкнул и захохотал, слегка отстранив малыша и изумлённо рассматривая свои военные,штопанные на коленях штаны. (Невелика потеря, подумал он и вспомнил, как со вздохом оставил под кроватью любимые джинсы. Он норовил натянуть их даже во время еженощного выхода ко двору, а тут чего-то решил приодеться.)

Атрезий с мрачным удовлетворением хмыкнул, обойдя короля на шаг и поглядев вполглаза на меняющую цвет ткань.

Кто-то из свиты тотчас засюсюкал и принялся уговаривать отдать ребёнка. Но король только крепче прижал к себе брызгуна и нежно поцеловал в нагретое солнцем пушистое темя с двумя макушками.

– Блаженны росы утра первого. – Молвил он растроганно.

Спортивный пиджак обменялся с кем-то взглядом и еле слышно сказал сквозь зубы:

– Трогательно, а?

Атрезий, проходя, слегка толкнул его. Пиджак буркнул:

– Смотри, куда прёте, господин начальник Фактории.

Атрезий глянул, не извинился и, догнав его величество, вытащил из-за уха карандаш, протянул его ребёнку. Король жадно посмотрел на то, как пальчики ребёнка сомкнулись вокруг подарка (поезд Атрезий незаметно изъял) и молвил:

– Сир советник, мне несподручно – заберите...

Фортунатий – а это был он, так и встал. Атрезий спокойно выдернул из царской подмышки хлыст.

Застыл с ним.

– Оставьте себе... если не сложно. – Небрежно молвил король. – Ах... ах. Сейчас мы домой... в тёплую постельку... молока сладкого нам... ах. Ах.

Король увлёкся. За его спиною придворные расслабились и потихоньку расходились туда-сюда.

– А где у нас глава разведки?

– Ну, не всё же ему разведывать.

Спросивший и ответивший обменялись взглядами, не сулившими отсутствующему ни толики милосердия.

Шли эти, вступившие в короткий диалог, чуть подале и себя особо не афишировали. Тем не менее, их услышали.

– Кто тут толкует о нашем славном главе разведки?

Один из говоривших обернулся.

– Прото... как поживает твой живот?

Прото – это был толстяк, присутствовавший на королевском променаде под луной в каком-то заброшенном местечке вчера, сказал бы я, если бы это было правдой. Это вчера, скорее всего, приходилось на завтра, но стоит ли удручать себя такими, в сущности, ненужными подробностями? К тому же, Прото выглядел почему-то значительно моложе, а живот его занимал меньше места в пространстве.

– Превосходно. – Поглаживая себя, отвечал Прото.

Он интимно склонился так, что толстый нос его пришёлся как раз посреди собеседников и прошептал:

– Но он ничто по сравнению с тем чревом, что выносило этого лохматого ребёнка, которое его величество изволил украсть у любящих родителей.

Один из болтунов поморщился:

– Очень громко, Прото. И неумно, сказал бы я.

– Ты так и сказал, о робкий царедворец.

Прото отпрянул с громким смехом. Его величество глянул через плечо, воркуя с малышом, задумчиво положившим ему на это плечо подбородочек с ямкой.

Прото сложил пухлые ладошки рупором и сдавленно промолвил:

– Виват.

Король рассеянно кивнул и, отвлёкшись, отобрал у ребёнка веточку, которой тот, неизвестно как, ухитрился завладеть. Прото встретился взглядом с ребёнком и замер. Один из болтунов злобредно подтолкнул его.

– Что, дружище?

Прото кивнул на младенца, и с усилием отведя взгляд, шепнул:

– Ого.

Тем временем, на старой обшарпанной площади у вокзала, толпились люди, переночевавшие в здании. Они в основном сурово молчали, только один женский голос жалобно взывал над толпой.

В неровном круге пустого пространства некоторое время назад возник служитель закона. Женщина обращалась к нему. Другие помалкивали. Нечёсанные дамы прищуривались на торопливо поднимающийся жёлтый шар звезды. Плечи их прятались в чрезвычайно сочных расцветках шалей и накидок, тесёмки корсажей торчали, как былинки – небрежно были затянуты, у той слишком туго, у другой едва. Словом, картина всегда пленительная и даже в то ужасное утро.

Служитель закона не пленялся. Хмурый и печальный, он был не лишён известного обаяния – круглая голова, шар торса и две чуть полусогнутые ноги. Лицо тоже в окружность и небрито. Слушал он внимательно, и, если бы кого-то и обмануло его простейшее геометрическое устройство, то уж не стоявшего сбоку от происхождения высокого черноволосого и белокожего мужчину, одеяние которого составляли штаны с единственной подтяжкой, белая сползшая с плеча рубашка и – бросим взгляд ниже – сапоги гармошкой.

То был отец украденного так нелепо ребёнка.

Он следил за стражем неотступными чёрными глазами и казался спокойным.

– Погоди. – Сказал хрипло страж и, откашливаясь, повёл глазами над головами подступающих к нему. – Ты всё по порядку скажи, а голосить зря брось. Говоришь, маленькие. Карлы, что ли?

– Да нет же. – Молвил издалека черноволосый, так как жена его замешкалась.

Все невольно разом повернулись к нему, потому что он впервые с начала следствия заговорил. Что-то жутковатое было в зрелище безмолвных людей, одновременно развернувшихся и вперивших взгляды в одно это лицо. Настроение затронуло и стража, и он повёл толстыми плечами, поёжившись вполне определённо.

– Их раньше видели? – Справившись с собой и стряхнув наваждение, молвил страж изменённым голосом.

По законам логики вопрос его был обращён к последнему подавшему реплику, но мужчина молчал, причём это не показалось невежливым. Внезапно он сделал шаг в сторону и толпа мигом, что тоже странно, потеряла к нему интерес. Они отмерли, как в игре, и приземистая, похожая на дорогую грушу в платке, кумушка поспешила занять обзор перед стражем. Быть может, ею руководила не только общая забота о пропавшем ребёнке, ибо она спустила платок с одного плеча, и её красное лицо осветилось улыбкой.

– Как сказать. – Вдумчиво заговорила она низким голосом и, опустив взгляд, тотчас мгновенно подняла в белых чистых окоёмах две густо-зелёные радужки. – Как сказать, офицер... и видели и не видели. Боюсь, – понизив голос, продолжала она сугубо конфиденциально, – вы можете на смех поднять, коль я скажу... вы не поверите.

– Отчего же. – Возразил страж, не оставшийся вполне равнодушным к проискам пышной и зрелой красавицы, ибо она, несомненно, могла считаться таковою, как, впрочем, и почти все присутствующие женщины. – Отчего же, милая? Наша участь к смеху не располагает.

Последнее он договорил, тоже понизив голос, будто эта информация предназначалась сугубо для его собеседницы.

– К тому же, отчего бы и не посмеяться?

– Вы же не хотите обидеть эту бедняжку?

Кумушка показала плечом, восшедшим от этого неосторожного движения над шалью, как Мен в самое щедрое полнолуние. Страж глянул на ломающую руки молодую безмолвную женщину и переступил на чуть согнутых под немалой тяжестью сильных кривоватых ногах.

– Говори, кого опознала. – С показным нетерпением и сурово приказал он. – И вообще, пора нам, это... зафиксировать показания письменно.

Краем глаза, маленького и в красных жилках от вчерашнего тщательного, по его же выражению, заглядывания в телескоп, он отметил, как высокая фигура с чёрною головой удаляется, и широкие плечи, одно с подтяжкой, покачиваются от мерной поступи длинных мужских ног.

Продолжая удерживать взглядом важного свидетеля и не предпринимая ни малейшей попытки удержать его иначе, толстый и толковый офицер сосредоточился на кумушке. Он властно указал ей жестом следовать за ним и, зацепив таким манером всё общество, наподобие того, как это проделал некто с золотым гусём, повёл весь этот карнавал в нужном направлении.

Кумушка, хотя и выглядела женщиной донельзя независимой, не мало не споря, пошла плечо в плечо со стражем, изредка касаясь его то именно плечом, то как бы в подтверждении своих слов, кончиками белых пухлых пальцев с длинными крепкими ногтями стражевой массивной короткопалой длани, держащей потёртый блокнот, в котором он ещё, как заметила кумушка, не нацарапал ни полслова.

– Высокие, ладные, – говорила тем временем эта разумная свидетельница с едва приметными прельстительными усиками, – все, как на подбор, а старший от плеч своих и тех выше.

Страж слушал внимательно, мучительно размышляя на две темы – как он умудрился проспорить утреннюю смену вчера за картами и телескопом, вследствие чего вляпался в дело явно мутное и тёмное, и, во-вторых... нет, во-первых... тут он мгновенно со здоровою алчностью любителя груш, метнул взгляд на колыхающуюся рядом шаль с былинками.

– А что девочка говорит, так она, сам понимаешь, не в себе... – Плела кумушка, взглядывая сбоку на стража с такой волнующей смелостью выдавшей виды путешественницы, что у того дух захватило, и ему показалось, что он тонет в зелёном густо и сладко пахнущем омуте, а то и в болоте.

Он заставил себя сосредоточиться, припомнив, что водилось за этим гулящим пришлым людом, владеющим, как говорили про них, разными такими навыками, какие приличным бюргерам полагается только в фильмах наблюдать.

Кумушка едва заметно ухмыльнулась и подзадержалась. У стража создалось ощущение, будто кто ослабил хватку, и сердце его шевельнулось от откровенного страха, потому что до этого он никакой хватки не чувствовал.

Тут страж, идучи, задал ещё вопрос, и расследование, не прекращаясь ни на мгновение, проследовало с ним к участку.

Отец ребёнка, остановившийся в тени высоких чёрных деревьев, похожих на часовые стрелки, ждал, когда площадь опустеет. Тогда он оглянулся и направился в совсем другом направлении, к выходу с площади, которую сторожил памятник, изображавший коренастого господинчика с острой бородкой, объективно противного и неуместно задиристого с виду, хотя был он каменный.

Господинчик держался одной рукой за лацкан сюртука, другою указывал на что-то перед собою. Каменные глаза его проехали над проходящим, но видел ли что-нибудь каменный господинчик или же просто созерцал, неизвестно никому. Скорее всего, просто созерцал. Ну, да.

Этот каменный был весьма примечательной фигурой до того, как окаменел. Был он в те поры как раз напротив очень вертлявым и, ну как это, юрким господинчиком. Даже ходили в своё время – вернее, в присвоенное им время – слухи насчёт принадлежности его к совершенно иному роду-племени. Собственно, намекали именно на тех, кто сегодня утром совершил дерзкое дело в этом мрачном вокзальном зале. Или, по крайней мере, не водил ли он, часом, приятельство с этими опасными господами?

Но высокая черноголовая фигура, шедшая торопливо и явно с целью, была им пропущена невозбранно.

В этот самый момент, но совсем в другое время, никем не присвоенное, Джонатан стоял на берегу пруда, в котором сквозь выглаженную полным безветрием воду, выглядывала серая прудовая уточка.

Она высовывалась из воды, снова пряталась, как под одеяло, и вела себя так, будто делала важное и нужное дело. Так и было, конечно. Но вот делала она его только ли для себя, вопрос.

Всякий раз в густой листве единственного дерева вспыхивал огонёк – выглядывала белка. Ритуал повторялся, будто в зеркало с двух сторон вглядывались обитатели двух миров.

Джонатан смотрел на их ужимки и вдруг зарычал-рассмеялся. Его посетило воспоминание без спросу, как водится за этими, страха не ведающими, представителями неведомого народа.

Джонатан в детстве показывал своей грозной огромной и прекрасной бабке крошечную резиновую белочку из-под края стола, где помещалась тарелка с нелюбимым его величеством, государем-наследником рассольником.

Почему-то этот перформанс оказывал на его опасную визави неопишное впечатление – разве что летописец тьмы, личность легендарная, да и существующая ли на самом деле, смог бы описать... да, может быть, тот бы смог.

Возможно, это имело вполне обыденное объяснение. Позже до взрослеющего Джонатана дошли слухи о скандале с одним из министров джентри, у которого случайно обнаружился среди владений домик с белочкой.

Владения были чудные, чудные... и так по-доброму всё устроено, знаете, с таким тщанием.

Семья Джонатана, столь тесно сопричастная власти с неведомых времён, что сама уже стала воплощением власти, оказалась в центре скандала. Разумеется, никаких последствий происшествие для трона иметь не могло, просто гордым кровникам было не по себе, когда их родовое имя понапрасну трепалось толпой.

Что касается министра, то он как-то незаметно сгинул, стёрлось даже имя временщика, а кто ныне хозяин имения с белочкой – неведомо, никто не интересовался. Утрачен был интерес, а ведь как шумели, как смеялись, сколько шуток сочинили, Внемиры просто лопались от них... держатели ресторанов исключили из меню котлету «беличий хвост», что, конечно, было замечательно для всего беличьего рода, как известно, отличающегося особым острым умом и сообразительностью.

Также и зоосады от греха подальше отгородили обиталища этих животных и родственников их. Не хватало, чтобы ни в чём не повинные создания пострадали от избыточного и едкого остроумия джентри.

Но кое-что сохранилось в памяти джентри, легко избавляющейся от ненужного, но цепкой к самой сути явлений – белочка сделалась символом открывшейся тайны, вестимо – тайны неприглядной.

Завелось даже агентство частного сыска, специализирующееся как раз вот на таких делах, которое выкупило знаменитый шарж, некогда кочевавший из газеты в газету и являвшийся, как по волшебству, на стенах городов – сперва, само собой, трёх столиц, северной, центральной и двойника, целые поколения выжидающего на берегу древней реки, как неизвестный актёр на выходе, желающий заменить напудренную и облупленную знаменитость. А дальше – больше, города областного значения, не менее старые, и помоложе, все принялись обзаводиться бессовестною белочкой.

Конечно, никому не возбранялось рисовать свою белочку, но тот самый лаконичный, сделанный каким-то малышом набросок, использовать уже не разрешалось. Особого ничего в этом рисунке не было, но что-то в одной единственной линии, резко свёрнутой детской рукой, и в глазу белочки, изображённом супротив природы почти треугольником, вызывало сильное

чувство, выразившееся почему-то в сдавленных звуках, чью природу ни с чем нельзя спутать – это был смех.

Пруд притягивал глубокий взгляд Джонатана с такой силой, что он сам бы не удивился, заведя посреди глади воронку, от которой расходятся концентрические круги внимания. Вокруг него ничего, только обрывом нежнейший несерьёзный песочек и кое-где травяные кочки. На одной из кочек и помещался наблюдатель. Всё остальное стёрто туманом или похожим на него веществом.

Джонатан вглядывался в тайное тайных пруда.

Уйти во Внемир.

Это всегда можно. Правда, ненадолго. Никто не уходил туда надолго, не потому чтобы это было опасно. То есть, может, и было. Ведь даже простая болтовня может засосать так, что все мысли перепутаются, а что уж говорить о приборах! Например, мясорубка – пока её разберёшь да соберёшь, так столько всего передумаешь: даже новый государственный строй джуни на ум приходит.

Разумеется, такие уходы случались. Как и блуждания по Слойке – вдоль и поперёк. Порой джентри привязывались к конкретной исторической линии особенно сильно и начинали жить внутри, иногда даже из эпохи в эпоху.

...сойдя сквозь колодец времени или проникнув через Внемилы или естественным способом... не то, что вы подумали... хотя и то, что подумали... в общем-то...

Пройдя сквозь горы, как сквозь занавес, джентри незаметно всасывались, по выражению одного из них, не чуждого общению с жидкостями веселящего толка, в людскую массу. Они снова начинали менять однажды созданное ими, но уже иначе – в ролях обычных участников событий, на равных с джуни.

Джентри получали огромное удовольствие от своего «проникновения» – ещё одно специальное выражение. Они опробовали сотни способов своего явления и появления на исторической магистрали, приглянувшейся им.

Это могла быть найденная где-то экспедиция – в сознании людей в одночасье всплывала и наливалась красками переводной картинке драматическая история о потерянных героях... или новый пассажир, появившийся после шторма в самой дикой части океана... иногда что-то более необычное – вроде выхода из картины или поездки в смерче – но это не особо поощрялось.

Не стоило травмировать сознание джуни, если на этой дороге их изначально приучили к определённому своду законов природы. Дорога вдруг не поднимается, как волна, не меняет цвет, когда по ней идёт убийца... не сворачивается коконом вокруг решившего измениться человека... дорога не вздымается к небесам, к первому после грозы облаку – если такое не принято, к чему нарушать установленные традиции? Тем паче, коль это не предусмотрено законом? Нарушать закон, это, знаете...

Ну разве что... вот все люди видели один сон: о том, как заводят часы – кто на руке, кто семейные на стене, ну или прыгучие цифры проставляют в своих врушках.

Наутро кто раньше, кто позже смотрят на часы и вспоминают о том, что им следует сделать. О, не подумайте – никаких ужасов, вроде разом вышедших на улицы граждан с нехорошим металлическим блеском в каждой паре глаз.

Просто у каждого оказывалось своё собственное несделанное дело. К тому же, его можно всё равно не делать – вид чисел в циферблате только и всего-навсего напоминал. Семейный старый долг не в счёт... иной раз вспоминалось такое... и откуда взялось? Но почему-то расстраивало. Как это раньше не пришло на ум, что следует по пути на работу свернуть на другую улицу?

Там ничего, впрочем, особенного. Так, стоит в оградах вековое дерево – джуни, надо отдать им должное, трепетно уважают этих одноногих молчаливых, которые, кажется, всю-то жизнь наблюдают за джуни или даже присматривают, как кому больше нравится.

На ветвях, пастозно выкрашенных апрелем в небывалый оттенок зелёного, чёрная птица с жёлтым клювом. Птица, кажется, стоит на одной ножке, а другою почёсывается. И всё.

А что?

– Чёрт знает что. – Высказался один вот так свернувший.

Он и птица смотрели друг на друга, и птица приоткрыла клюв. Раздался тонкий звук, невоспроизводимый грубыми органами джуни, которые вечно пытались переделать джентрийские механики.

На работу он не пришёл.

Куда? Да ладно, это его дело. Пришёл сей помянувший озорное и никогда им не виданное существо совсем в другое место. Был ли он счастлив?

Если вас это интересует, скажу – да. Хотя ему больше никогда не пришлось повторять проторённые пути, работа у него всё равно появилась. Только в вое и грохоте дырявящего ушные перепонки ветра, в треске рвущихся в тисках его кулаков гигантских полотнищ, вечно вымокших от преследующей его девятой волны. Он не ходил одной дорогой, нет – не ходил.

А жаль. Отправься он тогда на свою люто ненавидимую им старую службу, он бы встретил восхитительную красавицу, чья звезда этой ночью взошла бы рядом с его собственной. И прожил бы он долгую, долгую жизнь, погрузившись в волны любви. Было бы ему безразлично, что там на другой улице, и снилась бы ему только его ненаглядная, хотя она и так спала рядом, щекою к его щеке.

А, ладно... я скажу.

Жестокая шалость джентри – а это ведь жестокость в её чистом и беспримесном виде – сделала из бюргера, славного парня, хорошего любовника, покупателя и посетителя, сделала из него совсем другого человека. И дымки в пригороде за рощицей, на которые он прежде как-то не обращал внимания, повлекли его и он принялся и пошёл по тропинке. Выйдя к высокой ограде, свитой исключительно из самой неприятной проволоки, заросшей, правда, розами, такими, знаете, мелкими, белыми, он всё понял.

Волосы поднялись на его затылке, а сердце... Его он почувствовал в груди, и эта тяжёлая мышца, полная крови, принялась сокращаться всё чаще.

Он не вернулся домой, а пошёл зачем-то вдоль ограды... но это уже, и впрямь, был другой человек. Заслышав еле приметный шум в маленьком домике-дежурке и заметив сквозь кусты шагающие сапоги, и блеск на чём-то чёрном и длинном, он мгновенно зашёл за дерево. Сердце больше не билось так часто, а волосы улеглись.

Кем бы он ни стал, в его планы не входило попадаться на глаза человеку в сапогах.

Эта историческая дорога особо пришлась джентри по нраву. И почему – не вполне понятно. Дорога не прямая. Попросту загогулина. Здесь то и дело случались логические сбои, до степени нелепой уже по всем безотносительным законам.

То у них мир круглый, то плоский, то снова круглый... то он у них расширяется и раздувается курам на смех. Или же сомневаться начинают – не видят ли они свой мир, часом, во сне... или того пуще – их кто-то видит?

Один до того допрыгался (тот обожал шары, крутящиеся во тьме и жёлтые свечи звёзд в черноте пустоты), что расстроенные вконец власть имущие, боясь, как бы граждане не охмели из-за возможности скрыться за горизонт, схватили да и сожгли этого адепта окружностей в самом настоящем огне.

Не видели они, как из эпицентра дымного заворота, из жгучего средоточия боли поднялась фигура того самого, который предположительно утрачивал свои атомы, переходя в состояние небытия.

Фигура была точненько он сам при жизни, только не ободранный хладом и мраком, униженный голодом и сочащимися ранами – а осмелюсь выбрать слово – пренаглый, свежий и моложе изрядно... а так как при жизни отличался он некой особенностью нрава, в просторечии именуемой – бабник, то и сейчас выглядел так, будто на городской скамейке в белой сквозной сени апреля склоняется некрасивым, но выразительным лицом к светлой, рыжей, чёрной или кудрявой макушке какой-нибудь горожаночки.

Учитывая его склонность к красоте, которая в некотором роде и подвела его, этот огонь внутренний, сейчас соединявшийся с грубым материальным поддельным огнём, эта избранная всегда отличалась совершенством, которое если и было отмечено порчинкой, то непременно вдохновляющей – или родинкой над выгнутой лепестком верхней губкой или заострёнными верхушками маленьких ушей или ещё какой подписью владельца на книжке.

Ну так вот, джентри прямо-таки обсидели дорогу, о которой идёт речь, да не будет это дурно понято.

Отчего так? Они и сами не вполне понимали, почему именно эта историческая кривая так притягивала их?

Кто-то говорил, что здесь сохранилась реликтовая память о том, как джентри создали джуни – но это, позвольте, если копнуть – уж совсем ерунда. Этого никто не мог помнить. И сами джентри, которые всё учитывали, позаботились об этом. В первую очередь, о том, чтобы не помнить самим. Иначе трудненько бы им пришлось – кто бы смог удержаться и не начать исправлять то, за что сам в ответе? А если увидишь, что твой замысел испорчен, искажён? Примеешься приглаживать всякие выбившиеся волоски и вытаскивать их из варенья – и конца этому не будет... к тому же, можно доисправляться до того, что себя в зеркале не узнаешь.

Вероятно, им было здесь уютно – они не брезговали теми преимуществами, которые давало им происхождение из иного мира: то, что джуни называли фантастическим, или чудесным. (Ну, не то чудесное имеется в виду, что в истории с белочкой.)

Они охотно становились правителями – хотя это опять же не особо поощрялось. Допускались только старые, почти сказочные формы правления... то, чему джуни не придавали особого значения и зря – это самая весомая, самая могущественная, самая настоящая власть в мире.

Семья Джонатана обрела доступ к власти очень давно и при обстоятельствах, способствующих романтизации действительности.

Находились и джентри, связавшиеся с джуни по-плохому... они и сами становились почти джуни – алчные, безжалостные человечки, привязанные к нескольким быстротечным десятилетиям, жалкому миллиарду секунд, за которые они ухитрялись так напортачить, что каждая вопила о безвременье и забытии.

Начинали, увлечьшись игрой, играть со всей дури, и кончалось всё всегда хоть и по-разному, но одинаково нехорошо.

Вздымалась волна и обходила круглый мир. Волна выглядела настоящей, и никто не подозревал, что это направленная по рассчитанной кривой погрешность первочастиц.

Изнутри мира вылетал столп огня с расплавленным стеклом. Дрожали бумажными макетами и сгорали целые строчки высоких, в небо, городов. Леса, подобные башням, стекали по волдырю неба.

И джуни, и джентри забывали, что это игра, да ещё придуманная ими. Джентри, случалось, нечестно прибегали к своим возможностям и увлечённо присваивали себе скромные достижения джуни, хотя некогда их собственная раса создала куда более внушительный инструментарий для искажения Планов и Фактов.

Семья Джонатана была другой... Хотя нахваливать их тоже не приходится, и у них рыльце не без пушка. Пушок милый – из тонких, как сны, ворсинок. Такие шматочки, невинное парного молока, оставляют на месте преступления малые животные. Среди безобразных осколков сброшенной со стола утвари этот небесный облачный обрывок заставляет скрежещущего зубами джуни опустить занесённую руку с веником и рассмеяться. Так же и семья Джонатана – натворят невесть что... наворотят, но вечно малая деталь всё решит.

И Первопричина опускает руку, и веник тщетно шевелится в её руке, желая совершить предписанное логикой движение.

Они всегда оказывались в том месте и в то время, где их принимали – пусть и с оговорками – джуни.

В тени майских деревьев, где лунных букв до чёрта, а в подземелье пироги пекут, обитали они. Над болотами курится пивоварня некоего Расмусена, по преданию одного из предков нынешней династии. Здесь на топких тропках мы любим являться джуни – а вот каких джуни можно встретить посреди болота?

В городе мокрым дымом пахнет сирень, и каждый пятипалый цветок обещает исполнение желания. Кто остановится в фиолетовой дымке, кто сорвёт единственный цветок? Кто протянет нам руку, попадёт в нашу ловушку?

Впрочем, мы привыкли говорить о себе «они».

Джуни искали их – видели белую деву в майском дереве, и послушно читали буквы на песке и принимались к болотным запашкам.

Иногда случались целые времена, когда мы приходились ко двору.

В такие времена непременно пробежит – к добру – домовая в лунном свете. Джентри не то чтобы умилялись вере своих младших. Они и сами забывали, что всё не так на самом деле. Они забывали, что есть это «на самом деле».

Им, скажу честно, нравилось считаться привидениями, утопленницами и духами местности. Они с удовольствием подтверждали подозрения джуни, и тут же начинали кокетничать – реформировали науку, высмеивали жрецов из стариннейшей почтенной мафии «Тройной стандарт», проникали с сомнительными целями на полночные кладбища и со страниц нового изобретения – газет – уверяли, что стыдно быть суеверным в наше-то время.

Врали, врали, да заврались.

Джонатану, которому не по чину таким заниматься, втайне страстно мечтал о странностях – амьюз, бизарр, заморочка. Ему ужасно хотелось кого-нибудь немножко напугать, встревожить – взбить, как он выражался – воображение джуни. Потому он и выбрал из всех своих возможностей всего два времени – два падающих, да не упавших белых лепестка в вечном бескрайнем саду возможностей.

Сам он себя оправдывал тем, что по преданию, в которое никто из джентри не верил, именно на эти два времени и привязанные к ним карты местности намечены два события, которым надлежало произойти одновременно и накрепко воссоединить разорванные времена. Заодно следовало произойти и ещё кой-чему, столь грандиозному и баснословному, что это годилось разве что в сказку.

Кончался апрель – в двух временах.

Диковатые, просыпались и один за другим уходили дни – солнце слабое, но яркое, и ветерок по ногам, как духи домашнего озорства под столом.

Внезапно похолодало, но не ужасно, скорее, этот остывший пахнувший цветами и шерстью слой воздуха, которым укутали посёлок на берегу океана между горным седлом, замками леса, каменоломнями на верхнем этаже и синей приподнятой волной на востоке, приятно будоражил.

Изредка просыпался серьёзный ветер, бубнил на высоте, с грохотом пронёсился воздушный поезд, и, сбросив в запертой наглухо квартире с полки семейную реликвию – портрет основателя рода – замолкал, как накричавшийся младенец, на ползвук.

В темноте, аккуратно точно заполнявшей комнату, в углу самом глухом светил уличный фонарь – что уж тут, закон преломления отражений, ничо не попишешь. Этак сделалось, что фонарь в окне соседней комнаты, ночном синем, как фронтовой кисель, отпечатал свою огненную физиономию на стекле шкафа с книгами, а уж этот фонарь пролез в зеркало секретера за безделушками в Гостиной.

Если учесть, что отражения тоже имеют право на жизнь, картина складывалась не такая милая, как могло показаться. Очевидно, так и показалось кому-то.

Лис, та самая славная леди, которая так милостиво обошлась с молодым джуни, некогда явившимся на лунную полянку, обернулась и пристально посмотрела на собеседника. Судя по выражению её лица и особенно синих глаз, прикрытых волосами, сегодня песочного цвета, милости не предполагалось. Она небрежно протянула грудным глубоким голосом:

– Птичка в клетке не поёт.

Реплика была ответной – в целом, они успели обменяться этак десятком подобных банальностей. Впрочем, всё, что излетало из губ этой джентри, звучало ежели не откровением, то по крайней мере, не позволяло визави отмолчаться.

Правда, пока она произносила эти пять... да, пять слов... сознание царапнула какая-то странность. Ей померещилось, что она спит глубоким сном и спускается всё глубже по винтовой лестнице чёрного беззвёздного забвения.

Ощущение было мимолётным, неверным и тем более неприятным. Поэтому она вздохнула и атмосфера семейной Гостиной – и семейной истории, поглощённая в необходимом объёме, изгнала чувство, будто она – одна в бездне, не имеющей верха и низа.

Джонатан поиграл плечом, сунул руку подмышку. Он ещё не отошёл от впечатлений у пруда, откуда шагнул сразу вот в эту комнату, где ему назначили свидание. Пруд он кое-как затёр движением не руки даже, а вот таким мановением плеча.

– Лис, извини...

– Что ты натворил?

– Она поёт. Птичка...

Лис хмыкнула.

– Просто чтобы поднять себе настроение.

Джонатан уселся в старинное кресло на колёсиках, которое что-то возмущённо произнесло. Устроился поудобнее – так он это называл, но под её взглядом приуныл и спешно сменил расположение составных своего земного «я».

– Логика, Лис, хорошая штука, если ею не злоупотреблять.

Он приподнял перо светлой брови, отчего ширина его скул стала ещё выразительней, выпростав в новую форму безыскусно сработанное, здоровое лицо короля. Комизм усиливался отчётливой мужественностью его подбородка. Эта часть вечно встревала между Джонатаном и его собеседниками, ну, и собеседницами.

Когда Джонатан поворачивался в профиль, происходила метаморфоза – являлся его чистый до бескровности лоб, соединённый с коротким прямым носом линейно. Тогда он представлял аристократом – то есть, тем, у кого предков меньше, чем у обычного джентри.

В этом мгновенном наброске соединялись функциональная простота первого накопителя информации на столе у изобретателя, и первый рыцарь джентри, который догадался, что – во-первых, можно рифмовать концы строк, во-вторых, что можно чистить под ногтями, ежели собираешься преподнести переписанную начисто балладу даме.

– Логика это как должно быть. Чего, конечно, не бывает почти никогда. – Изрёк этот важный господин.

– Любовь.

– Что?

Он потерял рисунок роли и повернулся к ней. Писательница сидела возле своей книги (что логично). Книга лежала на подлокотнике кресла короля.

Джонатан запрокинул лицо и выдержал взгляд лиловых радужек, почти полностью заливающих два больших глаза.

– Как должно быть – это то, чего быть не должно. Любовь, что логика – берёт первую попавшуюся ересь за аксиому и воротит, что хочет.

Лис покинула насест также внезапно, как заняла.

– Единственное, что мы можем себе позволить, это подсчёт возможных вероятностей без вранья и просыпа, как записал один из остроумцев джуни. И в этом свете вероятность номер один – отсутствие Клетки. Которая в свою очередь открывает столько вероятностей, что у некой древнейшей организации не хватит сотрудников, чтобы их отследить. То есть, Бесчисленное Множество.

Джонатан проводил её перемещения по комнате исподлобья. Лис присела у давно угасшего семейного камина. Неясно, зачем она выбрала для делового, как сама же подчеркнула, свидания эту комнату в заброшенном, вросшем в скалу или встроенном в её осыпающееся нутро, замке.

Замок в долине, опоясанной реками. Долина на побережье. Побережье – лицевой угол полуострова, повисшего среди двойной синевы океана и неба, как пайетка в ведрышке, где отстирывали любимую футболку.

С высоты полёта какого-нибудь предмета, скажем, стратегического бомбардировщика, полуостров казался, да и был, мостом между материками. Пересядь на орбитальный катер и увидишь, о пытливый друг, как закатывается радужкой в момент обморока эта стяжка гигантских кусков почвы и гранита.

Улетай прочь, и упадёт под крылатой башней, на которых и посейчас иногда путешествуют джентри, шарик вроде тех, что в любом уважающем себя магазине можно выудить из стеклянного куба за монетку с официальным символом – гибридным чудовищем. Любимое гадание короля, к слову.

Лис смотрела в глубь камина, и Джонатана зазнобило от подступившего к самому сердцу ощущения – она видит там что-то или кого-то.

Здесь обитала когда-то семья самых чистых кровей и сама причастная к пусканию сей эссенции в максимально обильных дозах.

Чьи-то свирепые старые глаза скрещивали взгляд с глазами юными, налитыми тем же густым синим цветом.

Но камин пуст, тёмен его зев, не дразнился он давно красным языком. Лис протянула тонкую руку и коснулась острого удлинённого предмета, ржавого и приросшего к каминной решётке. Джонатан нахмурился, припоминая.

Это кочерга.

Его слегка передёрнуло. Не в белой, трогательно хрупкой в суставе локтя руке давнего друга увидел он этот атрибут домашнего колдовства. Сухой жилистый кулак, сомкнувший длинные узловатые пальцы вокруг рукоятки, как вокруг гарды шпаги, померещился ветреному королю.

– Огонь не может проникнуть сквозь глаза внутрь человека иначе, как только в виде света.

Лис медленно, как медвежонок, которого не дозавели, повернулась в его сторону. Это она продекламировала цитату. И она смотрела...

Между фиолетовым и индиго, между индиго и синим – чего только не намешали предки в эту смесь колдовства и лукавства.

Они не жаловали повторов, двойничества избегали, как опасной практики, но двойственность всегда их влекла. Вот и со временем и пространством намудрили.

Двойные кольца учёного джентри по имени Новинка были изобретены и применены в давние времена, когда джентри создали феодальный строй, и увлеклись путешествиями и грабежами. Дикари рыцари пылили по дорогам, седло в седло со своими дружками-джуни. В тёмной башне на окраине знаменитого города Новинка (его звали, понятно, по-другому) улучшал природу своего рода.

Тогда джентри постоянно что-то выдавало. Или излишняя беспечность, скорее – беспечальность или чужеватость телосложения и неутомимость. Да, не умели они тогда сдерживаться, пустившись во все тяжкие земных наслаждений.

Но не все.

Такие, как Новинка, ютились по соломенным приютам, где глинобитные полы постоянно курились над пролитыми едкими пятнами кислот, и придумывали, как переделать оба народа, так чтобы один знал не всё, но догадывался, а другой знал и помнил всё, но умел забывать.

Верёвочная лестница бисерных частиц наследственного материала разнималась ими, как, и впрямь, бусы. Уж они играли с нею, как хотели. Они тогда и себя-то не очень хорошо изучили. А как иначе?

Хоть они и вырвались из рабства, и стали могущественнее джуни, создали их всё-таки эти двуногие прожигатели жизни, то чрезмерно послушные, то безудержные и алчущие.

Правда, они заново устроили мир и переделали джуни на свой лад. У этой змейки, свернувшейся кольцом, имелся кончик хвоста. Да и голова, плоская с острыми холодными глазами и раздвоенным языком тоже.

Замок-молния, один из символов мироздания, пришёлся по нраву лёгкой джунийской промышленности. Каждый день неисчислимое множество джуни дёргают язычки своих курточек и не вслушиваются в тихий удовлетворённый визг соединяющихся зубчиков. Совершается колдовство – мир застёгивается под самое горлышко. Такая курточка и у Джонатана имеется. Удобная, знаете, одежда.

– Зачем другое имя?

– Что, прости?

– Прошу, если скажешь, – внятно проговорил Джонатан, чтобы Лис не пришлось больше изображать гложущую в цвете лет герцогиню, – зачем ты взяла себе другое имя, когда вздумала издать книгу?

– Я вообще не думала, что её издадут. Так, для шутки отдала её величеству, чтобы подольститься к матери наследника, а она отправила в издательство под тем именем, что я написала сбоку криво. Та старая кличка, которой она предпочитает меня подзывать, если в кои-то веки ей понадобится недостающая фрейлина из резерва по случаю декрета фрейлин действующих.

– Какая скромная девочка у нас народилась.

...и почти немедленно он смог вернуться в прежнюю позу. Он сделал далее всё в такой последовательности – присвистнул (глупо), обернулся на книгу, пробившую стекло в секретере (осколки всё ещё висели в воздухе, выдавая присутствие в атмосфере остатков синергии – роскошь былых времён), потом взглянул на неё.

Луна, как видно, рассиялась не на шутку – волосы Лис растрёпаны, ушки приподнялись, верхняя губа так вздёрнулась, что родинка сделалась вызывающей, почти вульгарной частью макияжа, хотя являлась делом рук природы.

Рука, ловко метнувшая книгу, опустилась.

Джонатан покачал головой.

– Теперь стекло вставлять придётся. А ведь у нас с финансами туго, сама знать должна.

Лис не ответила. Фигурки из белой полосатой глины за осыпавшимся, наконец, стеклом повалились со страху одна на другую, но, кажется, сохранились в целости.

– Министра вот гастрономии арестовать пришлось. – Продолжал Джонатан. – Наш с тобой друг постарался.

Лис тяжело вздохнула.

– Не знала, что тебе удастся накрыть Фортунатия. Он был бы гением, не будь злодеем.

– Обижаешь.

Король сложил руки на животе.

– Я и не то могу.

– В каком времени?

Джонатан вздохнул и признался с подкупающей честностью притворы:

– В одном из времён джуни. Там ещё застряли курфюрст и мажордом, оба воры фантастические. Не говоря о прочей притронной шушере. Проели дюжину дисков насквозь. Даже здесь у нас уже дыры в воздухе.

Лис буркнула:

– Им же какие-то объедки на кухне остались, после того, как Фортунатий довёл гастрономию до первого всплеска вещества в пустоте. Так, на булавки.

– А я о чём? Талантливые черти. Да и булавки, Лис, кое-чего стоят. Вообрази, эта троица прелесть, ну, вот честно. Воруют по законам уже не детской арифметики, а геометрии. Притом, имеется в виду не геометрия их мира, а та, которую придумал тот безумец из заперделья. Ну, из тех, что на кошек похожи.

– Тот, что построил Балкон?

Джонатан поднял палец.

– Пристроил, Лис. Пристроил. Даже самому умному не дано в корне изменить мир.

Лис без улыбки посмотрела на палец так, что собеседник немедленно уронил руку.

– На том диске, где булавки, издавна пересказывают легенду о том, как несправедливый князь был унесён кем-то страшным, с рогами.

Джонатан выгнул губы подковой.

– Они оптимисты, эти джуни. Такую штуку даже нам слабо проделать.

Он с театральным кряхтением встал и направился к секретеру. Потрогал стекло, глянул, вывернув ногу, на подмётку – кружились у самого пола мельчайшие частицы.

Джонатан рассмотрел фигурки – их рога и копытца перепутались. Он с упрёком обернулся.

– Эх, Лис. Эта штуковина – вся моя жизнь.

– Этот жуткий предмет мебели? Твой родственник? В смысле, он дубовый?

– Всё бы вам смеяться над Джонатаном. Я тут уроки делал. Чтоб знали некоторые в декрете не бывавшие фрейлины. А потом я стал его закрывать, когда подрос. И ключик прятал.

Он приподнял кулаком тяжёлую столешницу.

– Зачем ты его запираешь?

– Прятал кой-что. Маму не расстраивать.

– Мог бы прятать сигареты в джинсах, как все хорошие мальчики.

Так как Лис не ограничилась одной вербалкой, Джонатан сокрушённо захихикал.

– Тогда не носили джинсы, бесстыдница Лис.

– Ну, как же. Твоя мама и сейчас их носит.

Она почему-то повеселела. (Правда, вид её величества всегда благоприятно действует на подданных. Красивая она женщина и разумная вдобавок. И если кой-чем из собственных даров она и поделилась с сыном, всё равно над таинством собственной наследственности даже джентри не вполне властны.)

– Вот что... я оплачу стекло для твоих драгоценных воспоминаний. Если у тебя получится прикрыть эту компанию в украденном времени, обещаю.

– Если ты ответишь на мой вопрос, я пришлю их тебе в бутылочках. Живыми, живыми, детка, не пугайся. Хотя... наш разведчик такой задира порой. Баловник, ей-ей. Ну? Расколешься? Стало быть, мама посодействовала твоей литературной славе. Вечно я окружён не только красивыми, но и талантливыми женщинами.

Лис пробормотала:

– Понимаю, почему она не хочет тебя видеть.

– Не скажешь?

Джонатан пропустил обидную реплику по известному методу хороших мальчиков «влетело-вылетело».

Лис замолчала. Паузу она умела держать, как следует – не хуже знаменитой Джулии Лэмберт или саниной нянюшки. Взяла, так держи, будто это ножик.

И оборвала её без предупреждения, как это умеет делать только сей холодный предмет. Это называется ошеломить собеседника. Делай с ним, что хочешь. Наверное, её научил остролицей. Хотя они ведь друг друга терпеть не могут.

– Я вот зачем потревожила тебя, враг гастрономии.

Она показала на дверь, хотя за нею ничего, никого... да и не могло быть – джентри охраняли территорию на юге полуострова так, что даже спутники джуни слепли, пролетая над земляным мостом.

Но Джонатан не собирался придирааться. Когда Лис мотнула головой, волосы цвета песка под луной, создали нимб, не погасший тотчас. Бездельник с удовольствием любовался явлением забесплатно.

– Там снаружи, к твоему сведению, перемены.

– Там? В городе, освещённом лучинами, где толкуют о сожжении еретика, любителя шаров и пустоты? Или в этом славном мирке, где орудуют ипостаси Фортунатия?

Лис одёрнула его. Не любила пустословия.

– Там, где они назначили встречу.

– О. Ясно.

Он так всегда говорил, когда это состояние ему отнюдь не грозило.

Джонатан подобрался, сел ровнёхонько.

– Их мир кончается, вместе с придуманным временем. Это совершенно конкретно, Джонатан. Боюсь, народными гуляниями не обойтись.

Джонатан принял к сведению. Так он сказал. Лис до обидного осталась равнодушна к посерьёзневшему лицу Джонатана.

– Они обитают далеко за Балконом. Поэтому мир у них по умолчанию распадается. Всё разлетается в стороны – то, что на виду, во всяком случае. Кстати, случай – их религия. Что касается невидимой стороны, вещество пошаливает. Частицы нестабильны. Чудят.

– То есть, склонны к волшебству.

– То есть, если разбить тарелку, в руках останется чашка, открывашка и та же самая тарелка. Хотя некоторым ближе другие предметы сервировки.

Джонатан отменил шутки по поводу битья посуды и слушал.

– Помнишь полуостров? Ближе к южному мысу в результате падения летающей башни образовалась маленькая бухта. В городке на берегу одна-единственная школа. Такая же старая, как летающая башня. Там кое-что произошло, чего не происходило там никогда.

Джонатан немедленно встал и, обматывая несуществующим кашне шею, заметил:

– Лис, я ведь не очень глупый.

– Да?

Джонатан всё-таки обиделся.

– Как школа может быть такой старой, как этот дурацкий музейный самолёт? Если башня свалилась на побережье, значит, городишки там ещё не было. Мы так не поступаем. Такое не приветствовалось даже во времена моего дедушки, а он практиковал формы юмора, ныне отвергнутые. Жидковаты ныне джентри. Так ты меня подловить хотела, что ли?

Лис подтолкнула его к выходу.

– Вовсе нет. – Загадочно сказала она. – Если бы ты не отзывался так небрежно по поводу логики, то сообразил бы.

Она сама что-то сообразила и кивнула.

– Даже ты сообразил бы.

Ради любви к комфорту, видимо, связанной с жидковатостью поколения, вышли из Гостиной сразу в городке, но осторожность всё же не утратили. На покато́й улице, упирающейся внизу в причал, а наверху в осыпающуюся каменоломню, на одном из позвонков этого городского хребта, державшего улицы и переулки, многоэтажки и особняки, возле крестовины Лис вышла из мгновенно заросшего за нею Внемира. Сзади раздался протестующий вопль.

– Шуточки. – Молвил Джонатан, продравшийся следом.

Страхнув с плеча широкого непротивную слизь внутреннего вещества из отсутствующего пространства, он – в который раз за сегодня – посмотрел на свою спутницу с упрёком.

Лис и не подумала оправдаться, хоть пожатием плеча.

Джонатан подождал, засмотрелся и споткнулся. Сквозь асфальт загорелась самая настоящая звёздочка. Джонатан не удивился – мало ли какие физические законы там, где ослабевает действие Клетки. Но когда он шагнул, звезда погасла – оказывается, к асфальту прилепилась этикетка от апельсина. Ну, это надолго. Такие штучки и ливень не смывает и бывает держатся они годами.

Они поднялись по улице, выбрав лестницу, а не проезжую часть, по которой смело шли бургеры и бургерши. Машины накануне сезона не главные персонажи.

Приезжие всегда жаловались, когда им случалось испытать на себе неуловимое стремление города к невидимой вершине. В общем, и горы-то, обрывавшие декорацию с запада, здесь невысокие, плоские. Холмы формировались под покровительством Гиганта – их пятиугольное устройство отполировано излучением этой планеты, но сами они размерами не подавляли, отнюдь.

Твердь по окоёму бухты, о которой так любезно рассказала Лис невежде Джонатану, приподнималась на внутреннем рычаге. Схема улиц повторяла глубоко залегающую схему магнитных меридианов. Лис, подтверждая ощущения короля, заметила:

– Это на самом верху.

– Я уж понял. – Джонатан подавил неровное дыхание и старался говорить, как можно непринуждённое.

Да, лёгкие и позвоночники джентри могли бы себе сделать из материала помодерней. Но сетовать на предков дурной тон, это только писателям дозволительно. Он скосился на Лис. Она на его придиричивый взгляд двигалась уж очень легко. Ветка скользнула по её лицу и тут же виновато отстранилась. Джонатан укорил спутницу королевским покачиванием головы. Но Лис и не подумала оправдываться. И в самом деле, кто тут обратит внимание. Лестницы впереди, как на заказ, опустели. Тут же Джонатан почувствовал прикосновение – и провёл пальцем по щеке.

Задрав голову, он уловил источник раздражения – в окне попутного дома на третьем этаже кто-то отодвинулся вглубь комнаты.

На другой стороне сквозь ветви он увидел стеклянное здание с циклопическим оком циферблата. Джонатан чуть подался вбок, чтобы прочесть.

«Все двадцать пять часов – мы с вами».

Сообщала подпись по кругу.

– Вот она.

Возле школы, напомнившей Джонатану своими очертаниями нечто смутно знакомое, машин имелось предостаточно.

Чёрная со сложенными надкрыльями, глядящая исподлобья зарешёченными окошечками, ткнулась носом в самое крыльцо, сильное хорошее крыльцо. Она чем-то напоминала телепавшегося у крыла гражданина с блеснувшими в глаза подошедшим погонями. Его вольность, ничуть не пахнущая заключением под стражу для получения благодати – бесплатного государственного образования – сразу привлекла Джонатана.

Но и сам он, похоже, привлёк внимание – причём, самого нежелательного свойства – этого самого телепавшегося. Тот повёл себя так – окинул высокую и беспогонную фигуру пронзительным подозрительным взглядом.

– Что тут у вас? – Развязно молвил Джонатан, и страж ещё погрознел.

– Вы к кому?

Тут вмешалась Лис.

– Офицер, если не сложно...

Погонный повернул на звук её голоса смятое подозрениями лицо, и на нём изобразились сразу два взаимоисключающих чувства – ещё порция подозрения и, ну и, сами должны понять.

Даже я понимаю, сказал себе Джонатан, припомнив, как таскала его в зубах Лис, и добродушно усмехнувшись.

Но повеселиться ему не дали.

– Посторонним тут не место. – Заявил несговорчивый офицер. – Дело государственное.

Открылась дверь, из тех, что всегда напоминали Джонатану дверцы холодильников, и, что соответствовало смыслу, выпустила совершенно, как показалось королю, замёрзшего джуни.

Джонатан не справился с собой и изобразил удивление. Как не холоден апрель, но не настолько же.

Замёрзший, крупный мужчина, сунувший кулаки под мышки, был одет почти официально по меркам города – вместо пиджака фуфайка и штаны, в которых Джонатан узнал перекрашенные во имя приличий джинсы. Остроносые туфли, неизменно модные на побережье вот уже второе столетие, не новы, но начищены превосходно.

Джуни скатился к группке беседующих и завладел вниманием офицера.

– У меня уроки идут. – Рывкнул он вполне непринуждённо, но в его круглых тигриных глазах Джонатан приметил огоньки гнева, угасшего при виде хмурого стража.

– Очистить надо бы этажик. – Ответил тот довольно мирно.

– Да как же... – Начал вышедший, и его тайная природа, подавленная государственной машиной, истаяла вовсе.

Страж тут же отвернулся от него.

– А вы назовите цель прихода. – Обратился он к неполюбившемуся ему Джонатану.

– Они же дети, куда я их дену.

– Хороши дети. – Сурово отозвался юный страж.

Джонатан заметил, что дверь всё ещё не закрылась, и двигается, как если бы ручкой завладело привидение. Но то была не синергия, а устройство механизма.

– Ты что тут? – Сказали изнутри.

Дверь, не вполне закрывшаяся, пропустила протиснувшегося ещё одного в погонах. Этот был в виде шара, устроенного на двух ногах, слегка подогнутых то ли от хронической непринуждённости, то ли от понятной тяжести торса.

Увидев Лис, он просиял лицом, до того похожим на почтовый ящик, которому какой-то халтурщик (или шутник) джентри спешно придал форму немолодого мужского лица, что хотелось спешно сочинить письмо.

– Пропусти.

Молодой опешил.

– Вы уверены?

Почтовый ящик, которому хотелось сунуть в зубы письмо по поводу свободы слова, мельком глянул. Юный страж кивнул.

Всё же он сказал, повернувшись к Джонатану:

– Вы документ при себе имеете?

Джонатан припомнил жестикуляцию Лис и погладил себя по карману. Страж явно собирався продолжить беседу, но увидев, как Лис обменялась парой негромких слов со старшим, умолк и кивнул снова.

Как ни странно, Лис он пропустил без единого нехорошего вопроса. Джонатан вспомнил, что она, сдаётся мне, тут работает.

Зайдя в широкие сени с двумя лестницами по обе стороны и стеклянным скворечником дежурки, они увидели нескольких обмундированных людей.

Те не удостоили вошедших ни словом, но оглядели внимательно. Двое продолжали беседовать.

Джонатан под взглядами прислушался, но уловил только обрывки вроде:

– Выстрел... прямо в... так и остался висеть.

На одном из лиц Джонатан уловил нечто живое – призрак смеха, так – слабый трепет мышцы под кожей.

За этим, хранящим в углу рта нерегламентированную мимику, на стене виднелся портрет в резких спектральных тонах. Лицо портрета – восхитительно красивого джуни с огромными лучистыми глазами – показалось беспечному джентри смутно знакомым.

Он бросил приглядываться, прислушался и попытался подойти, но немедленно крайний, очень хмурый до самых жёваных штанин, приподнял смятый напряжением лоб и посмотрел куда-то возле ботинок Джонатана.

Лис повлекла Джонатана за собой по первому этажу, с двумя высокими зеркалами, глядящими одно в другое. Джонатан утайкой полюбовался собой, но чутко уловив взгляд Лис, сделал вид, что интерес его чисто практический. Провёл рукой по остриженному шлему волос и кхекнул с суровым видом, подражая стражу.

Со стороны оштукатуренная подкова школы казалась небольшой, но вмещала уйму всего. Расположение комнат – здесь они назывались кабинетами – показалось Джонатану на удивление запутанным.

Он вчитывался в надписи, но то ли образование сказалось недостаточное, то ли начала действовать гипнотическая сила храма просвещения, понять смысла он не смог ни разу. Буквы и цифры, вроде тех чудящих атомов, разбегались и предлагали такие заморочные иероглифы, что Джонатан один раз даже подавил вскрик.

Лис поторопила его.

Чистенькие коридоры, с крохотными дубами, соснами и кипарисами в кадках, плавилась в послеполуденном потоке звёздного света. И никого. Из комнат не доносилось ни звука. Один раз высунулось из-за угла личико с таким же затаённым смехом, как у одного из офицеров там внизу. И сгнуло.

Показался ли Джонатану страх, на мгновение исказивший личико? Этого он не успел понять.

Лис задержалась возле приоткрытой двери одного из классов. Она говорила с кем-то. Джонатана опять поразила до крайне неприятного чувства тишина такого качества, за которым уж ничего в мире джуни не следует.

Вышел ещё один носитель формы, придерживая что-то под расстёгнутым мундиром. Джонатану, чьи нервы порядком натянулись, со страху померещилось, что под мундиром у стража ещё одно лицо, растерзанное и жуткое.

Лис недоумённо повернулась к нему.

– Что с тобой?

Джонатан поспешно отступил.

– Школы всегда нагоняют на меня жуть. – Пробормотал он.

Похоже, Лис удовлетворилась этим ответом, или ей было некогда позаботиться о королевских нервах.

Наконец, всё прояснилось. Лис всё ему растолковала.

Оказывается, учительница родного языка вышла, оставив пятиклассников.

– Буквально на минуточку.

Джонатан смущённо улыбнулся.

– Джуни называют это припудрить носик.

Лис изумлённо глянула на Джонатана.

– Так уже никто не говорит. К тому же, ей нужно было отнести журнал наблюдения за проходящими под окнами.

Джонатан решил, что ослышался. Лис развеяла его сомнения.

– Среди прочей документации появилась и такая форма. В общем, леди её заполнила и понесла директору.

Дети остались одни. Это звучит не вполне логично – ибо в комнате их было не менее трёх десятков. Но языки джуни, как недавно прочитал Джонатан, и вообще волшебным образом непоследовательны в силу физических особенностей мироздания.

Таким образом, тридцать джуни в том возрасте, который всегда особенно интересовал джентри, оказались предоставлены своим ангелам-хранителям, предположительно, таким же юным.

Сверкающие глаза – считайте сами – всех оттенков зелёного цвета – шарили острыми умными взглядами по давно известной комнате. Их голоса шуршали, как тридцать новорождённых змеёнышей.

Учительницу они, как ни странно, любили. Вопреки убеждению, что школа это один из видов неволи, коих в мире джуни великое множество, детёныши джуни умели делать исключения из своей лютой ненависти к отряду надзирателей.

Учительница была маленькая кругленькая женщина, свежая, как яблоко, и настолько не умеющая сердиться, что, когда ей волей-неволей приходилось это делать, гнев её проявлялся столь своеобразно, что леденит сердца даже самых бесстрашных.

Но, конечно, маленькие злые джуни были ужасно рады остаться в своём тесном кругу угнетённых. Они испробовали все способы, чтобы развеселить себя.

Один из них, горланивший громче всех, наскучив себе сразу тремя драками, которые он вёл одновременно, под отчаянные крики девочек, ещё не сделавших ставки, вдруг увидел в пыли и огне портрет над доскою.

Это было то самое изображение, которое показалось Джонатану смутно знакомым. Почему здесь находился этот портрет, осталось загадкой для Джонатана, вроде целой тарелки, возникающей после того, как её разбили.

Как уточнила по просьбе Джонатана Лис, в этом кабинете преподавался детям родной им язык и созданная на этом языке литература. Джуни на портрете не был писателем, это уж точно. Джонатан отметил странную усмешку Лис, наверное, чем-то похожую на гневный оскал учительницы-яблока.

– Если не считать сделанных им филологических изобретений относительно диссидентов, ну и тридцатитрёхтомного собрания речей.

Не был он и учителем, который как-то особенно ловко преподавал эту самую литературу. На самый худой конец, не числился он и среди критиков – это такие джуни, которые сами книг не пишут, но знают, как их следует писать.

Словом, почему изображение этого привлекательного лица – цвета великолепной докторской колбасы, и похожего на лица тех ребят, которых рисуют в комиксах, а сверху пририсовывают облачко текста самого залихватского содержания – почему это изображение находилось в классной комнате, совершенно никому не известно.

Мальчик взгляделся в неподвижные лучистые глаза портрета, тяжело дыша и отирая лоб кулаком, пострадавшим в одной из драк. Внезапно он потянулся за бумагой, продолжая рассматривать портрет, глядящий в никуда, и смяв лист, сунул его за щеку. Отмахиваясь от своих замерших оруженосцев, он некоторое время катал шар бумаги за щекой, потом выудил его, и оглядел.

Это был превосходный шар – большой, твёрдый и чуть влажный. Он отличался от таких же шаров почти абсолютной правильностью, и обещал многое.

Мальчик поиграл им на ладони, подбросил и поймал. Потом занёс руку и шар, набрав колоссальную скорость сходу, вмазался в цель.

Тишина не спустилась в этот приют непокорности тотчас – не таковы юные джуни, да, к слову, и джентри в этом возрасте не умолкли бы сразу.

Но когда до всех присутствующих дошло, что приключилась новинка, она, тишь-тишина, заструилась изо всех углов наподобие той первой реки, на берегах которой – по преданию – залётные гости из другого мира клялись построить мир новый.

Это случилось в одном из вариантов развития событий, на диске, который очень нравился Джонатану.

Но продлилось это состояние недолго. Только взрослые безмолвствуют в минуты решающие. Им нужно время осмыслить, как смыться и очистить Внемир, пока информант не добежал до ближайших уст истины.

Дети, замолчавшие один за другим и одна за другой, закричали все разом. Соперники Метателя по славе, не медля ни единого мгновения, принялись лепить влажными горячими ручонками новые боеприпасы, а один, с мечтательным взором, доселе не принимавший участия в бунте по случаю отсутствия надзора, а сидевший, вперившись в какую-то точку за окном (где не ходили посторонние согласно рапорту доброй учительницы) неторопливо и как бы в сомнамбулическом состоянии протянул руку и сорвал с косички впереди сидевшей девочки аптекарскую резинку.

Он натянул её и опробовал, и поиграл ею. Девушка, кричавшая громче других, не сразу хватилась. Она пожирала огненными глазами Метателя и стучала кулачком по столу, так что прыгали её тетрадки и учебник.

Мечтательный натянул резинку на двух пальцах, пристроив к ней стилос для писания, и – хей-хоп! в портрет полетел снаряд куда более опасный, нежели жёваная бумага.

Адепты Метателя сразу оценили новую технологию войны и вскоре из всех концов класса в портрет летели стрелы. Так как степень точности была разноречива, не все попадали в цель. Соответственно там и сям разгорелись свежие драки.

Мечтатель в этом не принимал более участия, ибо он сидел, согнувшись и закрывая голову раскрытыми пальцами, как шлемом, а над ним сидела девушка, бившая его нещадно всеми предметами, которые попадались ей под руку.

Громкие голоса, комментирующие события, летали вкупе со стилосами, и придётся отметить, что иные словесные стрелы разили острее материальных.

Тем не менее, удачных попаданий насчиталось предовольно, что сказалось на состоянии портрета.

– А что за портрет? – Опять спросил Джонатан.

На него посмотрели. Рядом с рассказывающей Лис теперь стояла неизвестная молодая женщина, подошедшая во время рассказа. Но посмотрел на него один из стражей, поднявшийся с первого этажа. Лис, не прерывая повествования, погасила взгляд и тот отошёл.

Лис быстро удовлетворила любознание Джонатана, чтобы он не встревал, и продолжала.

Джонатан тихо охнул, хлопнул себя по лбу и выгнул губы, но заметив, что страж не ушёл, спешно соорудил из своих выгнутых уст фигуру немислимую.

Даже Лис удивилась, а страж, пожалуй, принялся подозревать лугового короля в чём-то неладном.

– Ах, как я раньше... – Выпалил Джонатан и шепнул. – Умоляю показать портрет.

Лис не ответила. Она сообщила, что в тот момент, когда битва с портретом достигла наивысшего восторга, дверь раскрылась. И на пороге – о, духи местности, прозевавшие такую накладку! – стояла, увы, не только одна добрая учительница, но и какая-то посторонняя фигура, и на лице фигуры тотчас при одном не менее метком, чем все стрелы, взгляде, изобразился ужас и, как ни странно, почему-то удовольствие, будто бы в жаркий день фигуре подали холодного и жирного мороженого.

Почему-то фигура подошла в медленно вновь спускающейся тишине к распахнутому окну и, не обратив внимания на побитого Мечтателя и растрёпанную девицу, жадно выглянула во двор. Засим фигура двинулась обратно к порогу и, вынув из рук опешившей учительницы тетрадь, молвила:

– Вот... а вы пишете, что за окном никто не ходит. Теперь многое становится понятным.

Тон фигуры, хотя и говорившей еле слышно, был самый неприятный, и ученики – они сразу в них превратились из разгневанных бунтовщиков – тоже это почувствовали.

Засим всё закрутилось неистово. Никто опомниться не успел, как новое лицо вызвонило по Внемиру, вытащенному из портфеля, кого-то и выслушало указания, кивая в такт. Следствием оказалось появление у крыльца всех виденных Лис и Джонатаном машин и джуни.

Само лицо удалилось, сказав на прощанье что-то такое, отчего директор, тот утопленный в джуни тигр, сунул руки в карманы, будто надеялся извлечь оттуда решение проблемы. Сюжет нарисовался нехороший.

Приключение в сельской школе подействовало на Джонатана так: он задумался, и это состояние продолжалось, причём, перебивалось странными звуками (приличными), вроде король коротко всхлипывал. На самом деле, это был смех, который Джонатан считал необходимым сдерживать, что получалось у него не слишком удачно.

Вдобавок, знакомый страж Лис оказался ужасным болтуном. Сначала Джонатан не смел его прерывать, ведь страж пропустил их и вообще вёл себя чрезвычайно любезно. Кроме того, Джонатан надеялся услышать что-нибудь относительно происшествия.

Сопровождаемый стражем, он поплёлся по этажам здания. Страж болтал так, что Джонатану, который сам умел навернуть языком и подвергался по этому поводу неоднократно остракизму в домашнем кругу, стало казаться, что мимо идёт поезд.

Джонатан изредка отключался, пока речи стража текли, как невозбранный ручей, ответвившийся от взбунтовавшейся канализации. Затем речка натыкалась на какую-нибудь шишечку, которую она принималась вертеть да крутить. Это происходило, когда крепкое колесо мыслительной машины стража, апробированной впервые ещё в те времена, когда дубинки были, и впрямь, дубовые, не застревало в колдобине чего-то, что он не мог «упомнить», как он выражался. Чаще всего мешало какое-нибудь имя или дата – вещи, на взгляд молча страдающего от звука стражева голоса короля, несущественные.

Но страж полагал иначе и, пока он не выковыривал нужную деталь из своей глубинной памяти, далее колесо двигаться не хотело. Из-за этого и вполне ровная дорога размышлений Джонатана аварийно перегораживалась, и король невольно погружался вместе со стражем

в многочисленные «как там» и «дай чёрт памяти», а мычание стража действовало на слушателя, как самое настоящее мычание – словом, при такой фонограмме думать невозможно.

Впрочем, утверждать, что мысли Джонатана отличались логической стройностью, значило бы сильно преувеличить. Поэтому, когда страж вновь завёл тяжёлые маленькие глазки в потолок, повиснув всем круглым телом на гипотетическом штурвале, уносящем его лодку за госграницу, и затянул скрипучим баритонцем:

– Ну да, как его... ещё он бороду отрастил, вот бородачи-то... – Джонатан весь издёргался и мученически воззрел в окно, где мирно дремали холмы, привалясь друг к дружке лбами. За всё время происшествия с ними ничего не случилось, и они не сошли со своих мест.

Тут страж припомнил, с победным вскриком, единственно верное слово, которое вздохнувший с облегчением король пропустил мимо ушей. Мы так часто делаем, а вот правильно ли это – вопрос.

Позднее он мучительно восстанавливал в памяти болтовню круглого спутника, но вспомнить то, что следовало, не сумел.

Страж заговорил о какой-то гиблой прогалызине у холмов на севере.

Знакомый лишенец, проживавший тут в былые времена, возник в повести стража в связи с делом, которое ему пришлось вести.

– Вот влип, так по самые. – Молвил с чувством страж.

Джонатан вздрогнул и оглянулся – но Лис куда-то делась. Она отстала, но нечаянно или нет, неизвестно. Страж сочувственно глянул исподлобья.

– Что, подружку луговые унесли?

Сказал он это вкрадчиво и так непохоже на себя, что Джонатан в упор посмотрел. Лицо стража, вроде тщательно очищенной картошечки, ничего такого не выразило, что и водится за картошечкой, и король успокоился. В конце концов, он слишком чувствителен.

Под конец ему удалось справиться с канализацией. По невольной связи явлений, сказав, что ему нужно...

– Простите, я...

С этими словами он поспешно пошёл прочь, пользуясь преимуществом, какое дают длинные нижние конечности.

Вслед ему понеслось:

– Справа... мальчик нарисован. И там крантик не перекрути. Слышь? У них в школе нету денег. Им субвенцию теперь урежут... знамо дело.

– Урежут, как пить дать. – Услышал он впереди эхом оклик и остановился. Эхо прозвучало нежно и совсем не походило на звуки, извлекаемые из стражевых связок.

Возле комнаты с соответствующей пиктограммой стояла Лис.

При виде Джонатана она отошла в сторону, показывая, что никогда никому не преграждала путь.

Король стыдливым жестом отверг помощь и, тут же постыдно озираясь, принялся жаловаться.

– С трудом я от него.

Лис ему не посочувствовала, нет.

– Ну, если тебе никуда не нужно...

Джонатан уже видел себя за тяжёлыми воротами школы, прямо-таки любовался своим, так сказать, силуэтом – вот он есть, а вот ушёл.

Лис задержалась в темноватом коридоре. Она рассматривала портреты на стенах.

– Хочешь усыновить хорошего мальчика?

Лис не отвлеклась от своего занятия.

– Нет, отправлю адрес её величеству.

Она вела пальцем по стене. Джонатан решил помириться.

– Ищешь того, кто лучше всех учится.

– Того, кто здесь никогда не учился, Джонатан.

Она повернулась.

– И не будет учиться.

Она сорвала со стены фото, и Джонатан сделал удручённое движение, трусливо оглянувшись. Ему показалось, что болтливый страж выглядывает из-за колонны.

Лис спрятала фото в собственном одеянии. Закопослушный Джонатан потупился и украдкой глянул – фото исчезло, Лис с непринуждённым видом шла к лестнице. Джонатан ещё помедлил, рассматривая стенгазету – она посвящалась эндемичным растениям местности.

Джонатан вслушался в собственные ощущения. Его талантливый, как у всех джентри, нос унюхал тонкий волнующий запах.

Подвал газеты занимала статья о вреде курения, и былинка недоброго растения, сулившая преступившим правила возмездие богини здоровья, была распята на листе, как преступник.

Лис насмешливо прочитала первые строчки подвала и негромко заявила:

– Вот наглость.

Так как Джонатан не вполне понял, она сочла нужным пояснить, чуть понизив голос, что не укрылось от короля:

– Все табачные плантации принадлежат одному знатному вызывателю дождя, чей статус так высок, что он объявлен непогрешимым уже сейчас в земной юдоли, хотя обыкновенно джунни сначала казнят непогрешимых. Но тут, как видно, исключение.

– И верно. Должен же хоть один непогрешимый получить удовольствие.

– Этот табачный господин – большой друг нашего портрета, поэтому несомненно, что он примет участие в событиях.

– Ты хотела сказать, проявит участие?

Лис процедила сквозь мелкие зубки:

– И так можно сказать. Пошли-ка, зайдём в учительскую. Это на втором этаже, на крестовине.

– А что будет с... – Спыхватился Джонатан.

– Ты имеешь в виду зачинщика? Он уже сдал учебники в школьную библиотеку. Родители его забирают.

На плакате нарисовали девочку, которая говорила в облачко текста:

«Мама, застегни мне курточку под горлышко».

Джонатан неуверенно тронул в незастёгнутом вороте шею. Он поднял взгляд и прочёл высоко на стене огромный заголовок плаката:

«Чувствуешь себя неуверенно? Тогда учи правила».

Лис заметила, что Джонатан застыл на ступеньке лестницы, и окликнула довольно сердито:

– Ну, что ещё?

У Джонатана было свойство, о котором знали его друзья (пальцы на одной руке двупалого жителя восточных лесов) и враги (разувайтесь, господа). Он плохо разбирался в пространстве, не мог найти ни широкую дорогу в городе, ни узкую тропку в лесу и, когда ему говорили, куда идти, всегда шёл в противоположном направлении. Достаточно было ему оказаться с другой стороны дома, который он искал, как Джонатан начинал покрываться испариной от напряжения мысли и чувствовал полное интеллектуальное опустошение, пока кто-нибудь не брал его за безвольную руку и не отводил напрямик к двери с вывеской.

Джентри довольно добры... иногда.

Король смущённо отступил и сказал, опуская руку на перила:

– Ничего, ничего... учительская, верно.

Лис ткнула в него пальцем.

– Учи правила.

Она ещё раз его оглядела. Она не боялась обидеть короля. Джонатан с тех пор, когда ему минуло столько лет, сколько юному Метателю, пребывал в уверенности насчёт совершенства собственной особы.

И сбить его с толку непросто – ведь зеркала распространённое явление в мире джуни. Что касается внутренних даров, то Джонатан вооружён ещё опаснее – он переполнен насмешками относительно этих самых даров, хотя это и может показаться логической неувязкой.

Смеяться над джентри, который отвечает радостной, почти идиотической улыбкой на издёвки, – потеря времени, вещества странного и страшного.

В учительской воображение короля, но не Лис, было затронуто обилием бумаги на стенах. Создавалось ощущение, что помещение оклеено оградительными заклинаниями. Джонатан вспомнил, что они находятся в более цивилизованной эпохе, где заклинаниям не верят. Или в менее цивилизованной – это кто как судит.

Джонатан попытался извлечь издалека содержание одной из бумаг, прибегнув к особенностям зрения джентри. Он поморщился – в этой системе координат даже обыденные способности давали сбой. Всё же ему удалось узнать, что кому-то предписывается принять меры.

Он сдался и приблизился к заинтересовавшей его бумаге, помеченной важным грифом – очередное гибридное животное агрессивно сидело на подобии трона, в котором не сразу Джонатан признал земной шар.

В связи с тем, что – говорилось в предписании, – среди подростков распространилась игра «Живи или сдайся», заключающаяся в перебегании проезжей части в самой непосредственной близости от проезжающего средства, обучающим предписывается принять в отношении обучающихся меры для пресечения, как-то: беседы воспитательного характера, беседы угрожающего характера, вызов опекунов обучающихся, символическое отстранение от обучения, символическое предание позору на общем сборе обучающихся, символическую казнь обучающегося в целях морального воздействия.

В отношении обучающихся, в случае, если не будут достигнуты результаты, принять те же меры, но не символического характера, за исключением особо жёстких мер воздействия.

– Простите...

Джонатан так зачитался, увлечённый ладно и крепко выраженной основной мыслью, что нечаянно толкнул кого-то, не замеченного сразу.

Тот, кого он толкнул, спокойно обернулся и в высшей степени приветливо ответил:

– Простите...

Такова ритуальная форма улаживания конфликта, принятая в этом мире. Но в словах, а паче того, в голосе ответившего ощущалась неподдельная искренность, и особенно то, что действовало даже сильнее формальной фразы – ответивший испытывал иронию в отношении мелкой ситуации, себя самого и Джонатана.

Джонатан оглядел его. Как можно не заметить такого джуни, даже если бы пустая учительская была битком набита, он теперь не мог уразуметь.

Очень высокий, извините, нос в нос Джонатану, который, как и все джентри, не всегда мог откорректировать свой рост в чуждой, в общем-то, среде, прямой и широкий в плечах, неизвестный привлекал внимание даже не этими природными дарами.

Как уже отметил Джонатан, пострадавший от столкновения был необыкновенно спокоен, хотя и не был счастлив. Чёрные его глаза, чернее густых прямых волос, аккуратно приглаженных над благородным лбом, смотрели печально, и оттого его участливость казалась особенно выразительной.

Такой фигуре следовало бы явиться в белой раздуваемой отсутствующим ветром рубаше, в узких бархатных штанах и высоких сапогах, которые подчеркнули бы особую силу его ног бегуна или атлета.

Так как Джонатан слегка растерялся, то, не зная, с кем он говорит, не нашёл ничего более подходящего, чем кивнуть на бумагу и сказать:

– А?

Он тут же понял, что обратился со своими впечатлениями не к тому джуни. Тем не менее, тот предупредительно отозвался на никчемный возглас незнакомого и, очевидно, прилипчивого гражданина. Он взглянул вопросительно на Джонатана, тут же на бумагу с гибридом, быстро и очень цепко прочитал текст, который прочитать сходу было не так-то просто, и, кивнув, повернулся к Джонатану:

– Если не они сами придумали эту игру, я в них разочарован.

Джонатан вгляделся, как ему казалось, незаметно. Странный джуни... джуни?

– Ух, ты. – Вырвалось у него, он смутился.

Вдобавок, ему показалось, что это малоприличное восклицание и вовсе неуместно. В глазах черноволосого теперь он явственно увидел печаль такой глубины, что странно, как она не поднялась и не поглотила взгляд его, сильный и спокойный.

Незнакомец неуловимым кивком дал понять Джонатану, что – ничего страшного, он не обижен, хотя и печален, это точно. И он был вроде как благодарен Джонатану, но за что?

Королю он показался безумно знакомым, но виденным не на улице, не мусор выбрасывающим, и вообще не в житейщине. И отчётливее стало чувство, что человек переодет.

Джуни ещё раз кивнул, окончательно прощая Джонатана, и отошёл в сторону, дав понять, что общение было, но – окончено.

Джонатан отвернулся в поисках поддержки и обрёл её в лице Лис. Она стояла в углу возле какого-то расписания и не заметила происшедшего.

Джонатан неуверенно подошёл к ней. Он дождался, чтобы она нашла что-то важное в расписании, и вопросительно взглянул ей в глаза. Лис взглянула в направлении, которое указал Джонатан плечом. Потом на самого Джонатана.

Джонатан увидел, что в учительской нет никого, кроме них, а разве луговая нечисть считается?

– Странный тип...

Лис сказала, снова поднимая глаза к росписи:

– Он потерял ребёнка.

Джонатан подавился воздухом.

– В смысле, его отняли. – Пояснила Лис. – Он его искал долго, а теперь работает в школе.

Она пошла к выходу, и Джонатан потащился за ней, чувствуя смутную вину, но в чём он виноват?

Он не испытывал желания говорить об этом, и, к счастью, Лис тоже. Вместо этого она вытащила из-под локтя свёрнутый рулон изодранной бумаги. Она отступила так, чтобы глаз камеры из угла не дотянулся, и показала, развернув, уголок.

– Что скажешь?

Джонатан охнул. Он мигом забыл про переодетого пирата.

– Впечатлён, писательница.

– Это знамение.

– Знаю.

Вышли из занятой стражами школы невозбранно. На спуске Джонатан задумался и остановился, хлопнул себя по лбу.

Лис следила за ним. Из отъезжающей машины тоже глянул острый глаз, и машина собралась притормозить.

– Понял?

– Они устроили школу в упавшей башне.

Лис зачем-то намотала прядь волос на ушко.

– Джонатан, ты не потерян для логики.

Джонатан на эту дежурную и вполне равнодушную учтивость отозвался неожиданно – глаза его сверкнули, а подбородок выдвинулся от еле сдерживаемого смеха.

Лис мельком скользнула по этому непрошеному изобилию и вдруг вернула всё внимание его величеству – лиловые драконьи глаза так и впились в картинку. Смех дрожал в сомкнутых коротких ресницах короля, схваченная силками и пытающаяся притаиться птица.

– Ты чего? – Подозрительно молвила она и кашлянула.

– Для логики, говоришь?

Джонатан ликовал – в кои-то веки (а, в самом деле, сколько мы знакомы?) на кукольном личике маминой наперсницы проступила растерянность, и оттого оно неуловимо изменилось: подтаял строгий овал, будто художник, спохватившись, затёр слишком правильную карандашную линию, и гладкая кожа подёрнулась сиянием.

Неужто?

Джонатан не верил себе.

Лис теперь сделалась похожа на то существо, которое джуни любят изображать либо в ветвях дерева, либо на камнях у пруда – и всегда неточно, призрачно, хотя эти стервецы владеют зеркальными штучками превосходно, чуть ли не лучше, чем джентри.

Да, так повелось – тот из джуни, кто рождён под зеркалом, умеет изображать действительность с поразительной точностью. Многие из джентри скептически относились к их способностям, но когда один из наиболее презрительных увидел нарисованную джуни веточку в стеклянной банке, то насмешка зримо застряла у него в зубах.

Правда, возможно, это была всего лишь травяная приправа, поданная во время изысканного приёма по одному важному случаю в истории джентри.

Что касается зеркала, то это, конечно, не зеркало. Один из дисков, в незапамятные времена выскользнувший из распределительной коробки и улетевший в открытое безвременье. Под влиянием веющего ветра свободы и собственного содержимого, он расплылся и утратил округлые очертания.

Теперь он мотался в глубине за Балконом и отражал в своей нетускнеющей поверхности ракурсы мира в нерегулярной последовательности.

Джентри не ревновали и не завидовали джуни. Пожалуй, им даже льстило, что их собственные создания в чём-то превосходят их.

Вот и сейчас Джонатан сразу прикинул, любясь забавным преображением Лис, кто из детей зеркала смог бы передать такую диковинку.

Но эти милые дела продолжались мгновение.

Они спускались по круто сползающей к хмурому океану улице, пока не добрались до поворота. Говорили они о том, что видели, как первые поэты джуни. Лис указала на большой магазин, чьё стеклянное тело манило свершающейся внутри тайной.

– Выстроил один из городских магнатов.

– Из тех, что всё украл, кроме самого себя?

– Работает без выходных.

Ответ Лис прозвучал двусмысленно, но она говорила о магазине.

Джонатан нахмурился.

– Но ведь один день у них исключён, кажется?

Лис засмотрелась, и апрельская звезда пустила длинный блик со слезинкой из её прищуренного глаза.

– Им давно объяснили, что этот день вымысел. Но старинный счёт на десятку сохранён ради семейной традиции... День Врат, или иначе Кошачий День, описан в фольклоре. Учитывая способности джуни к описанию действительности, всё это весьма правдоподобно.

– Ещё бы. – С чувством согласился король.

Сборник сказок Младших имелся в каждой уважающей себя семье джентри. У ребёнка должны быть – книжка с картинками и большой медведь. Такова традиция. У Джонатана имелось и то, и другое. Хотя, как мы помним, у него также была целлулоидная белочка.

– Но наукословы объясняют этот образ потерянного дня обильной фантазией предков.

Джонатан пробормотал что-то о предках джуни, которым, конечно, нечем было заняться – знай, обильно фантазируй на отвлечённые темы в перерыве между выковыриванием червяков из-под камней и битьём соседа по башке палкой с целью развития чувства социума.

Лис возразила:

– После потопа джуни вовсе не так долго ковырялись под камнями. Десять тысяч лет, и они снова на коне.

– То есть в пикирующем бомбардировщике.

– День был засекречен значительно раньше... тебе известно. Правда, у них сохранились устойчивые городские предания, да и голова иногда пошаливает после пропавших суток. И, Джонатан, – поспешно сказала она, показывая узкую ладошку в целях самозащиты, – все ваши с разведкой шутки насчёт вчерашнего мне уже известны.

– Да?

Она заверила:

– Я перепись составила. Для городских преданий.

Джонатан смирился.

– Джуни всё это покажется фантастичным. Рано или поздно.

– Во все нет, – возразила Лис с обыденным спокойствием, – у них вот давеча украли выходной. Там принято с давних пор, что если праздник приходится на воскресный день, то им в знак уважения к Судьбе, бросившей кости столь милостиво, разбавляют будни для удовольствия черни. В этот же раз твоя милая троица, укравшая все булавки мира, отчего-то так не сделала. Это вызвало обиду помянутой черни. Так как среди неё имеются джуни весьма извилистые на язык, то и шуток оказалось по зрачки. Главное же, что джуни сочли это вызовом Судьбе, чья милость была отвергнута, и со дня на день теперь те из них, кто разделяет такое воззрение, а таких большинство, ждут отмщения.

– Ну, да, я бы тоже рассердился, укради кто мой выходной. Придётся лишний раз сунуть будильник под подушку, холодно и обидно.

– Так что фокусничанье с часами для них не в новинку. – Не слушая, закруглила мысль умная Лис.

Джонатан щедро отъехал от Внемира и сложил руки на животе. Остролицый посмотрел на его туфли.

После вылазки, обогатившей Джонатана по части особенностей обязательного образования в мире джуни, наследник вспомнил, что его ждут в другом месте.

– Что в мире происходит?

Джонатан подумал.

– Кошка спасла щенка. Она шла по своим делам, в ямке щенок. Так она мимо прошла, а потом вернулась и вытащила его из ямки.

Остролицый промолчал, потом взглянул холодно.

– Тебя удивляет, что у кого-то в этом мире есть совесть?

Джонатан, молча, вылупил круглые глаза, фыркнул и взмахнул руками.

– Что тебе опять не нравится? Что я сделал не так?

– Ты к Внемиру так близко не сиди. А то подмётки сорвёт.

– Ты боишься, – успокоившись, ласково сказал Джонатан, – что я тебя не вытащу из ямки?

Остролицый мрачно взглянул.

Джонатан поднял обе ладони.

– Ты ничего не боишься.

Остролицый помалкивал.

– Откуда ты вообще взял, что я плохой?

– В каком жанре ты хочешь ответ? Тебе сагу или так, сказочка сойдёт?

Джонатан хотел ответить нравоучительно, но заметил кое-что и захлопнул пасть. Только сейчас он увидел, что остролицый вырядился в свою старую форму. Штанцы очень выразительные. В таких хорошо на огороде баньку ставить. Так он сказал. Остролицый, разумеется, ответил:

– Смотри на пейзаж, эстет.

Джонатан на справедливое указание хмыкнул и зарезал расследование на корню, но пару раз ещё взглянул. Глава разведки очень редко носил военную форму. Ну – очень.

Впрочем, может ему зябко. Он же у нас худенький.

Необыкновенно холодный и ветреный апрель в этом году. В тот же день, когда Джонатан и Лис побывали в школе, где был застрелен портрет, в комнате, облюбованной королём, той самой, где рассвет поджёт блик на каком-то предмете, король выслушивал вечерний доклад переодетого в потёртый полевой мундир начальника разведки.

– Взаймы у марта взял, что ли? – Проворчал Джонатан, успевший забыть, как мысленно язвил по поводу остролицего. Он даже поёжился.

Но на самом деле ему нравилась такая погода – он и раньше говаривал: хлад летом – соль бесплатно. Для зимы имелся дубликат этой сомнительной мудрости.

Маршрут, который обозначил остролицый, тоже был вывернут наизнанку. Сначала Джонатан вообще не хотел никуда идти, но остролицый проговорил несколько слов в самое ухо Джонатана, и тот, выслушав, с грохотом спустил ноги на пол.

Он даже не сострил по поводу такой излишней интимности, а кроха-брауни в углу комнаты изныл от любопытства.

Пока они выбирались наружу и шли краткой дорогой, которая, как водится, показалась королю нескончаемой, Джонатан болтал без умолку.

– Ты бы булочку купил. – Перебил его остролицый, останавливаясь и отводя ветку, подчеркивавшую его подбородок так, будто голова отделилась от шеи.

Джонатан сначала опешил.

– Ты кушать хочешь, что ли?

Остролицый усмехнулся и сделал рукою подсаживающие движения. Джонатан надулся – он понял, что друг намекает ему совсем не по-дружески на его особенность. Он, несомненно, имел в виду старую историю про ребёнка, нашедшего путь с помощью такой вот несложной ориентировки.

Сговорились они с Лис?

Месяц-улыбка держал призрачный шар луны.

Лес пятился от луга долгие века и всё не мог убедить свою малышню – тонкие побеги молодых деревьев, – что связываться с лугом нечего. Тщетно!

Почти правильный круг закрученной травы манил белых малолеток, и осинки, дрожа, подбирались к самому крыльцу – лежалому валежнику, в коем они с трепетом угадывали нечто жутко знакомое.

В стороне у речки кто-то из джуни жарил мясо. Далеко угадывалась первая городская постройка, от которой приятели отошли изрядно.

Ароматный дым – столь приятный ноздрям хищников, в которых превратились джен-три – разрастался голубым деревом, пятная неясную белизну стены тенью, необыкновенно приятной.

Остролицый сказал, что им нужно идти на луг. Помедлив, он добавил: «Тот луг».

Джонатан понял его без уточнений, но собравшись спросить – зачем, собственно? – вопрошание отменил.

Зачем приходят на луг?

Не сразу переступив порог из страшного валежника, Джонатан оглядел едва приметно заволновавшийся при их появлении круг травы. Луна освещала каждую былинку от и до. Всякое средокрестие и обломок нарисовались, окружённые собственным эфирным тельцем. В целом, картина малоподходящая для некрепкого разума.

Между травинками кто-то шнырял. Джонатан проследил движение и содрогнулся. Отчётливо шевтнул тонкий и гибкий хвостик – совершенно чёрный и очень гибкий. Мелькнуло небольшое рыльце, и луна спокойно, как переодетый пират в учительской, показала маленький злобный оскал – целая игольница длинных белых игл.

Остролицый гаркнул, так что король подскочил:

– А ну.

Существо кинулось и заюлило, но остролицый зашипел. Оно тоже издало какой-то звук, от которого сразу поникло несколько былинки – они завяли, сломались и осыпались серым порошком праха.

Джонатан увидел только след убегающего создания: трава испуганно расступалась и тропинка пробормом пролегла среди густых зелёных волос луга, портя правильный круг.

Наконец, где-то вдалеке угастро шуршание, и звук лёгкой побетки, неуловимо отвратительной, запутался в живом гуле реки и взрослого леса, который было не так-то просто напугать.

Остролицый сразу потерял интерес к побегу. В полной лунной тишине он сунул руку в карман.

Джонатан отошёл в сторону, стараясь сосредоточиться – он понял, зачем глава сыска приволок его сюда. Он вздрогнул. Ему показалось, что существо, враждебное луне, вернулось и смотрит на него с дерева.

Но тут лунное полукружие сдвинулось, заметно располнев – очевидно, остролицый торопил полнолуние. Скоро белый круг в небе и призрачный луга совпадут.

К дереву, единственному из солидных обитателей леса, решившемуся приблизиться к линии запрета, кто-то приколотил фигуру из раскрашенного картона. Это был огненно рыжий бородатый джен-три, как их себе представляли джуни. В руке он сжимал золотую гитару.

– Не смотри. – Тихо сказал остролицый.

Джонатан медленно повернулся к нему.

– Гитара... не смотри на неё.

Джонатан вспомнил историю музыканта, отправившегося на состязание. Призом служила легендарная гитара, по преданию принадлежавшая самому Вестнику. Все хотели её выиграть, и выжимали из собственных все мыслимые созвучия.

Музыкант, тогда никому не известный, конечно, тоже не отказался бы от награды, хотя пришёл сюда не только ради неё. Когда пришёл его черёд выступить и спеть собственную песню, кто-то сказал ему:

– Не смотри на неё.

Музыкант быстро оглянулся, но выяснить, кому принадлежал голос, не смог. И вообще странно, как в таком гаме можно быть распознанным, но голос отличался необыкновенной звучностью. Никто, кроме музыканта, его не слышал. Амфитеатром располагались раскрытые вопящие рты – последнее выступление пришлось по вкусу.

Похоже, никому из них не пришло в голову давать советы. Тем не менее, он ему последовал, этому совету. Или что это было.

К слову, ему это не стоило труда. И всё же...

Он оказался единственным, кто во время своей игры ни разу не посмотрел на выставленную на стуле гитару. Говорили потом, что он даже и не подумал о ней – тоже ни разу. Но это, конечно, чистой воды теория – в чужие мысли проникнуть невозможно.

Гитара досталась ему, и он никогда на ней не сыграл ни одной ноты. Он не объяснял, почему... скорее всего, он любил собственную.

Но он взял награду.

Джонатан мигом всё это припомнил – эта история тоже напечатана в его книге сказок. Он взглянул на остролицего. Непонятно, шутил он или просто пытался навести тень на плетень.

Тени, кстати, все исчезли. Джонатан понял, не поднимая головы, что над ним светит гигантский круг луны. Полнолуние состоялось.

Всё вокруг было пронизано её жёстким, как звук первой классной гитары, сиянием.

Луг трепетал и приподнимался к небу.

В воздухе, который был ни дневным, ни ночным, повисла морось. Это с травы поднималась пыльца. Она закручивалась столбиками и сгущалась, рассеиваясь там и сям. Явление не из разряда хаотичных. Джонатан видел, что цилиндр пространства, соединивший небо и землю, полон букв и цифр, написанных сверху вниз и снизу вверх, и сбоку набок. Строчки пересекались, создавая новые. Но был ли текст связным? Джонатан, как всегда, попробовал разобраться, хотя и знал, что проще удариться головой в стену.

Он вовремя остановился – научен опытом, – но голова всё же чутка заболела.

– Напоминает мне, – неспешно заговорил остролицый, – свинцовый снег, который сейчас выпал на экваторе Незнакомки.

Джонатан слегка ему позавидовал – он там не бывал за всю историю Хождений. Он мельком глянул, надеясь, что разведка не заметит. Но в таком небе разглядеть что-нибудь, кроме того, что луна необычайно велика и ярка, не в тему.

– Тебе известно, что джуни приделали к скафандру для высадки на чужие планеты фотонный палец?

– Зачем?

Джонатан досадливо моргал. Слишком сильный свет.

– Чтобы осязать. – Пояснил остролицый. – Они ведь в скафандре ничего не чувствуют в реальном мире. Приходится им полагаться на показания приборов.

– Ужас.

Джонатан попытался представить, каково это – ощущать себя машиной?

– Молодцы они, однако.

– Белые дыры космоса они не могут увидеть даже с помощью приборов.

– Да, тут палец не поможет.

– Они могут их только представить.

– Не представляю.

– Я тоже.

– И ты? Я думал, ты наилучший спец по джуни.

Фраза почему-то разведке не понравилась. Он замолчал. Джонатан видел, что буквы стираются, и воздух обретает покой.

– Нам бы пора. – Сказал он чуть ли не просительно. – Всякий раз, когда мы торопим полнолуние, кто-то из них может увидеть, что солнце идёт в обратную сторону.

Остролицый высокомерно заметил:

– Переживут. Пусть думают, что это после вчерашнего.

– Ну, что ты. Они уважают солнце.

В этот момент что-то с силой сверкнуло – видать, то маленькое зеркальце на луне, которое оставила там одна их общая знакомая, поймало блик и решило пошалить. Какова хозяйка, таково и зеркало. То есть, наоборот.

– Зачем они называют все тела в небе? И даже материка и острова, которые им удаётся там рассмотреть в свои трубы?

– Ты меня спрашиваешь?

– А тут кто-то есть, кроме тебя?

– У них куда более странные привычки. Вообрази, у каждого из великих, управляющих народами джунги, имеется потомство.

– Это, по-твоему, странно?

– Нет.

– Потомство тоже великое?

– Быстро учишься, король. Заняли все места, которые хоть чуточку повыше. Словом, на каждой ветке сидят.

Джонатан зачем-то посмотрел вверх. Остролицый поинтересовался:

– Ты глаза закатил?

Джонатан, оставаясь в точно описанном состоянии, согласился:

– Ага. – Он вернул глаза на место. – Я вот о чём подумал... а у полувеликих, которые при великих, тоже ведь...

И Джонатан сделал укачивающее движение.

– Потомство?

Остролицый, не меняя угрюмого выражения, сказал: «Ха. Ха». И хлопнул себя свободной рукой по коленке – стоял в позе жиголо. Джонатан поморщился – острые колени-то.

– А поскольку у джунги теперь демократия и просто так брать деньги нельзя, все эти господа должны где-то работать. Как ты сам понимаешь, не все из них играют на гитаре. Поэтому все должности при великих зарезервированы на все четырнадцать пунктов табеля о рангах и на сорок один нового табеля.

Джонатану вспомнился вид заработка, о котором они узнали во время Хождений, застряв на одной из линий. Там, как выяснилось, некоторые из доминирующего вида продавали собственные наследственные штаммы бактерий и новенькие вирусы, созданные их организмами.

Джонатан сначала не поверил, но его заверили, что дело вполне легальное, более того, почётное. Постоянные дарители имели персональные значки, и даже ряд привилегий. Речь шла о тех, кто не брал вознаграждения ходовой монетой.

Остролицый тогда немедленно купил за подобную монету газету, и опытно заливая костлявым пальцем толстый воскресный выпуск, показал недоверчивому спутнику.

Поражённый Джонатан прочитал на завёрнутом в четвертушку листке набранное под рубрикой «Те, кто делится самым дорогим» сообщение о том, что знаменитому дарителю имярек исполнилось десять десятилетий и общественный комитет решил отметить его заслуги перед обществом поездкой на Охоту в дикие дебри.

– Что это означает? – Спросил циничный Джонатан.

– Поездку на Охоту в дикие дебри, буквально. – Насмешливо глянув в самые глаза короля, пояснил остролицый. – А ты что подумал?

Джонатан пристыжено замолчал.

Имена у доминирующих были составные, отражающие сложный статус и положение носителя в пищевой цепи. В этом случае Джонатан увидел трёхэтажную пиктограмму, в знаменателе которой угадывались челюсти, в числителе условное изображение вроде как птички в клетке, а в соединителе сундук с приоткрытой крышкой.

– А чем он торгует? – Решился спросить Джонатан.

Он был не силен в языке, и разобраться с газетной заметкой ему помешал скудный лексический запас. Остролицый назидательно молвив:

– Учиться, ваше величество. – Смилоствовался и шаркнул по заметке единым взглядом, будто сбрил содержание.

– Это один из самых древних штаммов, очень редких. Немудрено, ведь даритель происходит из семьи кровников, то есть, тех, кто хронически близок к абсолютной власти. Вроде очередника на жильё. Вам это должно быть понятно, как никому, ваше величество.

– Да, но в чём заключается польза этого штамма?

Остролицый так и вёлся в него глазами – но очень ненадолго.

– Вирус вызывает желание локализоваться в уголке личности и уступить место новой.

Джонатан замолчал.

– Ну, так пошли? – Нетерпеливо воззвал остролицый, и осторожно вытащив газету из пальцев короля, бросил её на скамейку, где ею сразу завладел один из недоминирующих видов.

С дерева осторожно спустился небольшой ящер и уютно устроился на газетной странице, аккуратно подоткнув край под себя длинными интеллигентными пальцами.

Джонатан обменялся с ящером понимающим взглядом, послушно пошёл следом за остролицым, но остановился.

– Значит, за сумасшествие, особенно заразное, здесь платят, и платят дорого. Но кому это нужно?

Остролицый был не склонен отвечать на праздные вопросы. Он торопился увести короля – приближался определённый час суток, когда на улицах города разрешены преступления средней тяжести.

– Значит, кому-то нужно. – Наставительно ответил он, ибо оставить короля и вовсе без ответа – против правил.

Но сейчас, припомнив интересный факт, Джонатан сразу упустил его. Быть может, потому, что смысловой связи между потомками великих людей и взбесившимся аристократом, имеющим право за деньги кусать всё, что движется – не прослеживалось.

Джонатан вспомнил, что у него тоже кое-что есть. Отчего не похвастаться? Он выудил из куртки, и показал ему артефакт из школы, который он украл у Лис. Вернее, он выпросил его в обмен на право рассказать избранным лицам о Хождении.

Остролицый хмуро рассмотрел расстрелянный портрет и, поднимая глаза, буркнул:

– Варварство.

– Да ты что. – Запротестовал король, разворачивая изображение. – Это знамя перемен.

– Баловство.

Остролицый протянул руку, но Джонатан отдернул портрет и с видом собственника развернул на безопасном расстоянии, любуясь.

– Красава.

Они частенько приоткрывали здесь на лугу то одну, то другую дверь. Иногда они приходили на Эрец, когда здесь работало поколение великих испытаний, прибывшее из не такого уж далёкого мира, красного и золотого, помпезного, как старый семейный корабль, на котором они потом переживали катастрофу.

Ну, сказать, что они работали – ничего не сказать. Эти милые парни и девицы, все не старше тридцатника, благодаря которым на планете окопалась чужая раса, успевали и многое другое. Их обуревали страсти, и подглядывать за ними было одно удовольствие. Занимались они своими делишками

Правда, и трудились, следуя своим талантам, граничащим с преступлением. Во-первых, они простодушно присваивали себе чужое наследие, выкапывая золотишко и брильянты. С помощью золота они предполагали улучшить атмосферу собственной очаровательной родины – великого космического государства, чьи границы в космосе издавна чертились с детской непринуждённостью. (Что они делали с брильянтами – неизвестно.)

Во-вторых, они присвоили себе самих наследников.

Именно они затеяли соорудить из людольвов собственное подобие, дабы решить проблему с дешёвым трудом в штольнях и на шахтах.

С этим они просчитались. Созданная раса оказалась либо слишком генетически успешной, либо полным провалом – это как посмотреть.

Разразилась катастрофа, вызванная чрезмерным куражом их чертежей переустройства полюсов. В результате последние из богов остались на Эрец и смешались со своими потомками.

Диск, на котором была записана эта история, чем-то привлекал джентри. В этой классической саге об экспансии и колониализме чувствовалась первобытная правда творения.

Так или иначе, возмездие настигло оккупантов в самой неожиданной и человеческой форме: произошло то, что происходит в каждой семье, куда дети приводят своих партнёров.

Диск, находящийся сразу под Экспансией, записал схожую историю, которая тем не менее, была полной противоположностью.

Там флот с поколением пиратов-романтиков до Эрец не долетел.

Вместо них с территорий космоса, расположенных куда дальше, за Балконом, слетелись стервятники с семи планет.

Но эти две версии, лежащие прямо одна на другой по линии игры, как два слипшихся блина, притягивали болезненно любопытных джентри. Ибо они, представьте, не помнили, на какой из абсцисс появились они сами. Что касается ординат – вертикалей схемы – то с этим образовалась в их науке полная ерунда. Болтовню учёных насчёт полёта стрелы и полного выхода из оков времени и пространства, разрушении самой клетки псевдобытия, ради бытия осознанного – эту болтовню не стоило принимать в расчёт.

Кроме того, Джонатан отдавал себе отчёт, что в сходстве и противоположности версий скрыто упущенное им звено.

Но, может, то была блажь, а Джонатан слишком мнителен.

В каком-то смысле этот мир из пары двоящихся графиков стал их домом. (Они бы никогда в этом не признались. Владения – официальные владения джентри – располагались в безвременье. Обустроили они своё государство вполне разумно – если не считать досадных заворотов с белочками и гастрономическими министрами, проевшими дырки в Слойке.)

Главным для них признавалось другое.

...Знать, что где бы они не находились, они всегда могут вернуться. На той стороне – ха, какие стороны могут быть у отсутствия? – трава на лугу завьётся штопором и штопор откупорит выход в их блаженное безвременье.

К тому же, этими двойниками Слойка не исчерпывалась.

Они бывали в мирах, имеющих начало и конец, границы и предрассудки, с мышами и мышинными хвостами.

А дома всё иначе. Сама его призрачность и вариативность источала ощущение надёжности.

Даже этот луг имел для них особое значение. Они испытывали пристрастие к нему... во всяком случае, они выходили здесь чаще всего. Или им не под силу – сменить место встречи. Быть может, это время установил кто-то другой? Не они?

Впереди сформировался тоннель и в глубине его забрезжил тревожный свет чужого послеполудня.

Они увидели смутные фигуры – крупные, нелепые и громоздкие, переглянулись, но без усмешки. Смеяться не хотелось.

– Только после вас. – Пригласил остролицый.

Джонатан глянул через плечо и нарисовался его профиль в обрывке тумана, который был его дыханием – слишком кислотным для деликатных атомарных связей этого приторного мира.

Здесь их будут называть луговыми, а то и нечистью.

Дух луга уже ждал их, он сразу скользнул прочь... штормовой рёв густой травы и витающий гул насекомых, как дивизии садящихся и взлетающих бомбардировщиков, оглушил визитёров.

А если подгадать правильно, они получали возможность подправить кое-что.

Но не сейчас. Они испытывали головокружение, как всегда, когда входили сюда из ниоткуда.

Снаружи свет и шум создавали ощущение грохота, хотя ветры обвинять не стоило. Не ураган, а лишь поток тёплого океанического дыхания, который джентри всегда слышали, когда шныряли не вдоль, а поперёк линии.

Джонатан вспомнил одну из их совместных вылазок.

Тогда Лис предпочитала, чтобы её называли настоящим именем, данным при рождении, а не тем, которое она криво написала сбоку на своей рукописи. И волосы свои, цвета песка под луной, не красила то и дело в тона тёмные, ночные.

Предмет, когда торопится, становится тяжелее.

Эту неглупую мысль, почерпнутую из собственного суетливого мозга, из той части, где отпечаталась страница учебника вперемежку с шёпотом одноклассников сзади и спереди, и убийственными репликами учителя, высказал, ну, надо же – Джонатан.

– Случайно. – Отрезала Лис. (Она имела в виду, что страница отпечаталась случайно.)

Джонатан насупился, открыл рот, но язвить не стал – Лис была явно не в себе. Во-первых, она не вымыла голову, во-вторых, в чужие мысли полезла.

Правда, её ничего из этого не портило. Волосы она сунула за маленькие острые ушки, и они блестели чуть пыльным золотом. Что касается второго, то Джонатан отчасти сам выболтал свою тайну – упомянул до этого школу, похожую на башню, и что-то про запах мела.

– Ты главное, мел не ешь. – Посоветовал остролицый и вздрогнул: Лис забралась в машину на заднее сиденье и так бумкнула дверцей, будто холодильник пустой наказала.

Остролицый обменялся понимающим взглядом с Джонатаном.

Они ехали в маленькой чужой машине, духота аккуратно заполняла неухоженную покачивающуюся норку. Джентри смутно хранили в генетической памяти все убежища, которые последовательно занимали на протяжении миллиардов лет все предки джуни.

Лис сразу насупилась – стало быть, внутри головы всё в порядке, взгляд двух самцов не пропущен.

– Передай мне книгу. – Попросил елейным голосом разведчик. – Там... ага. Ну, да.

– Ты вот так на допросах третьей степени не разговаривай. – Сказала Лис свежим злым голосом, который никто из её спутников не оценил. – А то нечаянно Патерполис предашь.

Лис укачивало в машинах джуни – это была истина, известная двум самцам. И с этим ничего нельзя поделать. Таблетки и водичка не помогали, а уж насчёт советов сглатывать и дышать ровно и речь не шла. Лис как-то раз ответила на подобное сочувственное вмешательство в таких выражениях, что даже разведчик крикнул, что ли.

Нет, неприличия не услышали. Лис не такая девушка, к тому же, вполне образованна, чтобы заменить качественными литературными блоками ослабевшие от многократного употребления подязыковые штампы.

Разведчик уселся в кресле водителя по госту – спинку стройную впечатал и показал чудесный мужской профиль. Рассмотрев книгу, он спокойно сказал, едва повернувшись:

– Мне страшно неловко...

С этими словами раздался неудобный звук ожившей и возбудившейся от предвкушения езды машины, и все они, включая не успевшего пристегнуться Джонатана, тронулись в путь.

– ...но я имел в виду другую. Извини, я иногда так невнятно... вот, спасибо. Тысячу извинений.

Лис, почти швырнув в лобовое стекло какую-то брошюру, огрызнулась:

– На дорогу смотри, сыскарь.

Джонатан, спасший свой нос – в самом деле, неплохой – поймал книгу и, рассмотрев обложку, вопросительно глянул на водителя, сразу взявшего едва допустимую скорость.

Вместе с ними поехала аллея дубов на востоке и серое побережье слева. Небо в розовом декабрьском тумане, хотя торопился окончиться апрель, запрыгало впереди.

Да, трудно было поверить, что остролицему начальнику разведки вдруг понадобилась инструкция к лётным очкам второго класса, но он ответил на забавную ухмылку короля непринуждённым бесстрашием и сунул книгу себе на колени.

С таким лицом ни одно выражение из учебника разведшколы не кажется нелепым, подумал Джонатан. Его собственная широкоскулая физиономия только в предутренних сумерках могла показаться величественной.

Он тоже повернулся и, стараясь подражать остролицему, молвил:

– Лис, жутко неудобно тебя затруднять, но ты не глянешь... там под сиденьем должна быть моя кепочка с длинным козырьком.

Лис издала протяжный вздох раздражения.

– Перебьёшься.

Однако полезла тонкой длинной и слегка удлинившейся рукой в указанное место. Джонатан забрал потёртую шапочку и, немедленно надев, пояснил:

– У меня в ней глупый вид, и я буду в ней для камуфляжа.

Даже то, что он так нагло подставился под почти просчитанную оскорбительную реплику, не утешило Лис.

– Сразу говорите, что ещё вам нужно, ваше королевское величество луговой нечисти, и ты, властитель филёров.

– Да ничего. – Ответил остролицый, кидая машину вбок, чтобы избежать соприкосновения с дикого вида камнями, громящимися один на другой, как на лежище сытых плотоядных ящеров. – Что ты думаешь о восстании кентавров?

– Ты меня спрашиваешь?

Остролицый даже не глянул на соседа, хотя Джонатан прикоснулся пальцем к собственной широкой груди.

– Тебе идёт шапочка. – Вскользь похвалил он. – Так что ты думаешь, Лис? Получится ли у них что-нибудь?

Лис залилась счастливым злым смехом, разглядев в зеркальце ошарашенного отсутствием солидарности со стороны заговорщика Джонатана. Отсмеявшись, она заговорила напряженным голосом – смех пошёл на пользу:

– Кентавры, единороги, люди... Как же – я помню. Самый глупый из дисков. Придуман двумя сёстрами на вечеринке.

Джонатан тоненьким голоском переспросил:

– Что, роса была хороша?

– Не просто, высшего качества, дорогой король.

Лис вздохнула и еле приметно улыбнулась.

– Там правит злая королева? – Припомнил водила.

– И недурна... когда причепурится, конечно. – Жестоко ответила Лис.
Она изменилась в лице.

– Юных девиц, какие покраше, похищает и держит взаперти. А принцесса Шиповничек сидит в обветшалом замке, окружённом колючими кустами, и дремлет над книжкой.

В машине сделалось так тихо, что даже ветерок залетел и притих – смутился. Лис внезапно сказала:

– Что ж. Нехорошо эти сёстры поступили. Пожалуй, пора им вмешаться.

– А как же свобода выбора? – Неосторожно брякнул остролицый.

Джонатан зашикал, но поздно. Лис усмехнулась.

– Одна из сестёр напортачила. У них нету этой штуки.

Она повернулась к Джонатану. Он умильно улыбнулся. Лис сорвала с его умной головы шапочку и вышвырнула в окно.

– Чтоб не задавал дурацких вопросов. – Низким и страшным голосом объяснила она.

За окном только свистнуло, и в качестве аккомпанемента где-то за горами прогремел гром. Звуки природы заглушили дальнейшие реплики. Когда ворчание сошло на нет, Лис схватила с переднего сиденья бутылочку с водой...

Джонатан простил Лис – главное, чтобы ей стало полегче. Но она снова помрачнела и проныла скучным голосом, трогая прекрасную всклокоченную голову:

– Долго там ещё, следак?

Остролицый проглотил грубость вместо мятной подушечки, которую Джонатан отправил в собственный рот.

– Где мои очки? – Задумчиво молвил он.

Машина виртуозно сыграла пронзительную ноту, обогнув пролетевшую косо вбок маленькую рощу осин. За нею мелькнула пронзительно зелёная в просветах тумана низкая гора. Океан в окнах принялся усерднее лизать берег, намеревался долизаться до легендарного золота из ночного поезда городских преданий джуни.

– Инструкция вот она, но куда я сунул...

Сзади раздался яростный стон.

– Клади место на вещи. – Отрезала могущественнейшая из джентри, но Джонатан увидел (и кивнул водителю), что Лис привстала на колени и обшаривает сиденье.

Потом посыпалось:

– Лис, хочешь конфетку?

– Всё же я думаю, что у них не хватит тямой войти в столицу.

– Лис, глянь, какие козочки. Ах, нет – проехали. Лис, честное слово – они были.

Когда машина, подняв четыре тучки песка, встала, Лис первая открыла дверцу и, не вылезая, толкнула речь:

– Чтоб я села с вами в этот саркофаг. Таких болтливых мужиков нету даже в игре Трёхмерный Звук. А там туалетная бумага говорящая. Дайте обещание, что на обратном пути будете играть в города. И ни слова о восстании.

Джонатан обескуражено брякнул:

– Но мы же для тебя старались.

– Чего?

Остролицый бросил предупредительный выстрел взгляда, но поздно – Лис выпрыгнула из машины, её волосы подхватил южный ветерок и явно наслаждался этими золотыми прядями, пахнущими какой-то тревожной сладкой дрянью: когда отправлялись в дорогу, Лис они забрали с порога её лаборатории.

– А ну-ка, попрошу вас, граждане?

Остролицый сердито буркнул:

– Ну, тебя ведь... тебе ведь делается некомфортно в транспорте, вот мы...

Джонатан, потеряв робость, радостно подхватил:

– Тебя ж мутит и пучит в тачке, вот мы и отвлекали тебя.

Лис слушала, присев на выставившее локтем искривлённый ствол дерево у дороги.

– Вот оно как. – Ласково молвила она.

Остролицый глубоко вдохнул – их учат, – и убедительно проговорил:

– Эй, товарищ, мы и впрямь хотели, как лучше.

– Мы же, как лучше, хотели. – Полез и Джонатан, но натолкнулся на локоть остролицего.

Лис и это выслушала и, вскочив с ветки, пообещала:

– Я вам за добро отплачу, хотелки, раптор чешуйчатый тебе товарищ.

И направилась прочь. Джонатан облегчённо вздохнул – если она грубит, значит, смущена.

А это хорошее чувство, чтобы кто ни говорил.

Он пошёл следом, шагая слишком мелко для своих размашистых ног.

– Лис. Эй, Лисок. Тебе же лучше стало...

Она не оборачивалась.

– Флора. – Тихо позвал остролицый.

Лис прошла ещё пару шагов и остановилась – но король не успел соизмерить свою реакцию, и потому обычное в таких случаях резкое сближение предметов оказалось слишком вольным, учитывая их одушевлённость и стандарты воспитания.

Флора стряхнула его руку.

– Ох, Лисочек... я не тово. Ух, ты.

Она, казалось, не услышала щебетания Джонатана, прозвучавшего не слишком покаянно, и яростно глянула на посмеивающегося остролицего.

– Хорошо, что вы не тычинка и пестик. – Высказался тот, возвращая их к товарищеской непринуждённости.

Мера форм всегда относительна, особенно, если учитывать особенности пространства и времени. Что касается первого – океан за коренастыми бороатыми лесами, похожими на ризеншнауцеров, сбившихся в стаю, приветствовал приехавших в это пустынное место маревом вроде туманного флага. Даже это призрачное присутствие волновало, а то, что воды не видно, хотя она рядом, сбивало с толку – где они: на побережье или на опушке леса.

А вот со временем дело обстояло даже запутанней. Сумерки, навсегда застрявшие в собачьей шерсти, притягивали взгляд, и небо поэтому казалось низким и вечерним, хотя выехали по утреннему холодку, на чём настоял, конечно, остролицый.

В таком примерно духе он и высказался, желая утешить Флору, раздражённую соприкосновением с Джонатаном.

Разговор не был слишком отвлечённым, как могло показаться духам местности, сопровождающим их с культурной неназойливостью. Дело в том, что они направлялись к знаменитому санаторию, в котором очень часто менялись руководители. Санаторий славился своими водами и своими целебными кашами. Но не эти заслуженно прославляемые в газетах всех трёх столиц чудеса терапии приворожили к себе из другого мира трёх могущественных и опасных джентри.

Каждый раз, покидая свой пост, бывший руководитель санатория влёк за своей машиной ещё одну, следовавшую, как на верёвочке или под гипнозом за руководителевой. Содержимое этой влекомой было самое разнообразное. Но одно повторялось неизменно. Всякий раз санаторий во время приёма новым руководителем ответственности не досчитывался какой-нибудь утвари, – а она здесь сплошь ценная, ибо предназначалась для джуни высшего разряда, – а также приборов научного характера и просто столовых, нескольких упаковок мазей и зелий, а также двух-трёх, числящихся по накладной, баков со знаменитой на весь мир кашей.

Новый руководитель изображал лёгкое изумление, но не настаивал, ибо был культурен, не хуже этих местных духов.

– Кофеварка?

– Нету.

Тут руководитель всё же опешил.

– Разве это научный прибор? Которые разбились во время шторма?

– Почти. – Мудро отвечал кастелян.

И вот сегодня согласно сведениям остролицего, который не раскрывал своих источников, очередной, семнадцатый по счёту руководитель намеревался покинуть свой пост.

На память о кратком, но блестящем правлении он увлекал с собою даже не одну машину, но ещё и прицеп, прикрепленный к его багажнику уже не гипнозом, а вполне реальным, струною натянувшимся буксирчиком.

Джентри собирались подождать его на этом повороте дороги, чтобы, ну, во-первых, посмотреть на кортеж, о котором слагали местные жители уже второе поколение вполне симпатичные легенды, годные для перехода в разряд мифа, что повышение для всякого повествования. Во-вторых, и в последних, иметь беседу с главою кортежа.

Остановили машину, как отмечено, за осиновой рощицей.

Дошли до поворота, где играли в прятки три ветки дерева, такие сильные и мускулистые, будто задумывали отделиться от ствола.

– Дриады перессорились. – Глядя на этот интеллектуальный выпендрёж, вскользь изрёк остролицый.

Джонатан немедленно присмотрел для себя удобное седалище, вроде детских качелей, у подножия массивного подножия – дерево, несомненно, проросло в самую нижнюю часть паркета Эрец.

– Если это не одна, у которой множественные личности. – Предположил он, взглядом спротивившись у Лис.

Та отвернулась, показывая, что подобную вежливость воспитанная леди и в грош не ставит. Ну, что это – сперва плюхнулся, а потом разрешения спрашивает. Не дам разрешения, сиди на своё усмотрение, толстопятый.

– А ты что думаешь, Лис? – Заискивающе переспросил Джонатан.

– Думаю, что мы заняли слишком заметное место.

Мужчины еле приметно отправили друг другу по сигналу – лучше с ней не спорить, она ещё не отошла после поездки. Лис мигом зыркнула, но оба уже вернули себе первозданную невинность.

За поворотом всхрапнула машина, и все трое сразу отменили перестрелку. Никому не хотелось пропустить выдающееся, можно сказать, историческое зрелище.

Остролицый вышел на середину дороги и расставил ноги на аккуратном в этой части страны асфальте.

Показался жирный гладкий бампер, густо покрытый пятнистым болотным принтом. За стеклом на веревочке плясал предмет, в котором не сразу, но можно узнать череп, увенчанный короной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.